

НОВАЯ ПОЛЬША 2/2018

Выпуск изображений

Юлия Федорчук (р. 1975) – польская поэтесса, писательница, переводчица. Живет в Варшаве. Ее поэтический дебют в 2000-м году – книга стихов *Listopad nad Narwią* – был награжден премией Польского общества издателей книг. Она получила также австрийскую премию Хуберта Бурды, присуждаемую поэтам из Центральной и Восточной Европы. Федорчук опубликовала пять сборников стихотворений. Фото: К. Дубель.

Как прозаик Юлия Федорчук дебютировала в 2010 г. сборником рассказов *Poranek Marii*. Ее роман *Невесомость* был в 2016 году номинирован на премию «Нике». Фрагмент этой книги в переводе Ольги Лободзинской был опубликован в январском номере НП (1/2018). Фото: К. Дубель.

Юлия Федорчук – доктор гуманитарных наук, преподаватель в кафедре Американской литературы Варшавского университета. Среди ее переводов: сборник эссе Джона Эшбери, тексты Уоллеса Стивенса, Лори Андерсон. Федорчук является членом Association for the Study of Literature and Environment (ASLE). Фото: К. Дубель.

Содержание

1. Хроника (некоторых) текущих событий
2. Экономическая жизнь
3. Поляки — историческая нация
4. Призраки прошлого (украинская точка зрения)
5. Японский деятель «Солидарности»
6. Выписки из культурной периодики
7. Разбойничьи книги и города (ч. 2)
8. Ежи Гедройц — читатель и издатель русской литературы [ч. 2]
9. Святой Иоанн Кассиан и «старая еврейка»: Юзеф Чапский и Людвик Херинг
10. Культурная хроника
11. Лесбос
12. Стихотворения
13. Польский битник
14. Познань, путешествие в будущее
15. Заявление Польского ПЕН-клуба
16. Заявление польских участников Группы польско-украинского диалога

Хроника (некоторых) текущих событий

- «Президент Анджей Дуда вчера принял присягу правительства нового премьер-министра Матеуша Моравецкого. (...) Изменения в составе кабинета министров произойдут только в январе». («Газета wyborcza», 12 дек.)
- «Краткое содержание выступления премьер-министра Моравецкого. • НАТО продолжает оставаться фундаментом нашей безопасности, а США — нашим главным союзником (...).
- Нам не нужен ЕС двух скоростей (...). • Гдыня станет центральным портом, осуществляющим морское сообщение (...). • Уголь — это основа нашей энергетики (...). • Нам по-прежнему не хватает 3-4 миллионов квартир (...). Не у всех есть деньги на экологически чистое топливо, борьба со смогом — это программа поддержки беднейших слоев населения (...). • Мы добьемся значительного повышения расходов на здравоохранение — до 6% ВВП (...).» («Жечпосполита», 13 дек.)
- «Впервые за четверть с лишним века премьер-министр с парламентской трибуны признал, что Польша является колонией иностранного капитала, говорит проф. Витольд Модзелевский». («Газета Польска цодзенне», 14 дек.)
- Фрагменты интервью с премьер-министром Матеушем Моравецким. «Цель, которую обозначило перед правительством наше политическое руководство во главе с председателем Ярославом Качинским, и которая заложена также в нашей программе — это модернизация и укрепление сильной и безопасной Польши. (...) Я очень польщен кредитом доверия, полученным мной от руководства правящей партии. (...) Это в первую очередь правительство “Права и справедливости”, правительство объединенных правых сил. Поэтому его состав согласовывается с политическим руководством правящей партии, в первую очередь с Ярославом Качинским. (...) Наше прошлое воспитало меня во имя нашего будущего. (...) Я очень рад, что с недавних пор в Варшаве появился проспект Леха Качинского». («Газета польска», 13-19 дек.)
- «ПИС получила в свое распоряжение центральную власть и компании государственного казначейства, а сейчас берет под контроль суды. Тем самым в руках правящей партии оказываются инструменты, благодаря которым у экономической элиты Третьей Речи Посполитой появляется повод попроситься под отеческое крыло ПИС. Моравецкий —

отличная кандидатура, чтобы убедить их в этом. (...) Обе стороны должны доверять друг другу — а важным элементом этого доверия выступает использование одного и того же политико-культурного кода. (...) Новый премьер-министр идеально подходит для проведения такого рода переговоров, поскольку изъясняется при помощи этого кода так же легко, как дышит. Моравецкому удастся убедить их перейти на сторону ПИС, поскольку он сам является живым примером того, что такой переход возможен. Он может сказать: мы с вами одной крови, мы — бизнес-элита Третьей Речи Посполитой. (...) Никакой модернизации Польши не будет, зато появится олигархически-кумовская система, а эти господа поставят себе в заслугу, что им удалось навести порядок в польской экономике и направить страну по пути ускоренного развития», — Людвик Дорн. («Польска», 15-17 дек.)

• «Вчера премьер-министр Матеуш Моравецкий встретился в Будапеште с Виктором Орбаном. В вечернем интервью польскому телеканалу “TVР” руководитель Венгрии заявил: “Процедура, возбужденная Европейской комиссией в отношении Польши, совершенно безосновательна, к тому же ведется с нарушениями”». («Газета Польска цодзенне», 4 янв.)

• «На сайте еженедельника “Washington Examiner” премьер-министр Матеуш Моравецкий (...) написал: “Дела между судьями распределяются их же приспешниками, без какого-либо государственного надзора. (...) Друзьям они помогают, соперникам — мстят. Если дело кажется особенно выгодным, вымогается взятка. Рассмотрение дела иногда затягивается до бесконечности, что только на руку богатым и влиятельным ответчикам. Правосудие слишком часто оказывается недоступным для тех, кто не располагает политическим влиянием и солидным банковским счетом”». (Томаш Петрига, «Жечпосполита», 20 дек.)

• «Во вторник слово взяла созванная в срочном порядке коллегия Верховного суда. (...) В своей резолюции коллегия Верховного суда опровергает ложную информацию. Судьи пишут: утверждения о том, что в результате заседаний Круглого стола генерал Войцех Ярузельский назначил уже в свободной Польше на должности судей бывших коммунистов, ложны. (...) Также не соответствует действительности заявление о том, что в работе Национального совета правосудия при рассмотрении конкурсов на должности не принимали участие рядовые судьи и сотрудники представительных органов власти. (...) Утверждение, что нынешняя система назначений на судейские должности основана на кумовстве и коррупции — это тоже ложь. Четвертая претензия касается слов премьер-министра о распределении дел в польских судах. Судьи Верховного суда

подчеркивают, что это тоже неправда. (...) Судьи напомнили Матеушу Моравецкому, что если он, как глава правительства, располагает информацией о преступной деятельности судей, он обязан проинформировать об этом следственные органы». (Агата Лукашевич, «Жечпосполита», 20 дек.)

- «В пятницу вечером Сенат без поправок принял законы о Верховном суде и Национальном совете правосудия. (...) Когда истечет срок полномочий судей, входящих в состав Национального совета правосудия, новых членов совета выберут политики. Наполовину обновится также состав Верховного суда. В его структуре появятся две новые палаты. Можно будет пересматривать вступившие в силу приговоры двадцатилетней давности. В четверг ночью Сейм внес поправки в избирательное право, усилив влияние правительства на ход и организацию выборов». («Жечпосполита», 18 дек.)

- «В новых условиях фактическим начальником следственных органов является генеральный прокурор Збигнев Зёбро. Если он встанет во главе судов, мы получим классическое полицейское государство», — проф. Кароль Модзелевский. («Пшеглэнд», 27 дек. 2017 — 1 янв. 2018)

- «Хельсинкский фонд по правам человека и еще 46 неправительственных организаций направили президенту Анджею Дуде письмо с требованием наложить вето на законы о Верховном суде и Национальном совете правосудия». («Супер экпресс», 15 дек.)

- «Смена кадров будет первым результатом вступления в силу уже одобренных Сенатом законов о Верховном суде и Национальном совете правосудия. Президент получил возможность влиять на состав Верховного суда, а депутаты будут определять состав квалифицированного большинства членов совета. (...) Более трехсот юристов крупнейших юридических фирм призвали президента наложить вето на эти законы». («Дзенник газета правна», 18 дек.)

- «Президент Анджей Дуда подписал в среду законы о Верховном суде и Национальном совете правосудия. (...) Это произошло через три часа после того, как Европейская комиссия приняла беспрецедентное решение: применить в отношении Польши статью 7 договора о ЕС, в результате чего Польша будет признана неправовым государством. Это ответ на проводимую ПИС реформу системы правосудия, начиная от политического захвата Конституционного трибунала и подчинения судей министру юстиции до сокращения срока полномочий судей Верховного суда. (...) Никто из комиссаров ЕС не возражал против такого решения. (...) Решение комиссии может быть отменено, если в течение трех месяцев Польша выполнит рекомендации комиссии относительно Конституционного трибунала, Верховного суда и

Национального совета правосудия. (...) Согласно результатам опроса Института рыночных и социологических исследований большинство респондентов (53%) хотело бы, чтобы президент Дуда не подписывал оба закона, противоположного мнения придерживаются 34% опрошенных». (Зузанна Домбровская, Анна Слоевская, «Жечпосполита», 21 дек.)

• «Национальный совет правосудия, в состав которого входят по большей части ставленники ПИС (а не судьи, как раньше), назначил судей Верховного суда, в первую очередь членов новых палат: палаты чрезвычайного контроля и дисциплинарной палаты. (...) Кроме того, в работе обеих новых палат принимают участие заседатели (...), избранные Сенатом, где ПИС располагает большинством голосов. Эти заседатели также будут принимать решения по вопросам, связанным с выборами и дисциплинарной ответственностью. Снижение пенсионного возраста судей общей юрисдикции вместе с расширением полномочий министра юстиции (...) дает властям возможность влиять на многих судей, готовых вести себя тихо в обмен на различные бонусы и привилегии. Принятие нового закона о судах в сочетании с (...) новым законом о прокуратуре, объединяющим должности генерального прокурора и министра юстиции, приведет к тому, что один и тот же человек будет одновременно и участвовать в судебных процессах (в качестве прокурора), и осуществлять надзор за работой судов (в качестве министра). (...) Более того, министр как генеральный прокурор получает право инициировать так называемую чрезвычайную жалобу, позволяющей (...) пересматривать — и тем самым подвергать сомнению — вступившие в законную силу решения всех инстанций многолетней давности. (...) Венецианская комиссия в своем заключении неоднократно (...) ссылалась на советскую модель (...): “Предлагаемая польская система не совсем идентична бывшей советской, однако между ними много общего”», — проф. Войцех Садурский. («Газета wyborcza», 16-17 дек.)

• «Захват судов министром Зёбро набирает скорость. С августа министр уволил уже 49 председателей и 49 заместителей председателей судов. На вакантные должности, появившиеся в результате его деятельности либо целенаправленно удерживаемые, он назначил уже 118 председателей и их заместителей. “Мы пока что на полпути”, — говорит вице-министр юстиции Лукаш Плебак». (Мартин Стельмаськ, «Газета wyborcza», 22 дек.)

• «Ассамблея представителей судей Окружного суда в Варшаве приняла две резолюции. В первой она обращается к президенту Дуде с призывом не подписывать законы о Верховном суде и Национальном совете правосудия. (...) Во второй резолюции

ассамблея призывает судей не баллотироваться в Национальный совет правосудия». (Агата Лукашевич, «Жечпосполита», 18 дек.)

- «Судьи Окружного суда, а также районных судов краковского Средместья и Мысленице (...) выразили свой решительный протест по поводу решения министра юстиции об увольнении председателей и заместителей председателей краковских судов. (...) Они призывают других судей не занимать предлагаемые им должности и отказаться от тех, которые те уже успели занять. (...) Судьи также просят президента наложить вето на законы о Верховном суде и Национальном совете правосудия». (Агата Лукашевич, «Жечпосполита», 19 дек.)

- «Всеобщая ассамблея судей Радомского округа призывает новых председателей судов, назначенных министром Зёбро, отказаться от должностей». («Газета wyborcza», 3 янв.)

- «Господин Лонгин из Вейхерово ежедневно сообщает мне, сколько человек протестовало перед судом в его городе. Иногда их бывало около сотни, позавчера — лишь 12 человек. Последнее сообщение: “Перед судом в Вейхерово нас было трое. Мы спели польский гимн. Поговорили о своих заботах. Свобода, равенство, демократия.”», — Томаш Яструн. («Пшеглэнд», 2-7 янв.)

- «В среду Районный суд варшавского района Средместье рассматривал первые три из 39 жалоб активистов движения “Граждане Речи Посполитой”, задержанных 11 ноября на улице Смольной в Варшаве. В тот день общественники пытались воспрепятствовать “Маршу независимости”, однако еще до 15 часов их окружила полиция. 45 человек были доставлены в комендатуру полиции. (...) Суд постановил, что имевшее место задержание было безосновательным и незаконным. (...) “Как видим, судьи не поддаются давлению. Они реагируют на нарушения, борются с ними, выносят решения, руководствуясь нормами права и собственной совестью. Это очень важно, особенно в условиях, когда их независимость под угрозой. Это испытание судьи проходят, к счастью, успешно”, — говорит адвокат Катажина Гайовничек-Прушинская, представляющая в суде интересы “Граждан Речи Посполитой”. И добавляет, что в устном обосновании суд проинформировал стороны о своих намерениях обратиться в прокуратуру, поскольку подозревает сотрудников полиции в совершении преступления, выразившегося в превышении полномочий либо в ненадлежащем выполнении своих обязанностей». (Эва Иванова, «Газета wyborcza», 5-7 янв.)

- «Муниципальные выборы в этом году пройдут по новым правилам. (...) Как утверждают юристы, принятый законопроект “полностью противоречит не только конституции Польши, но и законодательству ЕС”. (...) О

политизированности закона говорит, в частности, порядок избрания членов Государственной избирательной комиссии (ГИК). Семеро из девяти членов ГИК должны избираться Сеймом. (...) Ранее эта структура по определению была вне политики. (...) Неясно также, что значит “ручательство за надлежащее исполнение своих обязанностей”, совершаемое главами избиркомов (их число сокращено). (...) Странным выглядит и предложение, чтобы новый руководитель Национального избирательного бюро выбирался ГИК из трех кандидатов, представляемых... министром внутренних дел. (...) К принципиальным изменениям можно отнести введение двух сроков полномочий для старост, бурмистров и мэров городов. (...) “Это новшество вводит авторитарный метод руководства на уровне местного самоуправления, — говорит юрист Яцек Свеца. — Подобным же образом я оцениваю автоматическое продление полномочий советов гмин и поветов с 4 до 5 лет”». (Роберт Бискупский, «Жечпосполита», 3 янв.)

- «Главами избиркомов в регионах уже будут не судьи, а лица с юридическим образованием, назначенные министром внутренних дел. Это они станут начальниками 5 тысяч сотрудников избиркомов. С 2023 года они также будут решать, как должны выглядеть избирательные округа. Таковы новшества, предусмотренные принятым Сеймом законом о внесении изменений в избирательный кодекс. (...) После очередных парламентских выборов изменится состав Государственной избирательной комиссии. Сегодня она состоит исключительно из судей. После реформы судей там будет только двое. Остальных членов комиссии будет выбирать Сейм». («Дзенник газета правна», 18 дек.)

- «Национальный совет телевидения и радиовещания назначил телеканалу “TVN24” штраф в размере 1,48 млн злотых. Речь идет о репортажах с протестных акций в Сейме и возле здания Сейма в декабре 2016 года. (...) По мнению совета, телеканал, рассказывая о событиях 16–18 декабря 2016 года, нарушил закон о телевидении и радиовещании, пропагандируя действия, запрещенные законом, и поддерживая акции, угрожающие безопасности». («Жечпосполита», 12 дек.)

- «Со своей позицией выступил даже Госдепартамент США (“TVN24” уже более двух лет принадлежит американской фирме “Scripps Networks Interactive”). В заявлении госдепартамента говорится, что США обеспокоены решением наложить штраф на “TVN24” за якобы необъективное освещение демонстраций перед Сеймом. (...) EPRA (Европейская платформа регулирующих органов), международная организация, объединяющая 56 структур, регулирующих деятельность масс-медиа, из 46 стран, попросила (...) поделиться подробностями (...) принятия решения о

назначении взыскания. (...) Премьер-министру Моравецкому в четверг пришлось объясняться по поводу решения Национального совета телевидения и радиовещания в Брюсселе». (Агнешка Кублик, «Газета wyborcza», 15 дек.)

- «С 1 марта 2018 г. (...) вступает в силу принятый Сенатом закон, ограничивающий торговлю в воскресенье. Закон принят для того, чтобы работники магазинов могли в воскресенье отдохнуть, а покупатели — провести время с семьями и поучаствовать в религиозных обрядах». («Дзенник газета правна», 18 дек.)

- «В 2016 году на воскресную литургию приходили 36,7% верующих. (...) Между 1980 и 1990 годами воскресную литургию посещало около половины прихожан, в 2011 году — только 40%, а в 2013 году их количество впервые оказалось меньше 40% (39,1%). (...) Среди тех, кто посещает воскресные богослужения, количество принявших первое причастие составило в 2016 году 16% (на 1% меньше, чем в 2015 году). (...) Запущена новая пастырская программа, цель которой — новое открытие верующими Святого Духа. (...) По мнению архиепископа Виктора Сковрца, председателя комиссии пастырской работы Конференции Епископата Польши, на пробуждение религиозного самосознания поляков должно также повлиять ограничение торговли в воскресенье». (Томаш Кшижак, «Жечпосполита», 5-7 янв.)

- «Количество выявленных случаев коррупции, злоупотребления властью и взяточничества растет с лавинообразной скоростью. В прошлом году (до конца ноября) количество преступлений такого рода превысило 32 тыс. — это на 17,5% больше, чем за аналогичный период 2016 года, сообщает Главная комендатура полиции». (Гражина Завадка, «Жечпосполита», 3 янв.)

- «Украинский поэт Сергей Жадан, которого я встретил в прошлом году на литературном фестивале в Катовице, подошел ко мне и, глядя мне в глаза с грустью и как будто с некоторым упреком, спросил: “Во что вы превратили эту страну? Во что вы ее превратили?”. Мне ничего не оставалось, как ответить: “Не знаю, б..., Сергей, не знаю”, потому что для украинцев Польша была образцом, показывала как выйти из коммунистического дерьма. Они и в самом деле думали, что у нас можно этому поучиться. А я мог только повторить вслед за Пилсудским, который, обращаясь к украинским офицерам, сказал: “Простите меня, господа, простите...”», — Анджей Стасюк («Ньюсуик Польска», 2-7 янв.)

- «Введение военного положения застало меня врасплох. По прошествии времени видно, что его подготовка велась практически на наших глазах, нам просто не хватило воображения, чтобы связать все элементы в одно целое. (...) И

таким сигналом мне сегодня представляется создание войск территориальной обороны. Ведь Мацеревич не скрывает, что цель этих формирований — борьба с внешним и внутренним врагом. О каком внутреннем враге может идти речь в таком однородном социуме, как наш? Или взять, к примеру, постоянные кадровые рокировки среди комендантов полиции. В одной только Варшаве за последние два года сменилось четыре коменданта. Невозможно поверить, что ни один не справлялся со своими обязанностями. Видимо, все они были недостаточно лояльны по отношению к власти. Это уже происходит, просто нам опять не хватает воображения, чтобы понять, к чему всё идет. Я это уже видел, я это фотографировал. (...) Мы забыли, что такое война, и потому начали опасную игру, думая, что мир можно поджечь еще раз. (...) У меня в голове не укладывается, что в городе, где так чтят память о варшавском восстании, могли допустить марш фашистов. (...) Власти втихаря разрешили им это. Фашистам уже не нужно скрывать свои взгляды. Как могло получиться, что священник благословил членов Национально-радикального лагеря перед маршем? Мне звонят приятели из других стран и спрашивают, мол, что у вас там происходит? В глазах всей Европы Польша становится чужой, непонятной страной», — Крис Ниденталь. («Политика», 1-9 янв.)

• «В 0.33 в ночь со среды на четверг, (...) в полицейской базе появилось сообщение: “Улица Хубская, 111, напротив «Лидла», мужчина в состоянии алкогольного опьянения, без обуви”. Пьяного обнаружили сотрудники охраны железнодорожных путей. “На месте выяснилось, что лежащий человек — начальник городской комендатуры полиции Вроцлава”, — записали полицейские. Подинспектор Збигнев Рачак был недавно переведен из Острова Велькопольского во Вроцлав на повышение». (Яцек Харлукович, «Газета выборча», 5-7 янв.)

• Под-держ-ка пар-тий: «Право и справедливость» — 45%, «Граж-дан-ская платфор-ма» — 18%, «Современная» — 10%, Кукиз'15 — 8%, Союз демократических левых сил — 6%, крестьянская партия ПСЛ — 5%, «Вместе» — 5%, «Свобода» — 3%. Избирательный порог составляет 5%. Опрос исследовательского института “Pollster”, 13-15 декабря. («Супер экспресс», 16-17 дек.)

• «Согласно опросу “Kantar Public” от 11 декабря, явка на выборах могла бы составить 66,2%». («Факт», 14 дек.)

• «“10 тыс. спящих ботов с 31 октября наблюдают за аккаунтами в твиттере, принадлежащими лидерам польской оппозиции. Знаете, что это значит? Что в Польше началась информационная война!”, — написала во вступлении к своему аналитическому докладу Анна Межинская, специалист по соцсетям, занимающаяся исследованиями интернет-среды.

Боты — это роботы, имитирующие реальных пользователей, с их помощью, в частности, распространяется спам и вредоносные ссылки, а также дискредитируются политики. (...) По мнению Межинской, идет подготовка к информационной войне, цель которой — влиять на общественные настроения посредством распространения ложной информации, подогревая самые радикальные эмоции. (...) В свою очередь, согласно исследованиям Роберта Горвы, (...) каждый третий пост на польском фейсбуке (22 млн пользователей) и в твиттере, касающийся политики, размещается ботами по заказу различных политических кругов. (...) По всей видимости, большинство интернет-сайтов, используемых российскими спецслужбами в Польше, создаются здесь, у нас. (...) Аналитик Адам Хартли (...) утверждает, что в последние два года роботы в польском информационном пространстве поддерживают то одну сторону политической дискуссии, то другую. (...) Станислав М. Станчук осторожно замечает, что наблюдаемое нами явление — это еще не боты, занимающиеся дезинформацией, которые выдают себя за нормальных пользователей и стараются вызвать доверие как можно большего количества людей в твиттере. Их время еще впереди». (Виолетта Красновская, Мартина Сюдак, «Политика», 13–17 дек.)

- «Почти 5 тыс. человек обжаловали решение уменьшить выплаты бывшим силовикам, которые хотя бы один день прослужили в ПНР. (...) До 11 декабря поступило 4674 такие жалобы. (...) В этой связи суд обратился к министру юстиции с просьбой создать специальный отдел, который занялся бы только этими жалобами. Суд хотел бы, чтобы над этим работали как минимум 125 человек: 25 судей, 25 ассистентов и 75 чиновников. (...) Бюджету это может обойтись в 1 миллион злотых ежемесячно». (Кацпер Суловский, «Газета wyborcza», 15 дек.)

- «Снижение пенсионного возраста я считаю одним из самых странных решений нынешнего правительства, очень вредным для Польши. Прогнозируемая продолжительность жизни в Польше быстро растёт. При этом рождаемость в вашей стране — одна из самых низких в мире. (...) Налоги в Польше составляют примерно 39% национального дохода, а бюджетные расходы — около 42%. Таким образом, дефицит составляет 3%, но он будет расти из-за старения населения. Мудрая экономическая политика должна планировать все на двадцать лет вперед. Количество людей старше 65 лет растёт. Как платить им пенсии, одновременно сохраняя конкурентоспособность экономики? (...) По всей видимости, численность населения в Польше сохранится на нынешнем уровне или даже немного уменьшится. Во многих западных

странах та же тенденция. В этом нет ничего плохого. Но и ничего хорошего для экономического развития. Зато планета будет спасена от угрозы голода и глобального потепления», — Джефффри Сакс. («Политика», 1-9 янв.)

- «В последние годы количество браков между поляками и гражданами других государств выросло на 37,8% — с 3367 в 2015 году до 4662 в следующем. (...) В первую очередь выросло количество браков с украинками: в 2011 году таких союзов было 292, в 2013 — 424, в 2015 — 573, а в 2016 — 782. (...) Кроме украинок, польские мужчины охотно берут в жены россиянок и белорусок (в 2016 году зафиксировано соответственно 107 и 99 таких браков). (...) Быстро растет количество браков, заключенных на территории Польши украинскими парами (в 2010 году — 10, в 2015 — 49, в 2016 — 68)». (Иоанна Цвек, «Жечпосполита», 3 янв.)

- «Официально их два миллиона, неофициально — четыре. В одном только Вроцлаве 10% населения составляют украинцы. Если бы все они вдруг уехали в один день, работа предприятий торговли и общественного питания была бы парализована. Город бы попросту замер. Они работают на 14 часов в неделю больше, чем поляки, зарабатывая в среднем 2,1 тыс. злотых “брутто” в месяц. Как правило, работают они не по специальности, занимаясь неквалифицированным трудом. Свой заработок украинцы отправляют домой, семье. Их жалование все реже оказывается ниже минимальной зарплаты. (...) Украинцы все чаще решают остаться в Польше насовсем». (Гжегож Шиманик, «Газета wyborcza», 18 дек.)

- «Президент Дуда начал свой визит в Харьков с посещения кладбища жертв тоталитаризма, где почтил память польских военных, убитых НКВД. Вместе с президентом Украины Петром Порошенко он возложил венок в память о жертвах этого преступления». (Мачей Кожушек, «Газета Польска цодзенне», 14 дек.)

- «В прошлом году Польша отказалась принимать 7 тыс. беженцев, которые должны были прибыть к нам в рамках программы ЕС по размещению беженцев. В это же самое время, по данным Евростата, мы выдали разрешения на пребывание в стране более чем 585 тыс. приезжих из стран, не входящих в ЕС». (Марек Рабий, «Тыгодник повшехны», 26 нояб.)

- «Сколько денег получила Польша из бюджета ЕС после вступления в Евросоюз? (...) После вступления Польши в ЕС в ее бюджет поступило 140,1 млрд евро. (...) В бюджет ЕС Польша внесла 46,7 млрд евро. (...) Источник: Европейская комиссия в Польше». («Газета wyborcza», 21 дек.)

- «В течение двух лет враждебное отношение к беженцам выросло с 25 до 75%. (...) Виселицы с лозунгом “Смерть врагам родины!” — это уже язык погрома. (...) И такие инциденты, как

нападение на кебаб-кафе в Элке, уже имели место. В сети фотография, изображающая ликвидацию варшавского гетто, сопровождается подписями с призывами “истребить тварей-беженцев”. Это наглядно подтверждает, что мы живем среди потенциальных убийц», — Павел Добросельский. («Газета выборча», 16-17 дек.)

• «После шести лет войны в Сирии 2 млн 300 тыс. детей оказались беженцами. (...) Из 7082 беженцев, которых мы должны были принять, мы не приняли ни одного. (...) В этом году (данные за 8 декабря 2017 года) в Европу приплыло 161 376 беженцев, не только сирийцев. Из них утонуло и пропало в море 3080 человек. Сколько среди них было детей? Веселого Рождества, господин премьер-министр! Вкусного рождественского карпа в кругу семьи. Двое детей в день. До Рождества утонет еще несколько человек», — Войцех Тохман. («Газета выборча», 18 дек.)

• «Предпраздничная атмосфера в конце декабря заставляет задуматься, чего мы хотим пожелать близким, дальним и совсем далеким. Всюду царят оптимизм и надежда, что будет “еще лучше”. Страшно это произносить, но лучше уже не будет. Ожидание бесконечного улучшения нашей жизни сталкивается с участившимися предостережениями экологов, демографов и экономистов. (...) На наших глазах происходит банкротство надежды на постоянный прогресс. Как результат — сопротивление тех, кто за этим прогрессом не поспевает, а также последствия паразитического существования человека на планете Земля. (...) Нужно сказать честно: “довольствуйся малым”, (...) уважай Землю, на которой живешь, не желай ничего, что у ближнего твоего, не собирай сокровищ на земле, сдерживай свой аппетит...», — проф. Пшемислав Урбаньчик («Газета выборча», 30 дек. 2017 — 1 янв. 2018)

• «По данным Института рыночных и социологических исследований, 67% поляков поддерживают запрет на разведение животных ради меха». («Политика», 22-28 нояб.)

• «Стратиграфические сигналы, датирующие начало антропоцена 50-ми годами прошлого столетия — это, в частности, радиоактивные элементы, которыми мы отравили недра, (...) пластик, лежащий даже на дне океана, сажа, что летит из печей и выхлопных труб, соединения фосфора и азота, которыми (...) мы засыпаем поля, (...) а также знаменитое ДДТ, убивающее насекомых, концентрация углекислого газа в атмосфере и (...) покрывающий весь мир толстый слой бетона. (...) На каждый квадратный метр поверхности Земли, в том числе океана, приходится сегодня один килограмм бетона. (...) В биомассе всех животных, существующих сегодня на Земле, дикие животные составляют всего лишь 3%. Горстка слонов, львов, тигров и китов противостоят целой орде людей, свиней,

коров и овец. (...) Глобальное потепление на самом деле только начинается. Рост уровня океана только начинается. Шестое массовое вымирание только начинается...». (Томаш Улановский, «Газета wyborcza», 30 дек. 2017 — 1 янв. 2018)

• «Согласно отчету Национальной библиотеки, всего 37% поляков прочитало в 2016 году хотя бы одну книгу. Тех, кто читает как минимум семь книг в год, оказалось 10%». («Жечпосполита», 1 дек.)

• «У меня есть несколько знакомых, которые без труда могли бы пользоваться огромным общественным авторитетом в связи со своей непредвзятостью, широким интеллектуальным кругозором и уважением к этическим нормам, обязательным для цивилизованного человека. К сожалению, именно по этим причинам у моих знакомых нет никаких шансов на всеобщее признание. (...) То, что нам удалось ниспровергнуть буквально все авторитеты, меня глубоко огорчает, и я вижу в этом серьезную угрозу для нашего будущего», — проф. Михал Клейбер, председатель Комитета прогнозов Польской академии наук. («Пшеглэнд», 27 дек. 2017 — 1 янв. 2018)

• «Всего за семь лет спрос на книги на берегах Вислы снизился почти на 40%, и сегодня на каждого поляка едва ли приходится три купленных книги в год». (Марек Рабий, «Тыгодник повшехны», 26 нояб.)

• «Каждой партии нужна социальная опора. У либеральных партий это средний класс, который в Польше по-прежнему довольно слаб. Кроме того, наше общество находится под сильным влиянием католической Церкви, и это влияние не только религиозного, но и политического характера, часто противоречащее либеральному восприятию мира. (...) В свое время депутат Богумила Боба из Христианско-национального блока сказала Витольду Гадомскому: “Вы, либералы, лучше этих из Союза демократических левых сил, поскольку вы евреи, а они — выкресты”. Красиво сказано. (...) Либеральная партия очень бы пригодилась сегодня для защиты гражданских свобод, для противодействия крепнущим националистическим, ксенофобским и популистским силам», — Анджей Арендарский, председатель Национальной экономической палаты, бывший министр внешнеэкономического сотрудничества. («Жечпосполита», 30 дек. 2017 — 1 янв. 2018)

• Хощно находится в 80 км на юго-восток от Щецина. «Четверым арестованным сегодня 38, 41, 47 и 56 лет (когда они съели человека, были на 15 лет моложе). Пятый подозреваемый умер в начале 2017 года. (...) Следствие установило, что осенью 2002 года (...) злоумышленники сначала пытали похищенного человека, затем убили его ножом и отрезали жертве голову. Разрезали тело на части, некоторые куски поджарили на костре. Пили водку и закусывали жареным человеческим мясом. (...)

Мясом с ягодич и бедер преступники угощали знакомых. (...) В прокуратуре опасаются, что в этом уголовном процессе могут быть сложности с объектом преступления, поскольку личность жертвы не установлена». (Адам Задворный, «Газета выборча», 19 дек.)

Экономическая жизнь

Почти девять из десяти работодателей в Польше намереваются в текущем году принять новых сотрудников, а 72% фирм готовы повысить оплату труда. Инженерия, производство, логистика, услуги в сфере бизнеса, информатика и строительство — в этих отраслях работодатели почти единогласно заявляют о планах привлечения новых работников в текущем году. В докладе «Тенденции рынка труда», который оказался в распоряжении газеты «Жечпосполита», сообщается, что 88% из более чем 2500 обследованных предприятий вступили в 2018 год с планами расширения персонала. Главная причина для привлечения сотрудников — это обусловленный благоприятной конъюнктурой растущий спрос на продукцию или услуги фирм. Вторая — дефицит квалифицированных кадров: лишь 38% опрошенных работодателей считают, что их персонал обладает компетенциями, необходимыми для выполнения целей бизнеса. Остальные опрошенные ощущают нехватку кадров, которую будет нелегко восполнить, поскольку таких фирм — 89% среди всех охваченных исследованием.

Нынешний год должен стать рекордным для польской автомобильной отрасли и авторынка. Продажа автомобилей, вероятнее всего, превысит уровень 2017 года, ожидаются также новые инвестиции. Для импортеров и автодилеров хороший знак — укрепляющийся злотый и снижение числа регистраций сильно поддержанных автомобилей. По мнению председателя Польского автомобильного союза Якуба Фарыся, который дал интервью газете «Жечпосполита», Польша уже снискала признание как страна, где производятся даже наиболее сложные детали и конструктивные элементы для автомобилей. Поэтому в столь высоком темпе в Польше возникают заводы автомобильных комплектующих. Таких предприятий становится все больше. Корейский «LG» производит в Польше аккумуляторные батареи для электромобилей. «Мерседес» в будущем году запускает в Польше моторный завод, сориентированный на производство самых современных двигателей. «Тойота» ввела в строй завод гибридных двигателей. С собственным выпуском электромобилей возможны проблемы, поскольку должна быть создана специальная техническая база, полностью отличная от производства автомобилей с двигателями внутреннего сгорания.

Вообще-то рабочих рук в Польше достаточно. Не хватает только идей, как эти руки использовать, — пишет газета «Жечпосполита». Как полагают экономисты Национального банка Польши, число тех, кто не работает, однако не потерял для рынка труда, может достигать 4 млн. Речь идет, прежде всего, о жителях села и женщинах, занятых домашним хозяйством. В Польше возрастает нехватка работающих, однако она не столь значительна, как заявляют фирмы, многие из которых привыкли, что о рабочей силе не надо особенно хлопотать, — пишет в «Жечпосполитой» Рафал Бенецкий, главный экономист Силезского банка, относящегося к нидерландской «ИНГ групп». В банках отмечают, что граница нехватки работников подвижна: по оценке, предприятия будут в состоянии увеличить занятость в соответствии с потребностью, но в некоторых отраслях промышленности и услуг это потребует увеличения оплаты труда в темпе 10% в год в течение ряда лет. Работодатели, которые хотят задействовать потенциальные трудовые ресурсы, должны анализировать причины профессиональной пассивности в регионе. Привлечение работников будет все в большей мере требовать, в частности, создания на предприятиях яслей и детских садов, а также организации патроната над престарелыми.

В фирмах, производящих разного рода транспортное оборудование, оплата труда возросла в прошлом году на 6,5%, сообщает «Жечпосполита». У отрасли хорошие перспективы, поскольку локальные перевозчики переходят на закупку экологических транспортных средств, поэтому можно рассчитывать на высокий уровень продаж. Проблема, однако, в том, что росту заработной платы не сопутствует аналогичная динамика производительности труда (реально она возросла на неполных 3%). Значительно быстрее, чем производительность, растут заработки также в фирмах, производящих одежду, электрооборудование, топливо. «Жечпосполита» проанализировала, как выглядят доходы фирм в пересчете на одного работника. Оказывается, что в розничной торговле они возросли лишь на 3%, тогда как затраты на оплату труда — на 6,4%. Причиной такой диспропорции может быть растущее давление в сфере зарплат. Нехватка трудовых ресурсов требует роста заработка. Предприятия, нуждающиеся в персонале, должны, из-за ограниченности предложения рабочих рук на рынке труда, платить больше. Однако, как солидарно полагают эксперты, пока «ножницы» между ростом заработной платы и производительностью не опасны. Лучший способ повысить производительность труда — соответствующие капиталовложения. Это, безусловно, должны быть инвестиции в современную технику и оборудование, в новые технологии, в

автоматизацию, поскольку лишь таким образом можно поднять производительность.

В минувшем году период празднования Рождества был чрезвычайно удачным для торговли. Только в последний уикенд года в обследованных ста торговых центрах побывало почти 4 млн человек, то есть почти на 10% больше, чем в предшествовавшем году. Обследование показало, что около 90% клиентов принимают участие в сезонных распродажах, а почти половина покупателей откладывает приобретения до начала периода акций и распродаж. Ежегодно возрастает перемещение покупателей в сектор интернет-торговли. Воздействие интернета видно и на традиционных продажах. Однако в течение трех недель предрождественской лихорадки число посещений в ста обследованных торговых центрах не изменилось, так что интернет отобрал у традиционных магазинов не так уж много покупателей. Удивляет весьма слабый результат больших и очень больших торговых центров (площадью свыше 40 тыс. кв. м), хотя так называемая «проходимость» наиболее крупных центров по-прежнему на 40% больше, чем на объектах средней величины. Зато прекрасные итоги у небольших торговых объектов, площадью 5–10 тыс. кв. м — их посетило на 13% больше клиентов, чем годом ранее.

Россияне добиваются от Польши большего числа разрешений на проезд грузовиков. Сами, однако, блокируют польских перевозчиков. Польские водители жалуются, что их машины задерживаются полицией, с водителей требуют денег (обычно 100 евро за проезд). Российские службы прибегают к долгим кропотливым проверкам скоропортящихся товаров, например, цветов. Часто такие проверки начинаются в пятницу днем и длятся до понедельника. Вместе с тем рынок перевозчиков в Россию быстро развивается. Растут также российские запросы на перевозки. «Мы не приемлем ограничения доступа к рынку международных перевозок для польских предпринимателей», — заявляет ведомство инфраструктуры в релизе для газеты «Жечпосполита». В неофициальных беседах россияне признаются, что хотели бы закрыть российско-белорусские переходы для международного движения и направить его исключительно через границы с балтийскими странами. Это значительно увеличило бы издержки польских перевозчиков.

Е.Р.

Поляки — историческая нация

С директором Музея Варшавского восстания Яном Олдаковским беседует Ян Роевский

Ян Олдаковский. Фото: Agencja Gazeta

— С 2004 года прошло немало времени. Тогда лозунг «Выберем будущее»^[1] казался вполне актуальным. Что — с вашей точки зрения — изменилось за эти почти 15 лет?

— Первое, что удалось, и это следует подчеркнуть, это то, что сегодня дискурс о прошлом стал полноправной формой разговора о современности. В Европе такое совсем не редкость, начиная с позиций, которые направлены на исключение ошибок, совершённых нами когда-то, и заканчивая восхвалением прошлого. Помню, как весной 2004 года, во время одной из конференций, еще до открытия музея, Владислав Бартошевский^[2] задал провокационный вопрос, можно ли с наследием Варшавского восстания войти в Европейский союз, и сам себе ответил на этот вопрос положительно. Сегодня вопрос, можно ли войти в Европейский союз с наследием Январского восстания 1863 г., Варшавского восстания 1944 г. или «Солидарности», уже не вызывает

удивления. Второе, что удалось выработать, это полифоничность дискуссий. Говоря о польской истории, мы можем обращаться к различным направлениям и моделям. Третье, что появилось — это явное общественное согласие по поводу того, что ключевым для понимания Польши является не средневековое, не судьбы барской конфедерации^[3], а XX век, то есть противостояние Польши и ее позиционирование по отношению к двум тоталитаризмам.

— *Вопрос, заданный Владиславом Бартошевским, мог бы показаться интересным в контексте House of European History^[4]. Этой брюссельской выставке недавно уделил много внимания воскресный выпуск газеты «Жечпосполита», добавив не менее провокационно: «Победит ли немецкий взгляд на историю?». В связи с этим может вновь встать вопрос о том, получится ли рассказать историю «польского XX века», соблюдая при этом национальные интересы, но не заостряя отношений с соседями?*

— Начну с рассказа об одном из аспектов нашей деятельности — мы как музей исследуем Вольскую резню^[5], и оказывается, что это преступление замалчивалось при ПНР. Потери гражданских лиц до сих пор не изучены. Надеюсь, что действующий с недавних пор Центр исследования тоталитаризмов им. Витольда Пилецкого окажется полезным в этом изучении. После десяти лет работы мы идентифицировали меньше половины убитых гражданских лиц. Конечно, если бы это делалось сразу после войны, ситуация выглядела бы иначе. Я не верю, что в этом вопросе произойдет какой-то перелом. Мы должны сами рассказать эту историю. От ПНР мы унаследовали немного знаний и немного стереотипов, и наша цель — привести этот багаж в порядок. Мы должны чтить память своих погибших. Ответ на вопрос, не мешает ли объединению поиск имен тех, кого Третий рейх стер с лица земли, звучит: нет. Мы как поляки — историческая нация. Мы многое берем от Второй мировой войны, от «Солидарности», от мечты об общности, которую строил папа Иоанн Павел II. Современные немцы — постисторическая нация. Я понимаю, что нынешним внукам палачей уже надоело расплачиваться по долгам своих дедов. Ведь это не нынешнее поколение людей в возрасте 30–40 лет голосовало за Гитлера. Это видно из того, как была подготовлена выставка в Немецком историческом музее. Она показывает, что немцам уже хотелось бы оставить это позади. Выставка посвящена историческим процессам и осуждению ненависти как таковой. Современная Германия наряду с США — один из наших важнейших партнеров, а в Европейском Союзе вообще главный. Наши экономики срослись друг с другом. Это обязывает к пониманию взаимных различий. Раз Германия уважает историчность и самосознание

Израиля, то должна уважать это и в нас. Понять, что мы всё еще оплакиваем тех, кого отняли у нас их деды. Для примера, армяне переживали свою травму на несколько десятилетий дольше. И на этом они строят свое общение с другими странами.

— Вы упомянули, что мы всё еще оплакиваем погибших. За последние годы наиболее интересные исторические книги, которые были изданы, касались проблем идентичности поляков — иных травм, нежели те, что первыми приходят нам на ум. Нужна ли в Польше история отдельных социальных групп или даже — не побоюсь этого слова — классов?

— Все мы ведем свой род от крестьян, но мир описываем языком мелкой шляхты. Когда гражданину или журналисту нужно описать то, что видит, он обращается к Петру Скарге^[6]

— гипербола является самым частым стилистическим средством. Это приводит к брутализации общественной дискуссии, но она, к счастью, не выходит за пределы вербальной сферы. Конфедерация — наша любимая форма политической активности. В этом контексте чудом была «Солидарность», которая восприняла только положительные стороны конфедерации и отвергла плохие.

— «Солидарность» вмещает в себя всё. Для американских консерваторов она будет результатом сотрудничества Рейгана с папой Римским, другие увидят в ней — так же как вы — шляхетскую конфедерацию, а я помню, что где-то читал даже об аналогии между первым съездом делегатов «Солидарности» и афинским холмом Пникс^[7].

— Да, но, вне зависимости от того, какое понимание признать наиболее точным, все мы гордимся, поскольку «Солидарность» удалась. Для меня это опыт поколения. Я помню выступление Валенсы в 1988 году, увиденное на экране маленького черно-белого телевизора. Во время дискуссии с главой официальных профсоюзов Альфредом Мёдовичем он один выступал против всей пропагандистской машины ПНР. У меня было впечатление, что я смотрю вестерн. Валенса немного обращался к телезрителям, немного к власти, не придавая особого значения собеседнику.

— В нем тоже говорил шляхтич?

— У него всегда были черты нескольких воплощений поляков. Немного король, немного шляхтич, немного представитель народа. Хитрый крестьянин, который одурачил чёрта.

— Тиль Уленшпигель...

— Но еще и Храбрый портняжка. Я сослался на «Солидарность», потому что это опыт, который полностью сложился у моего поколения. У каждого было ощущение, что он в этом участвовал. Нашлось место и для тех, кто считает, что «дух

святой изменил облик земли», и для тех, кто черпает из других политических традиций.

— Таким образом, мы говорим как об опыте «Солидарности», так и о Варшавском восстании, а оба эти события сходятся в тексте Марии Янион^[8] о трех волнах польского романтизма и «романтической парадигме». Сегодня кажется, что смоленская катастрофа открывает новую романтическую колоду карт. Волей-неволей подвергаются пауперизации символы, которыми мы пользуемся. У вас нет ощущения, что символ Борющейся Польши^[9], прикрепленный к лацкану вашего пиджака, становится сегодня оружием для различных, порой взаимно антагонистических групп?

— Похожий пример — флаг. Когда, несколько лет тому назад, молодежь боролась против «закрытия интернета», то есть АСТА^[10], она использовала и бело-красные флаги, и символы Борющейся Польши, поскольку эти символы были понятны для нее. Знак Борющейся Польши стал символом справедливого сопротивления, а то, что иногда кто-то им злоупотребляет, это для открытого общества нормально.

— Фанатские группировки?

— Каждый видит, кто пользуется этим знаком. Тот факт, что столько людей его использует, доказывает его жизненность. Этот символ несет с собой конкретную информацию. Дискуссия, вытекающая из того, что одни злоупотребляют им, а другим не хочется, чтобы у них его отняли, это нормальная вещь. Мы хотим информировать о содержаниях и ценностях, которые несет с собой этот знак. Мы занимаемся не педагогикой, а образованием. Когда мы видим на автомобиле знак рыбы^[11], то ожидаем, что водитель будет вести себя в соответствии с ценностями, под которыми подписывается, не подрежет, не покажет оскорбительный жест. То же самое с символом Борющейся Польши, это не только символ борьбы, это символ определенной позиции.

— В последние несколько дней я был на фестивале «Непокорные, Несокрушимые, Проклятые»^[12] в Гдыне, и там символ Борющейся Польши использовался на каждом шагу. Оставляя в стороне вопрос достоверности представления сложной и многосюжетной истории «проклятых солдат»^[13], не опасаетесь ли вы, что культ борьбы после 1945 года вытеснит на второй план феномен Польского подпольного государства^[14]?

— Проблема «проклятых солдат» — интересная тема для дискуссии. Для части «проклятых солдат» уйти в лес было просто выбором смерти по своим правилам. В этом году у нас в музее будет наибольшее число посетителей с 2004 года. Конечно, это еще и результат визита Дональда Трампа, который в своей речи упомянул о боях в ходе Восстания, и

британского принца с супругой, имеющих статус знаменитостей. Важен момент, когда гражданин может выбирать традицию, которой он следует. Это различные модели. Мы, например, ежегодно вручаем премию Яна Родовича «Анода»^[15], показывая, что этос Польского подпольного государства состоял еще и в формировании общества в ситуации угрозы. Фестиваль, о котором Вы упомянули, я рассматриваю как предложение. Последними говорить будут факты.

— Не соглашусь с этим. Последним будет говорить более или менее brutальный нарратив, который возобладает.

— Пусть так, но если этот нарратив будет сделан неудачно, то люди не будут ходить на плохие фильмы, читать плохие комиксы и т.д. Я имею в виду плохие в художественном смысле.

— Не знаю. Польские вкусы очень сильно меняются. Когда-то человек стеснялся смотреть на что-то стыдное, а сегодня это бывает причиной гордости. Достаточно взглянуть на нынешние кассовые сборы польских кинотеатров. Еще вопрос, не равняется ли популяризация пауперизации.

— Знания всячески упрощаются. Мы издаем комиксы, но с надеждой, лишь бы заинтересовать читателя. Одновременно издаем монографии и ведем образовательную деятельность. Одно дело привлечь внимание, а другое — получить достоверные знания. Одна форма никогда не заменит другой.

Перевод Владимира Окуня. Примечания переводчика

koncept
magazyn akademicki

-
1. «Выберем будущее» — лозунг А. Квасьневского в президентской избирательной кампании 1995 года.
 2. Владислав Бартошевский (1922–2015) — польский историк, публицист, дипломат, министр иностранных дел Польши.
 3. Барская конфедерация — объединение шляхты, созданное в 1768 году в крепости Бар для защиты самостоятельности Польско-литовской Речи Посполитой.
 4. Дом европейской истории (англ.).
 5. Вольская резня — массовое убийство нацистами мирного польского населения варшавского района Воля во время Варшавского восстания в августе 1944 года.
 6. Петр Скарга (1536–1612) — католический теолог, писатель,

деятель контрреформации в Речи Посполитой, первый ректор Виленского университета.

7. Пникс — холм в центре Афин, расположенный недалеко от Акрополя. Начиная с 507 г. до н. э. там проходили собрания первого в истории человечества демократического органа власти — афинские экклесии.
8. Мария Янион — польский ученый, критик, теоретик литературы.
9. Символ Борющейся Польши — знак в виде якоря с буквой Р, символизировавший во время нацистской оккупации надежду на обретение независимости Польши.
10. АСТА — английская аббревиатура для Международного соглашения по борьбе с контрафактной продукцией, согласно которому будет установлен строгий контроль за соблюдением авторского права в Интернете.
11. Стилизованное изображение рыбы как древнего христианского символа нередко можно увидеть на багажниках автомобилей.
12. «Непокорные, Несокрушимые, Проклятые» - фестиваль документальных фильмов, посвященных новейшей истории Польши.
13. «Проклятыми содатами» в Польше принято называть участников антисоветского и антикоммунистического подполья, действовавшего в Польше во второй половине сороковых и в пятидесятые годы XX века.
14. Польское подпольное государство — совокупность подпольных военных, политических и гражданских организаций, существовавших на территории оккупированной немцами Польши в годы Второй мировой войны.
15. Ян Родович (подпольная кличка «Анод», 1923–1949) — солдат польского сопротивления, участник Варшавского восстания, погиб в застенках польского Министерства общественной безопасности.

Призраки прошлого (украинская точка зрения)

С украинским историком, эссеистом и переводчиком Андреем Павлышиным беседует Войцех Пестка

— Споры вокруг фильма «Волынь» Войцеха Смажовского не утихают до сих пор. А как была встречена картина в кругах украинских историков?

— То, что произошло на Волыни в 1943 г., было большой трагедией. Поэтому об этих событиях надо говорить открыто и серьезно, соблюдая осторожность и избегая резких высказываний. У нас до сих пор нет четкой картины того, что произошло. Мне как историку известно, настолько сильно эмоции мешают узнавать правду о какой бы то ни было трагедии. До сих пор мы воссоздавали картину того, что имело место на Волыни и в Галиции в 1943-1945 гг., опираясь на субъективные переживания, сохранившиеся в воспоминаниях. Сегодня оружием общественно-политического спора между Польшей и Украиной стал художественный фильм, который не столько занимает место достоверного повествования об этой трагедии, сколько подменяет истинную дискуссию и исторические документы. Этот фильм вызывает к жизни призраки прошлого.

— Несколько лет назад Леонид Зашикийняк, историк, профессор Львовского университета им. Ивана Франко, сказал: «Мы, украинские историки, не можем отрицать этой антипольской акции, она подтверждена документами и тысячами жертв. Мы должны эти действия критически осмыслить, принять и признать антигуманными, независимо от того, как мы будем их называть — чистками или геноцидом».

— Такова позиция авторитетных научных кругов. Однако ни в польском, ни в украинском обществе не хватает духа честно прояснить сомнения и узнать всю правду об этой трагедии. Здесь надо сразу оговориться — прояснить насколько, насколько это еще возможно. Это касается и части политических элит наших государств, которые создают на этом свой капитал и формируют электорат. Когда заходит речь о польско-украинских отношениях, то внимание значительной части политиков, начиная от крайне правых националистов и

заканчивая коммунистами, сосредоточено на том, чтобы сеять всё новые сомнения и подозрения, подпитывать взаимную вражду и неприязнь. Это служит разделению обоих народов, и в конечном счете должно поставить между ними барьер, уничтожить все то, что достигнуто сегодня на пути к примирению, ниспровергнуть огромное интеллектуальное наследие парижской «Культуры» и Ежи Гедройца. Это «плохие друзья» из мира политики, которые весьма ловко манипулируют фактами и ведут недобрую работу в чужих интересах, в чем, впрочем, порой официально признаются.

— *Как это понимать, что если мы говорим о роли церкви, нельзя ставить знака равенства между тем, что произошло на Волыни, и тем, что имело место в Галиции?*

— Одни и те же понятия по обеим сторонам границы часто обозначают совершенно разные вещи. Поляки, говоря об украинской церкви, приписывают ей роль и позицию римско-католического костела в Польше, и ввиду сходства литургии смешивают православную и греко-католическую (или униатскую) церковь. Надо четко обозначить, что когда мы говорим о греко-католической церкви, то имеем в виду Галицию. Митрополит Андрей Шептицкий в двадцатые-тридцатые годы XX века осуждал террористическую деятельность, ведущуюся украинским подпольем, а позже Организацией украинских националистов (ОУН). В 1939 году он совершает попытку предупредить антипольские действия, он открыто выступает в защиту евреев, требует прекратить кровопролитие, о чем свидетельствуют его пастырские письма 1942 г. («Не убей») и 1943 г. («Послание к духовенству и верующим греко-католического львовского архиепископства»), а также «Мир о Господи (Об убиении священников)» в связи с убийствами представителей духовенства. Письма эти были прочитаны в греко-католических храмах. Если ОУН не решилась уничтожить митрополита Шептицкого, то исключительно из опасения перед реакцией верующих. Если бы мы и могли его в чем-то упрекнуть, то скорее в молчаливом одобрении формирования регулярных украинских отрядов под крылом у немцев. Он считал, что гораздо большее зло представляет собой коммунизм, это мнение (особенно на последней стадии войны) разделяли также и лидеры Польского подпольного государства. Следует, однако, признать, что тем не менее Андрей Шептицкий не поддался давлению и не подписал письмо к украинской молодежи с призывом вступать в ряды 14 Гренадерской дивизии СС.

— *А как ситуация выглядела на Волыни?*

— Здесь мы имеем дело с совершенно иной действительностью. В соответствии с конвенцией с 1925 года греко-католическая

церковь не имела на Волыни приходских структур, можно сказать, что ее там не было. Римско-католическая церковь была слабой, она лишь заявляла о себе и усиливала свое влияние, борясь с православной церковью, духовенство которой имело в основном русские корни. Луцкий воевода Генрик Юзевский в рамках так называемого «волынского эксперимента» пытался не только провести «быструю» украинизацию местной православной церкви (что не сделало его популярным среди православных священников), но и расправиться с националистическими движениями. Деятельность значительной части украинских просветительских и кооперативных организаций была запрещена. Кампания по уничтожению церквей и замены их католическими костелами, проведенная в 1938 году с участием армии (после отставки Юзевского), вызвала бурные протесты и враждебные настроения среди украинского населения Волыни, которое на 70% оставалось православным. Надо добавить, что, хотя поляки (около 17%) и евреи (около 10%) составляли меньшинство на Волыни, они все же играли доминирующую роль в общественной жизни. Во времена Второй Речи Посполитой ни один украинец не стал даже войтом^[1]. Это тоже формировало определенные настроения в обществе. Однако, что важно и что иногда ускользает от участников дискуссии, мы должны очень последовательно разделять две Церкви с разной национальной и духовной традицией, которые часто в обиходном представлении в Польше не различаются.

— Усиливающиеся в украинском обществе националистические настроения и апологетика в адрес Украинской повстанческой армии (УПА) не способствуют созданию атмосферы примирения... То, что из предводителей УПА делают героев, в Польше вызывает возмущение.

— Убийством поляков не исчерпываются все события, связанные со Второй мировой войной: украинцы боролись главным образом против НКВД. Эта борьба продолжалась почти до конца 1950-х годов. Членов УПА в украинском обществе воспринимали так же, как когда-то в Польше воспринимали сосланных в Сибирь участников Январского восстания 1863 года. Сегодня для большинства украинцев УПА — это символ борьбы с коммунизмом. За свое сопротивление они заплатили огромную цену: в результате кампании НКВД были убиты почти сто шестьдесят тысяч солдат украинского подполья, а арестовано и вывезено в Сибирь почти полмиллиона украинцев. Сегодня полякам трудно разглядеть за антипольской кампанией эту антикоммунистическую деятельность.

— Не является ли это попыткой отодвинуть резню на Волыни и в

Восточной Галиции на дальний план?

— Нет. Я бы не хотел, чтобы это расценивалось таким образом. В сражениях Первой мировой войны методично и далеко не гуманным способом было убито восемь с половиной миллионов солдат, и всё же примирение оказалось возможным. Осуарий Дуамон — башня-мавзолей, где погребены останки более ста тридцати тысяч тел французских и немецких солдат, погибших в сражении при Вердене, личность и национальность которых не удалось установить, — является одним из символов этого примирения. Примеров из Второй мировой войны я не хочу приводить, они известны всем. Я верю, что примирение между поляками и украинцами возможно. Но для его поддержания необходимы желание и напряженная работа. Прежде всего, на мой взгляд, предстоит найти общий язык представителям костела и церкви, именно они должны наметить общий путь, поскольку лучше разбираются в этом, обладают большим запасом богословского знания и имеют моральное право предлагать способы примирения. Ведь канон христианских ценностей для верующих Запада и Востока на протяжении многих столетий был одним и тем же.

— ***Ты представитель той части украинского общества, которое упорно стремится к примирению.***

— В августе 1991 года в Харькове я должен был получить из типографии свою книгу «Украина и Польша между прошлым и будущим». Это было собрание исторических документов и статей, касающихся конфликта. Там среди прочего была статья Тадеуша А. Ольшанского об операции «Висла», статья о судьбах греко-католической церкви в послевоенной Польше и, кроме того, о происшествиях на Волыни и в Галиции — в основном тексты украинских эмигрантов или переводы польского «самиздата», которые должны были выйти впервые в Украине. К сожалению, из-за путча Янаева весь тираж (10 тыс. экземпляров) был уничтожен — сохранилось лишь несколько экземпляров в библиотеках. В 2004 году львовский журнал «Ї» опубликовал переведенные мной многочисленные свидетельства жертв Волыни, опубликованные польским центром «Карта». Публикация вызвала шок, протесты, она была «вычеркнута» из общественного сознания. Десять лет спустя, когда вышел очередной номер «Ї», посвященный волынской трагедии, когда вышла по-украински (тоже в моем переводе) книга Гжегожа Мотыки «От волынской резни до операции „Висла“», когда по моему сценарию был снят пятичасовой документальный фильм «Знак несчастья. Драма Волыни 1943», — степень подготовленности общества для восприятия этой темы стала уже другой. Это следующий шаг, который поляки и польские центры на Востоке считают

недостаточным, но, как я уже сказал, определенные процессы в украинском обществе, идеологически обработанном в советское время (это касается и поляков), невозможно ускорить.

— *Ты украинец. Но ты мог появиться на свет в Германии и быть немцем или родиться в Польше и стать поляком...*

— Всё из перечисленного было весьма вероятно. Мой отец родился в Польше, на Лемковщине, в деревне Мыкув. Это была очень любопытная деревня: с ноября 1918 по январь 1919 г. она входила в состав Республики Команча (или Восточно-Лемковской республики). Моих дедушку и бабушку в 1939 году угнали в Баварию на принудительные работы, конец войны они застали в американской оккупационной зоне. Они не обязаны были возвращаться, но их тянуло на родину — в Польшу. От Мыкува осталось лишь пепелище. Говорили, что деревню в рамках реваншной операции сожгла армия, потому что отсюда была родом жена «Ореста» — командира VI Округа «Сан» УПА Мирослава Онишкевича. Жителей деревни вывезли в СССР, используя в качестве предлога государственные договоры о принудительной депортации украинского населения. Это был принцип коллективной ответственности: провинился один — казнили всех. Растаяла мечта о возвращении, которой жили мои дедушка и бабушка в Германии, им не было места в Польше. Их арестовали и выслали на Восток.

— *Коммунисты лишили их иллюзий. Они не жалели, что вернулись?*

— Время коммунистов еще только наступало. Они уезжали из Польши с чувством несправедливости, с клеймом «чужих». В этом массовом исходе принимал участие их семилетний сын Степан, мой отец. Они поселились в деревушке Твиржа между Мостискарами и Судовой Вишней; дед считал, что, когда после войны всё уляжется, он сможет вернуться. Он не хотел работать в колхозе, а в СССР работать должен был каждый гражданин, и он устроился на кирпичный завод. Каждый день он проезжал на велосипеде сорок километров туда и сорок обратно.

Окончательно от мечты вернуться в Польшу он отказался лишь в семидесятые годы — тогда он переехал в Золочев к дочери.

Для Львова пятидесятые годы были периодом расцвета промышленности. Подобно Новой-Хуте и Кракову, Львов хотели сделать городом пролетарским за счет стекающих сюда крестьян-рабочих, создать новую социалистическую культуру. Научный и культурный центр, каким был этот город во времена Второй Речи Посполитой, пытались превратить в промышленный центр. Создавались фабрики-молохи. Почти весь спрос на автобусы в Советском Союзе (в том числе и автобус, в котором Гагарин ехал на стартовую площадку перед полетом в космос) покрывало предприятие «ЛАЗ» («Львовский

автобусный завод»), примерно то же было с кинескопами для телевизоров, средствами связи для армии, микросхемами, полупроводниками, измерительными приборами... Начали даже производить танки и тяжелую военную технику.

— *Приближалось твое время. Когда и где ты появился на свет?*

— Для начала должны были познакомиться мои родители. Они учились в одном классе в ветеринарном техникуме в Судовой Вишне (этот техникум существует по сей день). Моя мама Йосипа (женский вариант имени Йосип, по-польски Юзефина) стала медсестрой. Отец в 1960 году начал работать на заводе телевизионных кинескопов. Он был греко-католиком, мать — католичкой, но в советские времена костел в Судовой Вишне был закрыт, и они ходили в православную церковь. Позже, уже в свободной Украине, они вернулись в католицизм восточного обряда. Это тоже особенность того времени: религиозное разделение имело значение для людей образованных и осознающих разницу, простым же людям нужен был только Бог. Но вернемся к теме... Я родился во Львове в 1964 году. Я украинец. В качестве доказательства того, сколь сложными были этнические отношения приграничья, и как трудно провести отчетливое разделение, приведу тот факт, что старшая сестра моей мамы объявила, что она полька: ее угнали в концлагерь, после войны она попала в Австралию и стала там активной участницей полонийного движения.

— *Как ты вспоминаешь школьные годы?*

— Школы во Львове в большинстве своем были русские. Лишь наплыв деревенского населения в пятидесятые годы, в пик промышленного «расцвета», вызвал десять лет спустя спрос на школы с языком этого большинства — украинским. Было введено деление на районы, но были и исключения: территориально самая близкая к нам школа № 28 была школой элитарной, с немецким языком преподавания, и меня отдали в украинскую школу № 27 на улице Институтской (до войны здесь размещался Институт подготовки педагогических кадров, ныне это улица Иллариона Свентицкого). Рядом находилась Академии изящных искусств (до войны это была Высшая промышленная школа), а на холме — в здании довоенной гимназии № 7, описанной в эссе Збигнева Херберта «Урок латыни» — размещалась школа № 14 (тоже элитарная, как и 28-я школа, но с французским языком преподавания). Русский язык я изучал со второго класса, дома на нем не говорили. Тогда выкристаллизовалась моя идентичность: я стал «негром» (так русские насмешливо звали местное население), а моей черной кожей стал украинский язык. Школу я окончил с отличием.

— *И тут дала знать о себе твоя страсть к новейшей истории...*

— Мой интерес к истории обнаружился гораздо раньше. Еще в школе я был членом Малой Академии Наук, где под

руководством опытных ученых мы могли развивать свои интересы. Благодаря Академии у меня был доступ к собранию Государственного архива и львовским библиотекам. Магистерскую работу на историческом факультете Львовского университета я писал на тему «Польско-немецкие отношения перед Второй мировой войной». Ученые настолько сильно подвергались идеологической пропаганде, что, невзирая на факты, они ставили под сомнение даже существование секретного дополнительного протокола к пакту Риббентропа-Молотова, считая его американской фальшивкой (к примеру, так считал бывший посол СССР в Польше проф. Владимир Чугаев, мой вузовский преподаватель). Но как бы мы не оценивали советскую систему образования, университет стал для меня серьезной подготовкой и научил важной для историка вещи — умению интерпретировать источники.

— Первые четыре года ты работал в школе учителем истории, однако ты хотел большего...

— Дело не столько в том, чего я хотел, сколько в сознании необходимости наверстать упущенное, устранить пробелы в фальсифицируемой коммунистами новейшей истории Украины. Я включался в разные образовательные проекты. Одним таким проектом было издание написанной еще до войны и опубликованной за рубежом «Истории Украины» Ивана Крипьякевича. Напечатанная в 1990 году тиражом 140 000 экземпляров, книга разошлась за две недели. Был также проект издания первого украинского словаря «Универсальный словарь-энциклопедия» совместно с Польским научным издательством «ПВН» (1999) и работа в журнале „І” (2002), а затем во «Львовской газете».

— Ты был также одним из инициаторов ярмарки книги «Форум издателей во Львове».

— В 1994 году я разрабатывал концепцию ярмарки, опираясь на польский, венгерский, российский опыт... Я был также два срока депутатом Львовского городского совета (заместителем председателя комиссии по делам архитектуры и градостроительства), сотрудничал с Правозащитным центром «Мемориал» по вопросу документирования советских преступлений на Украине, руководил львовским, а затем национальным отделением Международной амнистии^[2]. Я готовил еженедельную программу на польском языке о культурной жизни Львова (5-я программа «Польского радио») и программу «Политические шахматы» для регионального телевидения, которую дважды снимали с эфира по цензурным соображениям...

— Ты добивался также реконструкции и открытия Кладбища польских орлят во Львове.

— Для нас было важно открыть Польское военное кладбище во Львове (я предпочитаю это универсальное и менее пропитанное идеологией название). За отправную точку нашей концепции мы приняли состояние кладбища на 1939 год, с учетом более поздних разрушений, чем настроили против себя обе стороны — и польскую, и украинскую. С польской стороны переговоры вел ныне покойный Анджей Пшевозник, генеральный секретарь Совета охраны памяти борьбы и мученичества, который стремился реконструировать кладбище, взяв за основу первоначальный не реализованный до войны проект 1925 года. Конечно, он был прав, когда говорил об эксгумации и расширении кладбища до первоначальных размеров, поскольку через его восточную — наиболее значительную — часть во времена СССР была проложена дорога. Но Городская рада не дала согласие на расширение границ. В этом вопросе удалось прийти к согласию. Выработали также договоренность по вопросу реконструкции надгробных памятников: сохраняя военный характер кладбища, пришли к согласию, что надгробья должны быть одинаковыми, хотя до войны в этом плане царила неоднородность. Конфликт, возникший из-за реконструкции памятников американским летчикам и французским пехотинцам, тоже удалось уладить. Дальнейшие споры шли о том, где будет вход на кладбище (было решено, что он будет со стороны Лычаковского кладбища), а самые горячие дискуссии касались надписей на могиле Пятерых неизвестных солдат из Персенковки. И здесь удалось прийти к компромиссу. Надпись «Неизвестным героям, павшим в обороне Львова и Юго-Восточных Земель» после долгих споров заменили текстом с Могилы Неизвестного Солдата в Варшаве: «Здесь лежит польский солдат, павший за Отчизну». Официальное открытие кладбища состоялось 24 июня 2005 года с участием президента Польши Александра Квасневского и главы Украины Виктора Ющенко. Мало кто знает, что согласие на это Городская рада дала под давлением профессоров Украинского католического университета во Львове, которых убедил высказаться по вопросу кладбища Яцек Куронь.

— Мы не сказали о самом главном: ты являешься самым заслуженным переводчиком польской прозы и эссеистики. Когда ты в первый раз столкнулся с польским языком?

— Мне было двенадцать лет, когда у соседей на книжной полке я увидел странную книгу на неизвестном мне языке — «Хижину дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу. Первой польской книгой, которую я купил на свои сэкономленные деньги, были «Рассказы о пилоте Пирксе» Станислава Лема. Рассказ «Условный рефлекс» из этой книги до сих пор остается моим любимым. В шестнадцать лет я понял, что польский язык будет

мне необходим для работы с документами, связанными с историей межвоенного Львова. Позже я переводил тексты «самиздата», готовил польские материалы для украинской прессы, сотрудничал с польскими организациями и издательствами, был синхронным переводчиком во время взаимных визитов. Я ставил перед собой высокие цели: первым художественным произведением, которое я перевел с польского, были «Непричесанные мысли» Станислава Ежи Леца. Эта книга вышла в киевском издательстве «Дух и литера» в 2006 году. Перевод афоризмов с одного языка на другой — это всегда вызов для переводчика ввиду лаконичности формы и трудных для передачи языковых игр.

— Ты, наверное, единственный переводчик польского, осужденный «за незнание польского языка»?

— Это звучит как анекдот, но это действительно так. Уже в конце президентства Леонида Кучмы я поместил во «Львовской газете» перевод текста из газеты «Жечпосполита» о предвыборных настроениях. Там среди прочего сообщалось о скандале в американском стиле в одном из львовских ресторанов, который закончился стрельбой по бутылкам. Героем этой истории был генерал таможенной службы, тридцатилетний Тарас Козак, имевший связи (о чем все говорили) с контрабандистами и криминальными кругами. Существовало правило, что ответственность за публикуемые тексты несет автор, за исключением случаев, когда статья была перепечатана с другого издания. Такого шанса я упустить не мог и перевел статью. Адвокаты генерала пошли с этим в суд. Их обвинение касалось, однако, не перестрелки, а якобы ошибки в переводе. Дело в том, что слово «lokal» я перевел как «ресторан», а нужно было (и это подтвердила их эксперт, выпускница полонистики Люблинского католического университета) передать его словом «помещение». Суд не стал слушать моих объяснений и вынес вердикт: я должен был опубликовать в газете публичное извинение (появилась возможность снова напечатать эту статью, только на этот раз с извинениями) и уплатить 1 гривну компенсации.

— В 2015 году ты получил награду ПЕН-клуба (несмотря на приговор украинского суда) за выдающиеся достижения в области перевода польской литературы. А несколькими месяцами ранее президент Польши наградил тебя Золотым Крестом Заслуги.

— Это для меня большая честь. Тем более что это было в юбилейный для польского ПЕН-клуба год, в его девяностолетие. Это, разумеется, знак глубокого уважения наших польских друзей к товарищам по профессии — украинским переводчикам. В истории этой награды после Максима Рыльского (он перевел на украинский язык «Пана Тадеуша» Адама Мицкевича) я стал вторым украинцем, который был

награжден за переводческую деятельность. Особую ценность этой награде придает тот факт, что в 1974 году ее получил (тоже за переводы) запрещенный тогда в Польше Чеслав Милош. В его случае обоснование награды звучало так: «За выдающиеся достижения в области перевода польской поэзии на английский язык».

Андрій Павлышин (р. 1964) — украинский эссеист, журналист, переводчик, член украинского ПЕН-клуба, историк, научный сотрудник Украинского католического университета во Львове. Известен переводами на украинский язык произведений Станислава Ежи Леца («Непричесанные мысли», 2006), Збигнева Херберта («Варвар в саду», «Натюрморт с удилами», «Лабиринт у моря», 2008), Адама Михника («В поисках свободы», 2009), Ежи Фицовского («Регионы великой ереси и окрестности», 2010), Чеслава Милоша («Сборник эссе», 2011), Яцека Куроня («Об Украине и украинских вопросах», 2012), Хенрика Гринберга («Дрогобич, Дрогобич и другие истории», 2012), Бруно Шульца («Книга писем», 2012), Иоанны Ольчак-Роникер («Корчак. Опыт биографии», 2012), Александра Фредро («Три по три», 2013), Адама Михника, Юзефа Тишнера, Яцека Жаковского («Меж Богом и настоящим», 2013), Зигмунта Хаупта («Избранные произведения», 2014), Тадеуша Доленги-Мостовича («Карьера Никодима Дызмы», 2015), Юзефа Лободовского («Против призраков прошлого», 2016).

odra
miesięcznik

-
1. Войт — староста в городах Польско-литовского государства, в задачи которого входило управление городской собственностью и выполнение судебных функций, осуществляемых с помощью главы присяжных — Примеч. пер.
 2. Международная амнистия (англ. Amnesty International) — международная неправительственная правозащитная организация, основанная в 1961 году в Великобритании. — Примеч. пер.

Ян Стренковский

Японский деятель «Солидарности»

Перевод Владимира Окуня

Агнешка Жулавская-Умеда и Ёсихо Умеда. Фото: Kouji Nagashima

Шел май или июнь 1977 либо 1978 года. Начало деятельности Комитета защиты рабочих (КОР), оппозиционной организации, созданной после т.н. Июня-76^[1], главной целью которой была защита участников протестов в Радоме и Урсусе, репрессированных коммунистическими властями ПНР.

Комитет защиты рабочих насчитывал несколько десятков человек, известных по именам и фамилиям и подававших свои адреса в официальных сообщениях, публиковавшихся в подпольной прессе. Помимо них существовала целая инфраструктура из людей, вовлеченных в деятельность Комитета защиты рабочих, иногда известных, чаще — неизвестных. Одними из таких людей были мой университетский товарищ Марек Карпинский и подруга, Катажина Денищук, пригласившие меня к себе на свадьбу в построенную из лиственницы усадьбу в варшавском районе Чернякув, остатки прекрасного прошлого семейства Карпинских.

Прием проходил снаружи и был, наверняка, похож на все торжества такого рода, но всё-таки сохранился в моей памяти. Не только потому, что это была столь многочисленная встреча людей, вовлеченных в оппозиционную деятельность. Прежде всего, из-за одного японца, с которым я тогда познакомился, и обстоятельств, в которых это произошло.

Итак, в какой-то момент я заметил на горизонтальной ветви могучего дерева, примерно в двух метрах над землей, нескольких молодых людей, пивших из бутылки, то есть «из горла» то, что обычно пьют при таких обстоятельствах. Меня это заинтересовало, и я спросил, могу ли я к ним присоединиться. Гости наверху не возражали, так что я уселся рядом с ними, а точнее рядом с одним, который не слишком походил на поляка. Его звали Ёсиро Умеда, и он, как и вся свадебная компания, был сотрудником Комитета защиты рабочих. Стоит добавить, что Комитет не был массовой организацией, какой потом стала «Солидарность»: вместе с сотрудниками он тогда насчитывал в лучшем случае несколько сотен человек. Тем более удивляло присутствие в этом обществе выходца из столь далекой страны. Удивляло и интриговало.

Немного истории

В 1922 году на польской земле появился необычный японец — Рётю Умеда. Он был буддийским монахом, и его монастырь направил его получать образование в Европу. Во время путешествия в Берлин, где он намеревался учиться, он встретился с поляками, в том числе с польскими офицерами, возвращавшимися с Дальнего Востока. Он подружился с ними,

а они уговорили его изменить планы. Рётю Умеда, пробыв в Берлине лишь несколько дней, решил осесть в Варшаве. Говорят, на его решение повлияло зрелище того, как вернувшиеся на родину поляки целуют землю на границе с Польшей.

Во Второй Речи Посполитой он прожил весь межвоенный период. За это время он установил множество деловых и дружеских контактов в научных и художественных кругах. Его знала почти вся тогдашняя литературная и артистическая богема Варшавы. Он дружил с такими писателями и поэтами, как Константы Ильдефонс Галчинский, Владислав Себыла или Станислав Мария Салинский. Обладая музыкальными способностями, он играл на скрипке, сочинял музыку. Как и все японцы (так считает, например, бывший посол РП в Японии Хенрик Липшиц), он был сентиментален и романтичен. Его не раз запирали в Лазенковском саду^[2], а потом находили, заслышав где-то в кустах рыдающую скрипку. Уроки музыки он брал у лучших, в том числе у скрипача с мировой известностью Павла Коханского и у Стефана Киселевского, известного впоследствии публициста и оппозиционера.

Он учился в Варшавском университете, а вскоре сам стал преподавать там. Именно Умеда был создателем направления японистики в университете, а также сотрудником организованного по инициативе Польши т.н. прометеевского движения, которое должно было содействовать нациям, поработанным Советской Россией — таким как Украина, Грузия, Армения, Азербайджан, народы Кавказа и Туркестана — в их борьбе за обретение независимости.

Рётю Умеда находился в Польше до самого начала Второй мировой войны, до эвакуации из Варшавы японского посольства в сентябре 1939 года. Всю войну он провел главным образом в Болгарии, где, как свидетельствуют документы болгарских служб безопасности (Болгария тогда была нейтральной, но затем стала союзницей гитлеровского Третьего рейха), шпионил в пользу сражавшейся с Германией Польши и сражавшейся с Германией Англии, а также в пользу своей родины Японии, которая, в свою очередь, была союзницей Германии. В частности, кажется, именно он первым передал японскому правительству информацию о грядущем вступлении СССР в войну с Японией.

Он думал о возвращении в Польшу, однако послевоенная коммунистическая Польша оказалась недоступной для него. Он поселился в Японии, но никогда не разрывал связей с поляками и польской тематикой. Писал исторические и археологические труды о Польше и славянском мире, занимался переводами, в том числе перевел на японский язык роман Генрика Сенкевича

«Камо грядеши» и «Оду к молодости» Адама Мицкевича. Поддерживал в письмах контакты с поляками, жившими на родине, что для одного из его друзей, летчика и поэта Станислава Миховского, закончилось трагически. Времена были сталинские: Миховского, обвиненного в шпионаже в пользу Японии, казнили в 1952 году.

В конце пятидесятых Рёту Умеда уговорил своего племянника Кодзи Камодзи приехать в Польшу (известный художник, он приехал в 1958 году) учиться в варшавской Академии изящных искусств. А прежде всего, в своем завещании он пожелал, чтобы один из его сыновей уехал, как бы на замену отцу, на постоянное жительство в Польшу. Умеда умер в декабре 1961 года. Его вдова, Хисаё Умеда (позже Умеда-Кудо), исполнила завещание, хотя японское правительство создавало преграды для отправки своего гражданина в коммунистическую страну. И всё же в 1963 году тринадцатилетний Ёсихо Умеда оказался в Польше. С урной, в которой он вез прах отца, сел на судно до Находки, потом поездом и самолетом добрался до Варшавы. В аэропорту его встретил молодой Марек Котанский, впоследствии создатель первой в ПНР организации по лечению наркоманов («Монар»), сын проф. Веслава Котанского, япониста, одного из учеников Рётю Умеда и создателя варшавской японистики после Второй мировой войны. Потом юный Ёсихо под опекой двоюродного брата Кодзи Камодзи отправился в Лодзь, в семью друзей отца: Стефании и Конрада Яжджевских, приобретя вторую мать и нового отца, а также четверых братьев и сестер.

Портрет

Начало было трудным. Ведь уже на следующий день после приезда в Лодзь молодой японец вместе со своим новым отцом и его студентами отправился на раскопки. А там получил задание — ежедневно выучивать десяток новых слов. Это было нелегко. Как вспоминала одна из его новых сестер, бедный Ёсихо впадал в отчаяние, повторяя: «No future»^[3], — однако профессор был непреклонен.

Яжджевские были католической семьей, оппозиционно настроенной к коммунистической действительности. Частыми гостями в доме Яжджевских были, среди прочих, братья Анджей и Бенедикт Чума, а также братья Марек и Стефан Несёловские, участвовавшие в конце 60-х годов прошлого века в деятельности подпольной организации «Рух». Так Ёсихо Умеде пришлось столкнуться с независимой деятельностью. Воспитанный в японском духе уважения к власти, он сначала не понимал того, что поляки не только не любят своих правителей, но смеются над ними и даже критикуют. Однако,

благодаря своему чувству справедливости, он и сам пошел по их стопам, когда в 1968 году в школе протестовал против жестокого обращения с бунтовавшими студентами. Это было в лицее в Лодзи. Годом позже Ёсихо Умеда перебрался учиться в Варшаву, где благодаря невесте, будущей жене Агнешке Жулавской, уже серьезно вошел в оппозиционные круги, следствием чего стало затем его участие в КОР и «Солидарности».

Агнешка Жулавская-Умеда явно была «суженой» для Умеды, который по приезде в Лодзь получил комнату, оставшуюся от одной из бабушек. Над предоставленной ему кроватью висел портрет какого-то офицера в мундире. Это был, как потом оказалось, портрет деда Агнешки, Ежи Жулавского, первого польского писателя-фантаста, автора знаменитой трилогии «На серебряной планете», по которой ее двоюродный брат Анджей Жулавский много лет спустя снял одноименный фильм. Портрет написал Эдвард Рыдз-Смиглы, имя которого ничего не говорило молодому японцу. Через годы он узнал, что это один из ближайших сподвижников Юзефа Пилсудского, довоенный маршал, разгромивший Тухачевского в польско-большевистской войне 1920 года, который, между прочим, был еще и... художником.

Через Агнешку, происходившую из известной писательской семьи (ее отец Юлиуш был председателем польского ПЕН-клуба), Ёсихо Умеда связался с кругами оппозиционно настроенной польской интеллигенции, что имело далеко идущие последствия: не только для него, но и для зарождавшейся польской оппозиции (КОР, независимые издательства), а потом и «Солидарности». Жулавские также заразили его любовью к Татрам. Ёсихо Умеда очень быстро превратился в одного из гуралей^[4] и даже стал крупнейшим знатоком гуральских певческих ансамблей. Гурали называли его Юзеком, и он проводил много времени в Татрах, что способствовало установлению знакомств в оппозиционных кругах, поскольку очень многие польские альпинисты участвовали в независимой деятельности (все собеседники с упоминавшейся в предисловии ветви, вместе с нижеподписавшимся и женихом, принадлежали к Польскому союзу альпинизма).

Черная книга цензуры

Как произошло знакомство с Агнешкой? Здесь большую роль сыграл еще один японский полонофил, в частной жизни отчим Ёсихо Умеды, проф. Юкио Кудо, приехавший в 1967 году вместе с Хисаё Умедой-Кудо, матерью Ёсихо, в Варшаву, где, помимо работы в японском печатном агентстве, вел курс японского языка в Варшавском университете, который посещала будущая

жена Ёсиро Умеды. В Польше Профессор Кудо стал свидетелем студенческих мятежей в марте 1968 г. и трагических событий в декабре 1970 г., когда власти ПНР приказали стрелять во взбунтовавшихся рабочих с верфей Гданьска, Гдыни, Щецина и Эльблонга. Материалы, которые он высылал из Польши, а также его контакты не понравились польским властям, поэтому в 1974 году ему пришлось спешно покинуть ПНР.

Однако у отчима Ёсиро сохранился интерес к польским делам и любовь к Польше, а также связи с зарождавшейся оппозицией. Именно Юкио Кудо в изданной в 1977 г. книге «Семь лет в Варшаве» первым в Японии написал о существовавшем тогда менее года Комитете защиты рабочих. Однако прежде всего он был переводчиком польской литературы. Он перевел десятки польских авторов, начиная с Адама Мицкевича и его самого знаменитого произведения, поэмы «Пан Тадеуш», и заканчивая на важнейших писателях XX века, таких как Бруно Шульц, Витольд Гомбрович, Чеслав Милош, Вислава Шимборская или Марек Хласко.

В 1994 году, находясь в Варшаве, Юкио Кудо вспоминал: «Мартовские события оставили во мне неизгладимые следы. Я был свидетелем столкновения студентов с милицией и ормовцами^[5] Я как-то вышел из этого без потерь, но убегал от них вместе со студентами. В период мартовских событий я ежедневно посылал корреспонденции в свое агентство. Описывал то, что видел: как поляки выражали своими действиями неодобрение по отношению к коммунистической системе. В декабре 1970 года сожгли партийные комитеты в Гданьске и Щецине. Я был там и видел всё своими глазами. Мои наблюдения убедили меня, что этот народ одним из первых сбросит с себя ярмо, столь ненавистную систему. До «Солидарности» я получал от Ёсиро тексты Комитета защиты рабочих, а после создания «Солидарности» подумал: «Наконец-то!». Но должно было пройти 7–8 долгих лет, прежде чем осуществились мечты Польши».

Благодаря инициативе Ёсиро Умеды, при участии проф. Кудо, во второй половине семидесятых в подпольное издательство «NOWA» («Независимый издательский дом»), пришли отличные японские матрицы, купленные проф. Кудо и контрабандно переправленные японскими друзьями-бизнесменами. Именно на этих матрицах была напечатана знаменитая «Черная книга цензуры ПНР», содержащая список тем и фамилий, о которых коммунистические власти запрещали писать и говорить в книжных публикациях, а также по радио и телевидению. Печать на японских матрицах была для подпольных типографов значительным техническим скачком, поскольку доступные в то время чешские матрицы

часто рвались после печати всего нескольких десятков копий, тогда как японские были в несколько раз выносливее. Вот как рассказывал про эти годы Ёсиро Умеда: «Наступает 1976 год. Уже в сентябре я получил первый бюллетень с составом членов Комитета защиты рабочих. На меня произвело сильное впечатление то, что люди, среди которых были мои знакомые, обладали смелостью обнародовать свое имя, фамилию, адрес, телефон. Мирослав Хоецкий начал организовывать Независимый издательский дом «НОВА». И кажется, Томаш Яструн^[6] и Витольд Лучиво^[7] пытались узнать, можно ли получить доступ к японским трафаретным матрицам (другое название: белковые — ЯС). Поскольку в Японии они использовались повсеместно, цена была очень низкой. В связи с этим, я спросил своего отчима, проф. Юкио Кудо, не согласился бы он купить для меня листов триста копирки. Господин Кудо купил ее, она стоила, может, 30 долларов. Он попросил одного из наших знакомых ввезти ее в Польшу как офисный материал. При проверке товара на границе таможенники, вероятно, не сообразили, что это такое. И несколько раз такие порции копирки контрабандно провозились бизнесменами, связанными с фирмой, в которой я работал [„Nichimen” — ЯС].

Валенсовская лихорадка

После забастовок в августе 1980 г., окончившихся подписанием соглашений рабочих Побережья с коммунистами, в Польше возник первый в восточном блоке независимый профсоюз «Солидарность». Как человек, имевший в 1980 году прекрасные связи с доавгустовской оппозицией, Умеда-младший оказался в самом центре событий. Вначале он стал бывать в резиденции «Солидарности» региона Мазовии на ул. Шпитальной в Варшаве, где, по его воспоминаниям, встретил всех своих друзей, с которыми познакомился во времена существования Комитета защиты рабочих. Потом, осенью 1980 г., он посетил Гданьск и Леха Валенсу, о котором прежде много слышал, но которого не знал лично. Лех Валенса, известный своими нестандартными высказываниями, как раз сказал, что хотел бы сделать из Польши вторую Японию. Это заинтриговало молодого японца. Тогда он спросил его, что это значит. На это Валенса ответил, что его очень интересует Япония, и ему хотелось бы туда съездить. «Ты организуй это!» — бросил он Умеде.

В августе 1980 г. Польша оказалась в центре внимания всего свободного (и не только) мира, в том числе Японии. Вот как вспоминает об этом Такеши Мидзутани, в восьмидесятые годы главный редактор ежемесячника «Польский бюллетень» („Porando Gerpo”): «Когда летом 1980 года в Польше появилась «Солидарность», в далекой Японии она стала предметом

большого интереса и вызвала огромную симпатию. Можно со всей уверенностью сказать, что до этого японцы, а среди них и я, почти ничего не знали о Польше. [...] Почему те же самые японцы так сильно заинтересовались польским движением «Солидарности»? В моем случае это произошло потому, что это было рабочее движение, и мне казалось, что оно указывает на новые возможности, содержащиеся в социализме — строе, который займет место капитализма. [...] С другой стороны, [...] были такие, кто ожидал, что оно приведет к падению либо, по меньшей мере, ослаблению «империи зла».

Интриговала и фигура Валенсы. Ёсихо Умеда писал об этом так: «Интерес японской прессы к августовским событиям 1980 г. был велик. Сразу после подписания соглашений в Гданьске, Щецине и Ястшембе, в конце сентября-начале октября, в Варшаве принимали Рёити Танаку, генерального секретаря DOMEI, одного из четырех профсоюзных объединений Японии. Еще раньше, в начале сентября, приехал снимать фильм о Польше времен «Солидарности» известный в Японии политолог, эссеист и репортер японского телевидения Тэцуя Тикуси. Независимо от этого визита, в Польше находился проф. Синъити Сагава, специалист по трудовому законодательству из университета Васэда в Токио, в будущем мэр города Мито, который передал деятелям независимых и самоуправляемых профсоюзов много информации на тему профсоюзной ситуации в Японии. В начале ноября 1980 года в Польшу, в сопровождении экспертов, приехал Мицуо Томидзука, генеральный секретарь крупнейшего японского профсоюзного объединения СОХИО. Он выразил желание установить более близкие контакты с НСПС «Солидарность», одновременно декларируя как моральную, так и материальную поддержку со стороны Объединения. Встреча с лидерами «Солидарности» произошла 10 ноября [...] в Варшаве, непосредственно после официальной регистрации НСПС «Солидарность»». Тогда был подписан договор между профсоюзами. Он, в частности, содержал приглашение делегации «Солидарности» посетить Японию.

Визит состоялся в мае 1981 года. По словам Хенрика Липшица (впоследствии первого посла свободной Польши в Японии), который, помимо Ёсихо Умеды, сопровождал делегацию в качестве переводчика, Валенса был так же популярен в Японии, как Ален Делон. Пребывание делегации НСПС «Солидарность» в Японии — писал Ёсихо Умеда — оказалось беспрецедентным событием, сблизившим оба народа «на большой скачок в несколько десятилетий». Визит носил чисто профсоюзный характер, но в ходе его случались встречи и с политиками. Валенсу принимали в Японии почти как президента, а его высказывания цитировались всеми СМИ и широко

комментировались. Благодаря этой «Валенсовской лихорадке», по определению Ёсиро Умеды, ему, в частности, удалось получить телевизионную аппаратуру для польской «Солидарности», на котором во время военного положения работало нелегальное Телевидение «Солидарность». Кроме того, он вместе с отчимом, матерью и японскими полонистами и полонофилами (в большинстве своем студентами либо бывшими студентами Кудо), перед самым объявлением военного положения, сумел основать в Японии две организации для поддержки «Солидарности»: Центр польской информации, а также связанный с Центром, издававшийся все восьмидесятые годы на японском языке «Польский бюллетень», которые вели широкую информационную кампанию на тему Польши и «Солидарности», особенно в кругах политиков, ученых и журналистов.

Декабрьский шок

Декабрь 1981 года — это, наверное, наиболее драматический момент в жизни Ёсиро Умеды, который после объявления польскими властями военного положения ожидал самого худшего. Как вспоминала его жена Агнешка, Ёсиро Умеда переоделся в традиционный японский костюм и ждал ареста, сидя в кресле. Он не был арестован, хотя его много раз увозили на допросы. Стоит упомянуть, что для него это не было чем-то новым. В первый раз такое произошло с ним во время съезда Польской объединенной рабочей партии в 1975 году, на котором он в последний момент заменил в качестве переводчика заболевшего коллегу-журналиста. Надо было случиться, что на съезде присутствовал Леонид Брежнев, и охрана обнаружила «подмену» в составе японской журналистской команды. Арестованный, он угодил в особняк Мостовских, знаменитую штаб-квартиру варшавской милиции, где, по его воспоминаниям, был принят в камере как давно ожидаемый гость. На вопрос, за что его арестовали, он ответил: «За Съезд». И услышал от товарищей по несчастью, как оказалось, бывших вполне в курсе мировых событий: «Мы так и знали, что привезут кого-нибудь со Съезда». В начале января 1982 года случилось худшее. Решение о депортации. Ёсиро Умеда после многократных допросов, проводившихся функционерами Службы безопасности, был вынужден уехать из Польши. Это произошло 20 января 1982 года. Что интересно, он был первым деятелем «Солидарности» столь высокого уровня (заместитель главы Иностранного бюро крупнейшего регионального отделения «Солидарности» — Мазовии), который привез на Запад известия из Польши. В Париже его ждала мать. Вместе они отправились в Рим, где были приняты Иоанном Павлом II. Сразу же после объявления в

Польше военного положения его мать Хисаё Умеда-Кудо основала в Японии Общество помощи полякам. На ее призыв, оглашённый по телевидению, откликнулись тысячи людей. Японцы оказались очень щедрыми. Было собрано много миллионов иен. Часть денег послужила для запуска т.н. акции килограммовых посылок, которые потом отправляли в Польшу. С частью этой суммы Хисаё приехала в Европу и вместе с сыном вручила ее папе Римскому. На поддержку «Солидарности», объявленной коммунистами вне закона.

Стоит добавить, что это не было разовой акцией. Общество помощи полякам действовало несколько лет, в огромных масштабах, так как после акции килограммовых посылок в Польшу поплыли контейнеры с подарками. Многие из них попадали в варшавский костёл св. Мартина на Пивной улице, где с первых дней военного положения действовал Комитет помощи лицам, лишенным свободы, и их семьям под патронатом примаса Польши, с которым сотрудничала Агнешка Жулавская-Умеда. Она вспоминает, что на судах, перевозивших подарки, обычно путешествовали и супруги Кудо. Долгие месяцы пути они использовали для работы: «они были очень счастливы, могли работать, брали с собой своих любимых кошек. Мама тогда писала книги воспоминаний о Польше. В названии почти всегда была какая-нибудь кошка, например, «Чистя кошке ушки», «Рассказ о варшавских кошках», «Кошачье путешествие через море».

Для Ёсиро Умеды визит в Рим стал огромным событием. Как историка искусства его провел по недоступным для публики ватиканским собраниям искусств папский секретарь, впоследствии кардинал, Станислав Дзивиш. Но наибольшее впечатление произвел на него Кароль Войтыла (Иоанн Павел II). Несколько лет спустя, как и его отец, который перед смертью перешел в католичество, приняв имя Станислав, он, Ёсиро Умеда, окрестился и принял имя Юзеф. Это произошло в Японии в 1984 году, а его крестным отцом *per procura*^[8] стал Лех Валенса, председатель нелегальной тогда «Солидарности».

Он уехал из Польши без семьи, так же как его отец когда-то, рассчитывая на то, что вскоре сможет вернуться. Вначале в Японию, где вместе с отчимом Юкио Кудо участвовал в работе Центра польской информации и редактировании «Польского бюллетеня». Ему также удалось довести дело до создания межпартийной парламентской группы по изучению ситуации в Польше, в которой участвовали многие известные японские политики.

Умеда подчеркивал, что в группу вошли как ортодоксальные марксисты, так и представители крайне правых. Вопрос «Солидарности» стал связующим веществом,

нивелировавшим не только идеологические, но и профсоюзные разногласия. Профсоюзные объединения просто соперничали между собой в организации акций поддержки для «Солидарности». В частности, именно благодаря дотациям японских профсоюзов, Ёсихо Умеда на какое-то время получил работу в координационном бюро «Солидарности» в Брюсселе, то есть в ее иностранном представительстве. Когда закончилась дотация японских профсоюзов на трудоустройство в Брюсселе, он стал работать гидом для японских туристов. Объездил с ними весь мир, используя поездки для посещения польских друзей в Европе и Америке. Ему не хотелось возвращаться в Японию. Один из его друзей, Томаш Яструн, рассказывал о том, как однажды посреди ночи его разбудил звонок Ёсихо, который жаловался, что больше не может выдержать «в этой пустыне». Яструн вообразил себе, что Ёхо, как называли его друзья, видимо, находится с японской экскурсией у египетских пирамид, а оказалось, что тот звонит... из Японии. Стоит добавить, что даже в Японии Ёсихо Умеда постоянно жил польскими делами. В его японском доме всегда присутствовали Польша и поляки, там устраивались встречи и лекции на польские темы, принимали гостей из Польши. «Наш дом стал местом, которое поляки, бывавшие в Японии, просто обязаны были посетить — вспоминал за несколько лет до смерти Ёсихо Умеда. — Это было как будто частное посольство. Многие деятели искусства, пан Вайда, Кесьлёвский, Майя Коморовская». Еще Умеда вспомнил о двух съездах с участием поляков. Первый — это конгресс философов. А второй — встреча нобелевских лауреатов. В первом участвовал известный польский философ Лешек Колаковский, во втором лауреат Нобелевской премии по литературе Чеслав Милош. И они попали в дом профессора Кудо, «где — как вспоминал через много лет Умеда — мы записали прекрасную беседу между Лешек Колаковским и Чеславом Милошем на тему литературы послевоенной Польши».

Ёсихо Умеда тосковал по Польше. И направлял польским властям просьбы дать согласие на его возвращение в Варшаву. Вернуться ему удалось лишь в 1988 году. Не сразу. Вначале, в 1987 году, ему разрешили приехать на две недели — тогда он успел посетить свои любимые Татры.

Сюрприз

«Сюрприз» — это название кафе, находившегося в центре Варшавы, на площади Конституции. Сегодня его уже не существует. Но это место символично для польских перемен. Именно здесь в июне 1989 года размещался избирательный штаб «Солидарности» во время первых, во многом демократических, выборов в парламент. Важным это место

было и для самого Ёсихо Умеды. В конце 1988 года он получил визу на три месяца. Начинались заседания «Круглого стола»^[9]. «Солидарность» выходила из подполья, становилась легальной организацией, а поляки обретали свободу.

Однако им нужно было победить на выборах. И здесь важную роль довелось сыграть недавно вернувшемуся в Польшу выходцу из Японии. Он предоставил себя в распоряжение избирательного штаба «Солидарности» и занялся организацией выборов и финансами. Финансами еще и в том смысле, что внес в пустую кассу «Солидарности» из собственного кармана первую тысячу долларов. А потом организовал первый предвыборный опрос, из которого следовало, что выборы выиграет не Польская объединенная рабочая партия, то есть правившие до сих пор в Польше коммунисты со всем своим финансовым, пропагандистским и организационным аппаратом, но победа достанется «Солидарности», чьей опорой было лишь воодушевление людей, подобных Умеды.

Также многие идеи Ёсихо Умеды были использованы в информационной и пропагандистской кампании «Солидарности». Речь шла о том, чтобы поощрить поляков, получивших тяжелый опыт за годы военного положения, принять участие в выборах и проголосовать за представителей «Солидарности». Так и случилось. Коммунисты с треском проиграли выборы. В Сенат, то есть высшую палату парламента, выборы в которую были полностью демократическими, они не провели ни одного своего представителя.

Через короткое время Лех Валенса, крестный отец Ёсихо Умеды, стал президентом Польской республики. И вскоре после выборов на этот пост он поблагодарил самоотверженных японцев. Благодарность президента в августе 1991 г. была помещена в последнем, 112 номере «Польского бюллетеня».

Дом на Смялой

Как-то он сказал мне: «У меня отлично получается играть японца». Японец по рождению, поляк по собственному выбору. В свободной Польше он — как и пристало японцу — занимался бизнесом, пропагандировал внедрение т.н. чистой энергии. Одновременно он участвовал в польской жизни, работал в Совете старейшин «Солидарности».

Ёсихо Умеда умер в 2012 году. Он был похоронен в Варшаве на воинском кладбище «Повонзки» в родовой могиле... Камиля Зейфрида, друга своего отца и первого выпускника основанных им курсов японского языка при Варшавском университете. Зейфрид завещал Умеды и его жене Агнешке свой дом в

варшавском Жолибоже, в красивом районе, который называли офицерским. Именно в могилу семьи Зейфридов тринадцатилетний Ёсихо вложил привезенную в Польшу урну с прахом отца. Здесь нашел последнее пристанище и его отчим Юкито Кудо, умерший четырьмя годами ранее.

1. В июне 1976 года в Польше прошла волна забастовок и протестов после объявления правительством ПНР резкого повышения цен. Крупнейшие забастовки произошли в Радоме и Урсусе — Здесь и далее примеч. пер.
2. Лазенки — крупнейший дворцово-парковый комплекс в Варшаве. В Лазенках, в частности, есть памятник Шопену.
3. Будущего нет (англ.)
4. Гурали — жители горных районов Южной Польши со своеобразной культурой.
5. ОРМО — Добровольный резерв гражданской милиции — полувоенная организация в ПНР. Активно использовалась против политической оппозиции, для подавления протестных выступлений..
6. Томаш Яструн (р. 1950) — польский писатель, поэт, эссеист, деятель оппозиции в период ПНР.
7. Витольд Лучиво (р. 1946) — польский инженер, организатор подпольной печати в период ПНР.
8. По церемониалу (лат.)
9. «Круглый стол» — переговоры между властями ПНР и профсоюзом «Солидарность». Проходили в Варшаве с 6 февраля по 5 апреля 1989 года.

Выписки из культурной периодики

В подборке материалов, посвященной современному положению в Польше, на страницах гданьского журнала «Пшеглэнд политычны» (№ 145–146/2017) мое внимание привлек очерк «Конец Третьей Речи Посполитой. Сценарии будущего» Павла Коваля, политолога, бывшего депутата Европарламента и бывшего заместителя министра иностранных дел. Он пишет, что сейчас наступает конец длившейся с 1989 года польской *belle époque*, а страна вступает в переходный период. Характеризуя накопленный Польшей опыт, автор указывает на три главных фактора: «Первым были гарантии безопасности со стороны наиболее сильного игрока на планете, назовем это участием в *Rax Americana*. В отношении формирования Третьей Речи Посполитой это был самый главный фактор, однако не замеченный или недооцененный польскими политиками. Сущностью его было обеспечение — первый раз с XVIII века — стратегических условий, позволяющих укрепиться польской государственности в сложных международных обстоятельствах. (...) Вторым элементом, характерным для Третьей Речи Посполитой, была либеральная демократия с чрезвычайно развитым принципом *check a balance* и связанными с этим институтами, символом которых останется Конституционный суд. Третьим конструктивным элементом Третьей Речи Посполитой была созданная Лешеком Бальцеровичем либеральная экономическая модель — одна из наиболее свободных на континенте, которая впоследствии дала польской экономике значительные конкурентные преимущества в Европейском союзе. А вместе с тем, когда уровень жизни почти всех поляков повысился, данная модель породила враждебность к Третьей Речи Посполитой со стороны как левых, так и правых сил. Проще сказать, в один прекрасный момент успехи реформ начала девяностых годов оказались забыты, а пробужденные общественные ожидания трудно было удовлетворить». В принципе, с этой картиной можно согласиться; стоило бы, однако, указать на дополнительный фактор, имевший особый вес. А именно: весьма значительным было то, что в период построения основ суверенитета Третьей Речи Посполитой страна впервые оказалась в положении, когда оба могущественных соседа Польши были заняты главным образом

собственными проблемами: Россия — созданием нового строя после распада Советского Союза, а Германия — объединением страны. Польша воспользовалась этой *pieredyszkoj*, инициированной *pierestrojkoj*. Что же до тех самых либеральных институтов демократии, важнейшим элементом которых была гарантия независимости судебной системы, способной контролировать остальные ветви власти, то для многих, в том числе для Ярослава Качинского или бывшего маршала Сейма Марека Юрека, эта независимость судов стала символом их бессилия в правовом поле, то есть юридического ограничения начинаний законодательной, а в еще большей мере — исполнительной власти. Параллельные реформы Конституционного суда и правовой системы в Польше — это попытка изменить такое положение вещей, что вызывает беспокойство Евросоюза. Причем беспокойство будит не сам характер этих реформ, а их противоречие действующей конституции: то есть вопрос в том, что насколько подчинение Конституционного суда исполнительной власти возможно *de facto*, настолько это невозможно оформить *de jure*, ибо Качинский не располагает в парламенте большинством, необходимым для изменения конституции.

Дальнейший ход анализа Ковалья отличается оригинальностью: автор указывает на связь нынешних перемен в Польше с тем, как линия поведения властей вписывается в проявляющиеся на Западе тенденции: «Польша оказалась ближе всего, со времен Ренессанса, общественно-политическим трендам Запада. В Польше постепенно прижились общественные и экономические течения, характерные для всего Запада. Парадокс состоит в том, что Польша столь приблизилась — в смысле восприятия политических тенденций и претензий граждан — к странам Евросоюза и к США, что Третью Речь Посполитую прикончила не какая-то экзотическая хворь с Востока, но вирус, идущий от Запада. Вирус популизма. То есть возрастание популистских настроений, бунт против элит, соединенные с возрождением националистических идей. Поскольку еще не придумано общее название для этого комплекса явлений, определим его, с учетом задач настоящего текста, как цифровой популизм. Цифровой, поскольку его триумф тесно связывается с методом обмена новыми идеями. Этот вид популизма охватывает сейчас весь Запад, который мы знаем. (...) Популистские партии уже преодолели самый трудный барьер и в некоторых случаях представлены в правительствах. Это реальный поворотный пункт, поскольку с данного момента такие партии имеют возможность фактически формировать политику самых богатых западных стран». При этом в Польше — продолжает Коваль свои выводы — подобное явление выказывает свою специфику посредством

обращения к наследию Юзефа Пилсудского, с его антипарламентскими установками и программой санации, идеей оздоровления общественно-политической жизни путем устранения демократических механизмов.

По мнению Коваля, Польша в данный момент находится в переходном периоде от Третьей Речи Посполитой к новым формам политической экзистенции. В заключение статьи автор пишет: «Сегодня никто не знает, к чему приведет нас переходный период после конца Третьей Речи Посполитой. Будем ли мы упорно стремиться понять свой польский опыт авторитаризма, размышляя над историей, и заявим, что им была санация, или начнем выполнять урок с начала? Второе решение было бы фатальным. Как современный популизм — цифровой, так и сегодняшний авторитаризм также, возможно, будет цифровым, что в каком-то измерении (например, в более пристальном контроле над гражданами) окажется жестче, чем известные нам из истории авторитарные системы. И последнее замечание: не закончится ли наш нынешний переходный период, как это обычно в Польше бывает, большим скандалом? Но, к счастью, с относительно мягкими следствиями и выборами, в результате которых одну команду «пост-Солидарности», как это уже неоднократно было, заменит другая, того же корня?»

Что ж: это хороший вопрос, который, однако, не учитывает воздействия демографического фактора. Уже сегодня политические группировки в Польше трудно определить как «пост-Солидарность»: с момента возникновения «Солидарности» прошло уже без малого 40 лет, и в активную общественную жизнь вступают те, для кого и связанный с «Солидарностью» революционный порыв августа 1980 года, и военное положение — это скорее исторические события, чем современность. Политики, непосредственно взращенные «Солидарностью», уже весьма немолодые господа, а их опыт и амбиции, скроенные по меркам позднего «реального социализма», для молодых — пережиток. По мере истечения первой четверти XXI века идеи, выработанные в кругу старцев, которые во многом мыслили о политике в категориях века XIX, должны оказаться анахронизмом. Открытым остается главный вопрос: с чем придут молодые?

Если вслушаться и вчитаться в аналитику, касающегося нынешнего положения вещей (не только в Польше, но и в мире), все отчетливее просматривается ощущение кризиса и потребность перемен; однако же никто не сумел точно определить хотя бы характер процессов, происходящих в политике и общественной жизни. Вроде как всем известно, что дальше так нельзя, но у нас проблемы с определением не только того, как должно быть, но того, как оно есть. «Вирус популизма

бродит по Европе», — словно бы говорит Павел Коваль. Однако, возможно, механизм иной.

Единственное не подлежит сомнению — что-то в Польше завершилось. О своих ощущениях, связанных с этим, рассказывает в интервью еженедельнику «Newsweek» (№ 2/2018), озаглавленном «Ген самоуничтожения», прозаик Анджей Стасюк: «Эти 25 лет — какое-то чудо! Кому дано было их прожить, должен этому радоваться. Я радуюсь этим чудесным годам, когда смотрел на мою страну, которая изменяется, становится безопасной, шаг за шагом уходит со свекольных полей и встраивается в европейскую действительность. Но мы забыли, что ничего не достается даром. И сейчас за это чудо придется заплатить. За те годы, когда мы могли делать то, что мы хотели. И делали. Мы использовали наше время, а сейчас нам за это выставляют счет. (...) У меня такое впечатление, что мы переживаем нечто вроде народного мщения, что часть людей мстит тем, кто успел возрадоваться данной на минутку свободе. Попробовали ее, познали ее вкус лишь некоторые — и думали, что так уже будет всегда. Забыли о тех, которым эта свобода вовсе не нравится. (...) Так что настало время реванша. Зависть — это одна из самых польских черт. Сапожник обзавидовался: ксёндз в епископы продвинулся. Нынешние правители прекрасно об этом знают. И прекрасно умеют удовлетворить эту потребность в зависти. Их риторика — это риторика мстителей. Раздавить всё, что удалось тем, кому удалось. Ни патриотизм, ни взгляды здесь ни при чем. (...) Ленин заявлял, что управлять может даже кухарка. Да, может. Мы как раз убедились, что лидерство элит — это очередной миф. Элитой может быть любой, кто себя таковым сочтет. Может, так, в сущности, и есть, мы, возможно, свидетели очередной мировой революции, и Ленин со своей кухаркой оказался пророком, хотя тогда говорил о своих коллегам, а не о Дональде Трампе и остальных современных помазанниках». А на вопрос о суверенитете, который часть польских политиков трактует как непреходящую ценность, Стасюк отвечает: «Воображаемый суверенитет. Каждый человек, у кого есть хоть капля мозгов, знает, что современный мир — это система сообщающихся сосудов. Даже Россия не суверенна, поскольку у нее за спиной Китай. Причитания о суверенитете — это чистая иллюзия. Выбирать можно только из двух возможностей: Запад — или топкий, готовый нас поглотить Восток. (...) Заканчивается наш флирт с Западом, которому мы не подходим, которого не хотим, который не про нас. Одинокие, закомплексованные и дезориентированные, мы вновь станем легкой добычей — чтоб не сказать: как в 1939 году. (...) Нет готового рецепта, что делать. Я тоже чувствую беспомощность, но по-прежнему верю, что жалко этой страны,

чтобы подверглась аннигиляции. Это не плохая страна. В ней живет много прекрасных людей, которым я пробую втолковать, что они не из этого народа. Пробую создать альтернативную действительность, в которой для них нет места».

Звучит это довольно пессимистично. Хотя и не должно. Каждый видит действительность, которая есть, но не каждый знает, что живет в переходный период. А ведь всегда живет в переходный период, и никогда не известно, что будет послезавтра. Марксисты, правда, хотели нам внушить, что историей управляют какие-то железные законы и принципы, тогда как ею управляют люди, со своими недостатками, слабостями и нелепостями. Эпизоды истории складываются из едва предвидимых случайностей. О том, что сегодня бродит по Европе, будем знать через каких-то пятьдесят лет — или даже позже. Мы знаем, что перемены необходимы. Несколько менее понимаем, что они необходимы всегда: для молодых, которые сегодня вступают в жизнь, нынешнее положение вещей — исходный, а не конечный пункт. Им предстоит дальше тянуть этот воз, по своим собственным дорогам. И наверное, имеет смысл привести в заключение слова из обширного интервью под заголовком «Кто те люди, которые голосуют за „Право и справедливость“», которое дал изданию «Польша. The Times» (№ 4/2018) социолог Мацей Гдуля, отметивший, что самыми главными проблемами общественной жизни в ближайшем будущем станут вопрос беженцев, будущее Европейского союза, гендер и охрана окружающей среды: «По моему мнению, выиграет тот, кто эти темы поднимет, но всерьез, веря, что это важно, а не затем, что на этом можно заработать очки. Это должен быть кто-то аутентичный. Сегодняшняя политика выглядит таким образом, что люди идут за тем, кто искренне защищает определенные ценности, ответственно высказывается о важных делах».

Разбойничьи книги и города (ч. 2)

Из архива 2 программы Польского радио

Если бы меня спросили, какие я могу рекомендовать и, прежде всего, какие я сам читаю книги о живописи, я бы назвал три фигуры, три книги... Первый из трех авторов — Эжен Фромантен, французский художник, писатель, автор одного романа, в конце жизни написавший труд «Старые мастера» — книгу, представляющую собой описание путешествия в Бельгию и Голландию по следам ранней нидерландской живописи, прежде всего — двух мастеров, Рубенса и Рембрандта. Это текст совершенно блестящий.

Отправляясь в Северную Европу, я беру с собой эту книгу со своими пометками, чтобы перед картинами Рубенса и Рембрандта читать соответствующие фрагменты, и убежден, что ничего лучшего на эту тему просто невозможно вообразить. Это первый автор, являющийся для меня примером того, как можно писать об искусстве.

Второй — Павел Муратов, русский литератор, родившийся в 1881 году, историк искусства, также писатель, в 1911 году издавший книгу «Образы Италии». Муратов был прекрасным знатоком итальянской культуры — прежде всего, итальянской живописи. После большевистской революции он уехал из России и остался в эмиграции. Сперва в Германии. Там вышло, тоже по-русски, второе, расширенное, издание этого необыкновенного труда. До 1972 года книга больше не публиковалась ни на одном языке. Павел Муратов некоторое время жил в Италии и во Франции, после чего осел под Дублином, в доме своих друзей, где и провел остаток дней. Умер он в 1950 году, практически в полном забвении. Но кое-кто все же о нем помнил. Разговаривая осенью 1995 года с Иосифом Бродским, я спросил, в частности, об эссеистах, оказавших на него влияние. Он перечислил ряд имен, но что касается российских авторов, сказал, что это не русский жанр. Я, однако, напомнил ему о Герцене — и он ответил: «Конечно, да». А Достоевский как автор «Дневника писателя» — «Конечно, да». А Павел Муратов? — спросил я наконец. Бродский словно бы мысленно остановился, как будто оценивая вес этого

необыкновенного явления, и проговорил: «Это был гений». К сожалению, больше он ничего не сказал.

В этой связи я бы хотел рассказать одну очень личную, важную для меня вещь: после возвращения в Париж я решил написать Бродскому письмо — попросить выступить с инициативой издать «Образы Италии» по-английски и по-итальянски. Иосиф Бродский пользовался уважением в издательском мире, его слово многое значило. Я начал писать это письмо, на компьютере, но тут пришло известие о смерти автора «Элегии на смерть Джона Донна»...

Муратов — второй блестящий автор, писавший об искусстве. Как я с ним познакомился? В 1972 году в издательстве «Паньствова институт издавачи» вышла его книга в конгениальном переводе и с прекрасными комментариями Павла Герца. На обороте обложки информация: «Павел Муратов 1881—1950, выдающийся знаток итальянской культуры». О том, что он был эмигрантом, можно было вычитать между строк из послесловия Павла Герца. Этот труд был издан тиражом несколько десятков тысяч экземпляров. Тогда он не был доступен ни по-русски, ни на каком-либо из больших европейских языков. Это прекрасная книга, книга человека, описывающего мир близкий ему — интимно, интеллектуально, духовно, мир, благодаря которому он прозрел. Одновременно это книга человека, которому пришлось учиться этому миру, пришлось в него поехать, поехать из России — то есть из другой культуры. Поэтому мне кажется, что «Образы Италии» очень важны, в том числе для нас, стоящих к средиземноморскому миру ближе, но им не являющихся. Эта книга также важна для итальянцев, поскольку очень интересен процесс вхождения человека в такую культуру. И потом, это блестящий текст с художественной точки зрения. Муратов — второй автор, который может служить примером того, как следует писать о культуре.

Третий человек, писавший о живописи, оставшийся недооцененным и представляющийся мне непревзойденным — Юзеф Чапский. Во-первых, я считаю, что это самый выдающийся польский историк живописи, но это не точное определение, ведь если мы говорим «самый выдающийся», то кого ставим рядом? Работы Чапского в силу своей естественности и убедительности совершенны сами по себе.

Этих трех авторов я беру с собой, когда мне случается путешествовать по городам, странам, картинам. Я очень люблю такого рода поездки и стараюсь о них писать.

Я написал книгу «Память Италии». Написал уже давно и теперь, должен признаться, поражаюсь своей, мягко говоря, смелости. Первое путешествие породило во мне эту смелость, эту потребность или внутренний императив — начать писать такие виньетки, картинки о том, что оказалось для меня важно в Венеции, во Флоренции, в Риме. Я писал их для журнала «Творчество»... Не могу не вспомнить с благодарностью редакцию журнала эпохи Ярослава Ивашкевича. Самого его я встречал редко, поскольку приходил поздно — он уже уезжал по делам — решать множество разных вопросов, но хочу сказать об Анне Барановской, которая сидела за столом, спрятавшись за темными очками, и необычайно тепло принимала все мною написанное. Никогда не забуду — уехав в Италию во второй раз, я написал текст о Венеции и послал его по почте в журнал. Вскоре получаю в Риме телеграмму из Варшавы. С трепетом открываю. А там забавная благодарность на итальянском: «Ciao, bravissimo». Это стало для меня импульсом, благодаря которому я смог закончить книгу.

Я закончил ее довольно давно, в 1976 году; она пролежала несколько лет в издательстве «Выдавництво литерацке», поскольку мое имя было в «черном списке». Этот запрет перестал действовать в 1981 году, в декабре книгу запустили в печать. Она вышла в апреле 1982-го. Первый экземпляр я получил в Нью-Йорке, его привез профессор Стефан Новак.

Здесь я бы хотел сказать о книге об Италии, над которой работаю в настоящее время. Это будет книга о Риме, о духовных проводниках, о своего рода лучах света или маяках, освещающих Рим — маяках мощных и необычайно разнообразных, книга о том, кто был образцом классицизма во многих значениях этого слова — о Рафаэле. А также о его втором «я» — как мне это представляется — то есть о Караваджо, и еще двух художниках — Микеланджело, человеку, скованном цепями и пытающемся эти цепи разорвать; он борется с собой, он, в сущности, вообще не из этого мира, и присутствие здесь причиняет ему боль; но он великий художник... и о другом живописце, Бернини, человеке, который был плотью от плоти этого мира и хотел переделать Рим по своему плану, что ему в значительной степени удалось. Книга будет частично в форме дневника — о моих встречах с этими великими людьми, потому что иначе трудно писать: столь великие фигуры ослепляют. Одновременно я бы хотел поделиться информацией, которая представляется мне важной. Мне кажется, в европейской культуре, особенно в европейской живописи, каждый раз, когда упоминаются эти имена, возникает скрытый спор, а тени Рафаэля,

Микеланджело, Бернини, Караваджо витают повсюду. Эти фигуры постоянно возвращаются, порой опосредованно. Неслучайно, когда Пикассо во время Первой мировой войны попал в Рим, Рафаэль стал для него откровением. Дерен — «дичайший из диких», как писал о нем Чапский, самый большой бунтовщик из фовистов, писавший какие-то взрывающиеся красные, синие пятна — примерно в 1920 году внезапно сделал сенсационное заявление, будто величайшим художником всех времен и народов был Рафаэль. Другое дело, что такие возвращения не остаются безнаказанными и, возможно, Дерен за это заплатил. Это одна из тайн искусства: великим нельзя слишком долго подражать, подражательство превращается в скучный пастиш, и тогда искусство умирает.

Я надеюсь продолжить свои итальянские сюжеты и описать, как этот город под моим взглядом обрастает годовыми кольцами и развивается в системе этих координат, которые меняются, поскольку каждое поколение, каждый человек — какими бы познаниями и какой бы культурой они ни обладали, учатся узнавать мир, рассказывая себе истории, связанные с культурой. Таким образом, я как раз и хотел бы сам узнать что-то об Италии и рассказать о ней историю.

Поездки в Соединенные Штаты были для меня очень важны, благодаря им родились две книги. Надеюсь, в ближайшее время мне удастся написать третью. Первая, «В Центральном парке», как мне представляется — своего рода роман воспитания, то есть я рассказал там — как всегда, через подставных лиц — о том, как я узнавал Новый Свет: как учился смотреть картины — это о Дэвиде Хокни; о том, чем является для меня чужая литература — это о Набокове; о том, что такое политика — это о Солженицыне, но одновременно и о Токвиле, который путешествовал по Америке; книга завершается главой о польской литературе, ее мощном течении — о двух встречах, с Милошем в Сан-Франциско и, раньше, с Гомбровичем в Вансе. Один из критиков обратил мое внимание на то, что никто из моих героев не был американцем. Возможно, это закономерно — ведь и все они откуда-то прибыли.

Это первая книга. Вторая — «Американские тени», изданная парижским «Литературным институтом», написана в форме дневника, начиная с 4 сентября 1981 года, когда я улетел в Соединенные Штаты, до 13 или 14 декабря 1981 года, когда случилось то, что случилось, и когда я понял, что в Соединенных Штатах или в Западной Европе мне предстоит пробыть дольше, чем я планировал.

В 1990 году, уже после изменений в Польше я снова надолго поехал в Штаты, в Техас. Это странное, далекое место; меня пригласили читать лекции о польской литературе. Темой занятий со старшекурсниками был — что казалось мне естественным — Чеслав Милош и его восприятие Америки. Мы читали фрагменты «Порабощенного разума» — чтобы понять политические концепции Милоша, фрагменты «Родимой Европы» — чтобы понять его отношение к традиции, «Видение над заливом Сан-Франциско»... все это — с большим или меньшим интересом, но без страсти. Сначала я решил, что не буду заниматься с ними поэзией, но когда говоришь о Милоше, нужно хоть пример привести, и тогда из антологии польской поэзии, самым Чеславом Милошем переведенной и составленной, я выбрал несколько его текстов, а затем стихотворения других поэтов.

Студенты пришли в восторг. Наконец-то я заговорил о чем-то интересном, а не об этих скучных ученых вещах. Я быстро понял, в чем тут дело. Студентов, не только в Техасе, но и вообще в Америке, не увлекали польские дела и этапы истории польской литературы. Они не хотели ничего знать о Европе. Они хотели узнать что-то о своих ровесниках, о себе. А откуда можно узнать о себе? — из стихов. Оказалось, что поэзия — это то, что лучше всего передает информацию о польской культуре.

Через несколько лет, в 1994 году, меня снова пригласили на год в Штаты, на сей раз мне предстояло общаться со студентами, уже магистрами, готовившими диссертацию, в рамках семинара, озаглавленного «Литература и изгнание». Речь должна была идти не только о польской литературе. Я говорил и о немцах — о Клаусе Манне и Томасе Манне, Вальтере Беньямине, говорил о русских авторах — таких, как Солженицын, говорил о трансатлантических художниках, для которых трудно подобрать определение — таких, как Набоков, Бродский, а также о поляках — Чапском, Герлинге-Грудзинском, Вате. Теперь я уже знал, что поэзия — это то, что объединяет людей; впрочем, на первой встрече очень разговорчивая студентка, американка, постарше остальных, учительница, энергично спросила, обратившись к коллегам: «Кто из вас пишет стихи?» и более или менее смело руки подняли все. То же самое, впрочем, было и в Техасе, только они мне признавались в частных разговорах. Что пишут для себя; это способ научиться говорить о себе. Так что о стихах я тогда уже говорил часто, но не только о них.

Наибольший интерес из не поэтов вызвал Гомбрович, поскольку Гомбрович тоже говорит о том, кто его читает. Я

имею в виду не те фрагменты, где речь идет о генеалогии снобизма — американцам это неинтересно. Они просто не понимали, о чем это. Студентка, та самая, интересовалась литературой, связанной с трагедией расизма. Мои знания в этой области ограничены, но я весьма охотно слушал то, что она рассказывала. Я попросил студентов выписать из «Дневника» Гомбровича, в два столбика, то, что им близко, и то, что вызывает протест; им очень понравился такой способ чтения текстов. Эта студентка показала мне свои записи. Она выполняла задание очень тщательно, и тем, что ее возмутило, оказались фрагменты, которые она сочла расистскими, например, выражение «дикий негритянский танец». Ну, нам это сложно вообразить, но нужно сознавать, что такие вещи могут кого-то оскорбить. Одновременно она нашла в тексте столько свидетельств как раз открытости Гомбровича Другому, тому, чтобы быть Другим, признаков того, что он учился быть Другим — что это ее потрясло.

Другой работой, восхитившей меня, был текст студентки, коренной американки, которая написала, что через Гомбровича она разглядела свое происхождение. Но больше всего меня поразила работа японки, посещавшей семинар в течение двух семестров. После первого семестра она написала хорошую работу, а после второго — блестящую. Исходной точкой, тем, что вызвало у нее наибольший интерес, оказалось эссе Юзефа Чапского «Утраченный рай», о Боннаре. То, что японка может увидеть в таком эссе нечто, затрагивающее ее лично, свидетельствует о механизме функционирования или возможностях литературы. Итак, она отталкивалась от эссе Чапского, в котором говорится о конфликте между чистым и ангажированным искусством; затем цитировала «Мой век» Александра Вата — это понятно; потом она самостоятельно нашла в «Дневнике писателя» Достоевского фрагменты, связанные с этой линией, затем представила двух японских эссеистов, о которых я никогда не слышал, и все это выстроила таким образом, что сюжет был понятен и значим, и вытекал из чтения Чапского.

Это примеры того, как в Соединенных Штатах можно наблюдать эту поликультурность, как в удачные моменты разные люди объединяются и могут друг друга чему-то научить. С этой японской студенткой я позже разговаривал один на один и, прежде всего, спросил, как она попала в США. Оказывается, она работала несколько лет, чтобы приехать в Нью-Йорк и записаться — за собственные деньги — на три семинара. Один семинар мой, об изгнании и Европе, второй — о Фридрихе Ницше, третий — о феминизме. Мне казалось, что

будь я японцем, я бы постарался попасть в семинар преподавателя, для которого английский является родным языком, то есть поступил бы иначе. Но эта открытость удивила меня, и должен признаться, от этих студентов я наверняка почерпнул не меньше, чем они от меня.

*Записала в 1996 году Ивона Смолька, расшифровка Богумилы
Пшондки*

Перевод Ирины Адельгейм

Ежи Гедройц — читатель и издатель русской литературы [ч. 2]

Перевод Ирины Адельгейм

Поэтов Гедройц в своих посланиях упоминает редко. Из писем к Скальмовскому мы знаем, что он любил Игоря Северянина — называл себя поклонником его поэзии. Кроме того, Редактор, по своему обыкновению, коллекционировал сборники поэта^[1]. В разговоре с Эвой Бербериуш он особо отмечает книгу Северянина «Ананасы в шампанском» (1915), добавляя: «Русскую поэзию я воспринимаю чувственно»^[2]. Впрочем, нам также известно, что Гедройц высоко ценил поэзию Константина Бальмонта и творчество Александра Вертинского^[3]. Эти три имени, составляющие поэтическое созвездие с легко угадываемым общим декадентским знаменателем, дают некоторое представление о поэтических вкусах Редактора.

Все перечисленные авторы по-своему являются выразителями атмосферы *fin de siècle*, все обладали исполнительским талантом и использовали его. Довоенные симпатии Гедройца — постоянного посетителя русских балов в Варшаве — к декадентскому эстетизму Бальмонта или экстравагантности Северянина были настолько сильны, что, как нам представляется, их так и не смогло заслонить прочитанное позже: наиболее близкой Редактору оставалась русская поэзия первых двух десятилетий XX века, хотя за текущим литературным процессом он внимательно следил и после войны — достаточно вспомнить о планах издания антологии современной русской поэзии на польском языке, на которую однако не хватило средств^[4].

Большое впечатление произвела на Редактора поэма Анны Ахматовой «Реквием», хотя желание ее опубликовать он аргументировал тем, что это может способствовать нормализации польско-русских отношений. В 1964 году Гедройц уговаривает Милоша взяться за перевод: «В Мюнхене вышла книжечка Ахматовой „Реквием“. Это ее стихи 39-го и 40-го годов, трагические (арест сына, тюрьмы и т.д.). Она

маленькая. Может, ты бы перевел? Мне кажется, имеет смысл»^[5].

Через две недели он повторяет свое предложение: «Хотелось бы уговорить тебя сделать кое-что, а именно — перевести на польский несколько русских стихотворений. Хотя бы Ахматову [...] или других поэтов, которые сегодня в России под запретом, таких как Мандельштам, Цветаева и пр. [...] Несколько подобных переводов могли бы сыграть — поверь мне — важную роль. Попробуй»^[6].

Милош не отвечает, Редактор не отступает. Спустя десять дней он излагает свои доводы более подробно: «Удастся ли уговорить тебя перевести Ахматову? Если ты переведешь несколько ее произведений плюс Мандельштама, Цветаеву, этим можно будет размахивать, как флагом. И такой флаг мог бы сыграть большую роль в пол[ьско]-[рус]ских отношениях, именно в силу своего культурного, а не политического аспекта. Сам факт, что автор переводов — ты, также будет очень важен»^[7].

Милош не соглашается и теперь, ссылаясь на специфику поэзии Ахматовой: «„Реквием“ Ахматовой — текст трагический. Но совершенно непереводимый [...] я за это не возьмусь. Честное слово, я бросился читать „Реквием“ с намерением его перевести, но у меня руки опустились. У меня, который способен перевести Бялошевского и Гроховяка на английский! [...] Дело не в том, что я считаю „Реквием“ великой поэзией. Это как с фольклором. [...] Так что обратиться к Лободовскому. Он справится. На „троечку“»^[8].

Так и случилось, хотя Гедройц не скрывал своего сожаления. «Реквием» Ахматовой в переводе Лободовского был напечатан в шестом номере «Культуры» за 1964 год.

С подобной просьбой Гедройц обращался к Милошу в связи с поэзией Натальи Горбаневской, творчество которой впервые было представлено на страницах «Культуры» в 1969 году (№5) — стихотворением «Как андерсовской армии солдат...» в переводе Лободовского. Спустя несколько лет, в 1976 году, Редактор спрашивает: «Здесь Наталья Горбаневская, у нее есть прекрасные стихи о Польше, покаяние от имени России и т.д. Ты бы не хотел перевести несколько таких коротких стихотворений?»^[9]

А через месяц напоминает: «Жуткие вещи происходят с друзьями-москалями. Поразительные люди. Но личность совершенно великолепная — Наталья Горбаневская. Ты не только ей и мне доставишь удовольствие, если переведешь несколько стихотворений [...], а мне бы это очень помогло»^[10]. Милош по-прежнему медлит с ответом. Гедройц, видимо, крайне заинтересован в этой публикации, поскольку через два

месяца делает еще одну попытку: «Что касается русских, повторяю свою просьбу о переводе Горбаневской. Эта забавная маленькая женщина — пожалуй, наиболее светлый представитель новой эмиграции»^[11].

Однако Милош не уступил, переводами русской поэзии он, как правило, не занимался. «Культуру» опередили «Вядомости» — 1 августа на первой странице была опубликована статья «Русская поэтесса, очарованная Польшей»^[12] и подборка стихов Горбаневской в переводе Игнатия Шенфельда. На страницах же «Культуры» поэзия Горбаневской снова появилась лишь в 1984 году — в переводах Радослава Новака.

Эти два примера позволяют предположить, что в представлении Ежи Гедройца ценность литературы определялась не столько способами выражения темы, сколько самой темой. Он не раз призывал поэтов, например, Лободовского, писать политические стихи на актуальные темы. Зачастую (хоть и далеко не всегда) литературные пристрастия Редактора оказывались неразрывно связаны с его преклонением перед человеческой, гражданской позицией автора, несмотря на не раз высказывавшуюся им мысль о том, что если мы начнем требовать от писателя гражданской порядочности и высокой нравственности, литература просто не выживет.

Письма Ежи Гедройца свидетельствуют также о его читательских поисках. Он часто обращался к забытым произведениям, любил делать открытия, его влекло к себе все новое, неизвестное. В письме к Михаилу Геллеру 1969 года он с любопытством спрашивает: «Знаете ли Вы Наума Однопозова? Несколько лет назад он выбрал свободу, я его пару раз видел, производит впечатление человека неуравновешенного и трудного, но довольно интересного. Мне трудно оценить, сколько правды в его словах. Он прислал мне номер „Нувель Планет“ со своими текстами. До этого он опубликовал свои стихи в одном из номеров „Студента“, который издает в Лондоне Флегон — не лучшая рекомендация. Буду благодарен, если напишете несколько слов» (23 мая 1969 года).

Однопозов был представителем литературной оппозиции. За этим псевдонимом скрывался поэт Наум Гуревич, который ради получения разрешения на выезд в Израиль для лечения симулировал психическую болезнь^[13].

В числе специфических текстов, которые Ежи Гедройц читал по-русски, — работы русского мыслителя Николая Федорова, создателя «Философии общего дела», предтечи религиозно-философского возрождения первых десятилетий XX века^[14]. В своей философии, сочетавшей перспективу православной теологии, историософии, этики, антропологии, Федоров

призывал к борьбе с человеческой смертностью, которая, как утверждал этот мыслитель, свидетельствует лишь о несовершенстве человеческой природы. Смерть, считал он, должна подвигнуть людей на коллективные действия во имя победы над ней. С этой целью, утверждал Федоров, следует использовать слепую природу, нуждающуюся в рациональной воле. Таковой должно стать общее, в глобальных масштабах, дело людей, сила, способная преобразить незрячую разрушительную стихию природы в энергию, способную возвращать жизнь.

В конце 1969 года Гедройц писал Милошу: «Федотова знаю и ценю, но в данный момент увлечен писателем весьма мало известным, Федоровым. Его книга „Общее дело” оказала большое, хоть и неявное влияние. Ее страшно сложно раздобыть»^[15].

Это скромное выражение личного интереса многое говорит о поисках Ежи Гедройца, о его, порой экзотических, читательских пристрастиях, в которых он зачастую опережал более широкую аудиторию (профессиональное восприятие Федорова в Польше датируется первой половиной восьмидесятых годов XX века^[16]).

Среди изданных им писателей Редактор высоко ценил Юлиа Даниэля, печатавшегося под псевдонимом Николай Аржак. В конце 1961 года, после публикации первого рассказа Даниэля в «Культуре»^[17], Гедройц сообщил Александру Янта-Полчинскому^[18]: «В январском ном[е]ре „К[ультуры]” я печатаю первый советский рассказ, который представляется мне более чем выдающимся с точки зрения как литературной, так и политической»^[19].

Он с удовлетворением писал об этом тексте также Богдану Осадчуку: «Обратите внимание на январский номер „Культуры”, в котором я печатаю новый „советский” рассказ Аржака „Говорит Москва”. Он представляется мне бесконечно интересным как с литературной, так и с политической точки зрения. Что касается автора — в отличие от Терца, который не является, так сказать, профессиональным литератором, Аржак — писатель, причем писатель очень популярный или известный»^[20].

В июне 1962 года Гедройц сообщает Константы Еленьскому о новом рассказе, снова одобritельно: «Получил новый текст Аржака»^[21]. Очень хороший»^[22].

После серии публикаций Даниэля в «Культуре» Гедройц был удивлен не слишком восторженной реакцией своего окружения; в письме к Осадчуку он писал: «Аржака [...] я печатал только на польском языке. Странно, что издатели отреагировали вяло. Мне кажется, из „подпольной

литературы” он наиболее интересен»^[23].

Не смутившись отсутствием широкого интереса к автору, Гедройц через два года после публикации серии текстов Даниэля снова обращается к его творчеству, на этот раз убежденный в его двойной ценности. В письме к Осадчуку он пишет: « [...] в апрельском ном[е]ре я печатаю новый рассказ Аржака^[24], который представляется мне очень хорошим и с литературной, и с политической точки зрения»^[25].

Четыре опубликованных за эти два года рассказа Даниэля составили сборник «Искушение и другие рассказы», который Литературный Институт выпустил в 1965 году.

С меньшим энтузиазмом, хотя чаще всего также одобрительно, пишет Гедройц о творчестве Андрея Синявского (Абрама Терца), которое усилиями Редактора приобрело международную известность. Повесть Синявского «Суд идет», представляющая собой острую антикоммунистическую сатиру, в переводе Лободовского и с предисловием Герлинга-Грудзиньского, вышла в Литературном Институте в 1959 году. Уже тогда Гедройц размышлял о необходимости публикации оригинала. Он писал Чапскому: «По поводу Терца. Имело бы смысл издать его по-русски. Лабендзь меня терзает (строгое между нами) просьбами дать согласие „Радио Свобода” („Free Europe”, вещающая на Россию, в значительной степени находящаяся в руках солидаристов), ко мне также поступают предложения через посредников, от тех же солидаристов. На это я идти не хочу, поскольку это придало бы всему делу привкус холодной войны и фашизма, что могло бы очень повредить этой связующей нас ниточке и вызвать ненужные подозрения и опасения. Сам я не хочу это издавать, потому что, во-первых, у меня нет денег, это оказалось бы предприятием стопроцентно дефицитным. Я и так тяну восточно-европейские издательства — это камень на моей шее и не поручусь, что это меня не доконает с финансовой точки зрения. Может, было бы лучше, чтобы этим занялось какое-нибудь научное американское издательство (например, „Michigan University Press”, опубликовавшее на русском языке Пастернака). К сожалению, после смерти Карповича у меня в США никого не осталось» (25 ноября 1959 года).

Философская повесть Синявского имеет политическую ценность — объясняет Гедройц в письме к историку, бывшему послу Польши в Турции, Михалу Сокольникову в начале 1960 года: «Несколько месяцев назад, нелегальными путями, ко мне попала из Москвы рукопись пьесы „Суд идет”. Политически это еще более потрясающая вещь, чем Пастернак, поскольку автор, скрывающийся под псевдонимом Абрам Терц — человек тридцатилетний, то есть совершенно „советский”. Книжечка

становится международным бестселлером. У меня уже есть договоры почти во всех странах. В Италии ее издает „Mondadori”, в Германии „Kiepenheuer”, в Лондоне „Collins”, в США „Pantheon Books”. По-испански она выходит в аргентинском „SUR”. Не заинтересует ли эта книга турецких издателей? [...] На русском языке я решился издать ее сам в специальном номере „Культуры”, подготовку которого в настоящее время заканчиваю. Кроме того, хочу пояснить, что псевдоним Абрам Терц не означает, будто автор — еврей. В сталинские времена в московском университете была очень популярна одна песенка, так называемая блатная, героя ее звали Абрам Терц. Это своего рода шифр, понятный молодой московской интеллигенции» (14 февраля 1960 года).

Как и планировалось, пьесу «Суд идет», снова с предисловием Герлинга-Грудзиньского, Редактор опубликовал в том же году, в первом изданном им номере «Культуры» на русском языке. Текст Герлинга в определенном смысле имел для Гедройца большее значение. В целом же книга не оправдала возлагавшихся на нее политических надежд. В письме к Александру Янта-Полчинскому Гедройц жаловался: «Все мое путешествие за золотым руном закончилось бóльшим фиаско, чем я предполагал — а уж оптимистом я никак не был. Сейчас приходится сворачивать развернутую мною деятельность, поскольку, как бы там ни было, банкротства я хотел бы избежать. Я с огромным трудом выпускаю книги, жгуче актуальные политически. Мне кажется, что это (например, Ставар^[26] или Терц, особенно предисловие к нему) вещи важные, но сомневаюсь, что в США меня поймут и поддержат»^[27].

Тем временем за год повесть Терца вышла на двадцати языках, вызвав повсеместный интерес^[28], а Гедройц не переставал продвигать Синявского, которого в художественном отношении ценил все выше^[29]. В письме к Милошу в июне 1961 года он сообщал о своих новых литературных приобретениях, ссылаясь также на авторитет Александра Вата: «Недавно я получил из Союза три большие рукописи, в том числе сборник новых рассказов Терца. Это очень интересно, в первую очередь, с литературной точки зрения. Ват под большим впечатлением»^[30].

Вероятно, речь идет о фантастических повестях Синявского, прозе, гротескно изображающей повседневную жизнь в советской России, в духе Салтыкова-Щедрина. Редактор не медлил с ее изданием: повести вышли в том же году, и по-польски, и по-русски^[31]. О важности издания на языке оригинала писал из Беркли Милош: «Терц по-русски здесь очень нужен. Для всех студентов и профессоров славянского

факультета, кроме того, русский в Америке знают очень многие, выходят большими тиражами издания *bilingual* (русский текст и параллельно английский)»^[32].

В то же время Ежи Гедройц скептически относился к изданной им в 1961 году пьесе Андрея Ремизова^[33] «Есть ли жизнь на Марсе?», повествующей о способах замалчивания сталинских преступлений партией и опубликованной под псевдонимом И.Иванов. Книга вышла сперва в польском переводе (Юзефа Лободовского), затем по-русски. Редактор связывал с пьесой определенные надежды, в сентябре он писал Осадчуку: «Через неделю Вы получите еще одну книгу советского писателя, политический гротеск, который, надеюсь, окажется для Союза не менее болезненным уколом, его следует как можно более широко использовать — хотя бы на телевидении»^[34].

Однако, что касается литературной ценности пьесы, иллюзий Гедройц не питал — в октябре он писал Милошу: «Вы, вероятно, уже получили Иванова. Это очень слабая вещь (забавно, что автор не еврей, только мать его — еврейского происхождения), но предисловие прекрасное, и потом — это первое столь яркое изображение советского антисемитизма»^[35].

Свои соображения Гедройц излагает в январе 1962 года в письме к Янта-Полчинскому: «Очень жалею, что мне до сих пор не удалось никого в США заинтересовать Ивановым. [...] Думаю, что в руках умелого пропагандиста и режиссера Иванов может оказаться хорошим капиталом. Так мне кажется — судя хотя бы по реакции немцев и итальянцев»^[36].

В корреспонденции Ежи Гедройца мы находим свидетельства восхищения творчеством и позицией русского диссидента Андрея Амальрика^[37]. Редактор хотел издать его эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» Книга вышла в 1970 году (31-й том серии «Документы»). Потрясенный Гедройц пишет Милошу: «Сейчас я полностью занят Амальриком. Это парень исключительный»^[38]. Милош, как это часто случалось, политику Гедройца-издателя оценивает критически. У него есть сомнения по существу вопроса, он недоверчиво замечает: «Там имеются очень точные и глубокие наблюдения, но логически вывод о распаде империи из них не следует. Я склонен верить тем экспертам, которые не думают, будто Амальрик действовал по заказу НКВД, но, в то же время, считают, что терпимость в отношении пересылки его рукописи на Запад может объясняться тем, что это на руку какому-нибудь особому отделу, ведь распространение мнения, будто Россия — колосс на глиняных ногах ведет к хаосу и усыпляет бдительность»^[39].

Однако Редактор доверяет своей интуиции и своему мнению.

Он издает книгу, снабдив ее приложением, содержащим два открытых письма: Амальрика Анатолию Кузнецову и Петра Якира — Амальрику. После выхода польского издания Милош меняет точку зрения, он в восторге: «Амальрик превосходен. По-польски мне больше нравится, чем по-английски. К тому же я не знал писем»^[40]. Тем временем Гедройц уже размышляет о следующей книге Амальрика: «[...] я получил его большой текст „Нежеланное путешествие в Сибирь“. Текст очень интересный, и полностью меня убедил, что все подозрения относительно него беспочвенны»^[41]. Милош молчит по поводу нового текста писателя-диссидента, и Редактор пишет снова: «Ты читал „Нежеланное путешествие в Сибирь“ Амальрика? Прекрасная книга. Только читай по-русски, в переводе потеряется весь вкус»^[42]. Изданную по-русски Фондом имени Герцена в 1969 году книгу Амальрика в США достать было трудно. Прочитав присланную из Мезон-Лаффита книгу, Милош подтверждает получение посылки, присовокупив слова одобрения: «Я благодарен тебе за Амальрика. [...] отличная литература, холодная, образец трезвости»^[43]. Однако, когда в начале следующего года Войцех Скальмовский перевел для «Культуры» главу из книги Амальрика о его ссылке в шестидесятые годы, Редактор неожиданно передумал: «Амальрика я печатать не буду. Я очень высоко ценю эту книжечку, даже хотел бы издать ее целиком, но это выходит за рамки моих возможностей» (26 марта 1971 года). Может удивлять тот факт, что ни книга не вышла в Институте, ни ее фрагменты не были напечатаны на страницах «Культуры», хотя мнение Гедройца и его ближайшего окружения о прозе Амальрика было очень высоким. Представляет интерес дифференцированное отношение Гедройца к произведениям Александра Солженицына. С литературной точки зрения, выше всего он ценил двухтомный роман «В круге первом», хотя не все разделяли его восхищение. Чеслав Милош старался отговорить Редактора от издания книги: «До меня дошли слухи [...], что ты носишься с идеей опубликовать „В круге первом“ Солженицына. Я тебе горячо не рекомендую. Даже с чисто политической точки зрения мало пользы от издания писателей слабых, пускай даже благородных и мужественных. Это так называемая халтура. Я начал читать, но через какие-нибудь двадцать страниц бросил. Полный примитив, поляков в Польше это не убедит, а эмигранты могут прочесть и по-английски. Мне кажется, на такое просто жалко денег. Солженицын — не Тарсис^[44], но даже энкаведешникам может быть на руку экспорт таких художественно посредственных произведений»^[45].

Категоричное мнение Милоша — которое он полностью изменил спустя несколько месяцев — не повлияло на решение Гедройца, который в очередной раз доказал, что доверяет своим оценкам. В письме он возражает адресату: «Говоря откровенно (что со мной в последнее время случается редко) — как можно так оценивать Солженицына? Ты читал его или невнимательно, или в ужасном переводе (французский не только отвратителен, но и содержит ошибки). Это в самом деле, и с точки зрения художественной, великие книги. Я издаю обе, и хотя с моей стороны это сродни финансовому безумству, я полагаю это просто-таки своим долгом»^[46].

Усилия Гедройца вызывают у Милоша восхищение, он соглашается с Редактором относительно художественных достоинств книги, однако с его точки зрения, это не может служить аргументом, оправдывающим столь дорогое предприятие: «Даже если согласиться с тобой и признать, что книги Солженицына — выдающаяся проза, я не очень себе представляю, кто мог бы быть их читателем, впрочем, не знаю, кто в эмиграции такие книги покупает, а кто — нет. Я, конечно, не могу знать всех твоих доводов. Наверняка имеет значение такой: строительство мостов между Польшей и этой „другой“ Россией, но, возможно, усилия и затраты в данном случае слишком велики»^[47].

«В круге первом» представляло собой для Гедройца произведение «оптимальное», то есть, с его точки зрения, это был текст высокого художественного уровня, который отвечал основным политическим требованиям. На сомнения Милоша Редактор реагирует следующим образом: «Что касается Солженицына: быть может, цена и велика для нормализации польско-русских отношений. Но видишь ли ты другой выход? Все наше будущее зависит от развития ситуации в России. И только от нее. [...] Так забавно складывается, что мы — Польша — теоретически имеем шансы встать во главе этих перемен в Восточной Европе. Порой меня бросает в дрожь, когда до меня доходят известия и слухи о том, что в Праге, Братиславе, Киеве, Каунасе, Минске, Москве и черт знает где еще на нас взирают с надеждой. А тут — одичавший политически народ, с которым ничего не предпримешь, который ничего не понимает. Поскольку деваться мне от этого народа некуда, нужно вопреки всему продолжать, подбадривая себя „Думой о гетмане“ или „Розой“. В худшем случае мы оставим след, прецедент, на который в будущем кто-то, возможно, сможет опереться, если наш мир выживет в этом приближающемся землетрясении»^[48].

Прочитав по-русски «Раковый корпус», Милош изменил свое мнение о литературном таланте Солженицына. Однако издание

его произведений по-польски все же считал излишним. Гедройц настаивал, что это важное — и единственное доступное ему — орудие нормализации польско-русских отношений. Это убеждение определяло многие его решения как издателя: «В моих силах лишь действовать при помощи печатного слова. Отсюда концепция номеров журнала на русском языке, переводов на русский, „История Чехии” и т.д.»^[49].

Такая политика, возражал Милош, может лишь навредить: «Что касается Солженицына, я, как ты помнишь, покался, но практические последствия и цели издания его на польском языке по-прежнему вызывают у меня сомнения. Что касается каких бы то ни было публикаций на русском языке, тут я могу привести очень серьезные контраргументы. Пусть себе в соцлагере верят или полувоят, будто «Культура» — мощный концерн, финансируемый и управляемый ЦРУ. Но любой поляк панически боится быть замешанным в борьбу гигантов разведки и пропаганды, то есть ЦРУ и НКВД. Одна книга на русском языке в большей степени сделает «Культуру» явлением весьма подозрительным, чем 1000 книг на польском — здесь просто сработает условный рефлекс Павлова»^[50].

Однако на этот раз Гедройц основывается не только на своей уверенности в литературных достоинствах книги Солженицына, но и на прежнем опыте Библиотеки «Культуры», насчитывавшем несколько десятилетий. Его удивляет точка зрения Милоша: «Не понимаю, как можно говорить о необходимости связей с Россией и одновременно сопротивляться изданию Солженицына или других книг на русском языке. Солженицын покажет полякам ту Россию, которой они не знают. Подобные реплики я слышал, когда издавал «Доктора Живаго», причем высказывались они не только здесь, но и в Польше. Вышло три издания, все они распроданы. Думаю, это о чем-то говорит, и какую-то роль книга сыграла. Издание именно поляками двух-трех книг на русском языке будет иметь особое значение: эти книги не только — с моей точки зрения, которую я имел возможность не раз проверить через знакомых «советчиков» — могут оказать влияние на молодую русскую литературу, важен, прежде всего, сам факт издания их поляками. Ты себе не представляешь, какой комплекс неполноценности терзает восточно-европейские страны»^[51].

В апреле 1970 года Институт издал «В круге первом». Редактор удовлетворенно писал Милошу: «Я этим очень доволен»^[52]. И хотя книга продавалась не лучшим образом, он в том же году обдумывает публикацию очередного произведения Солженицына. Все готово — не хватает средств на издание. В

октябре он пишет Геллеру: «Мечтаю напечатать «Раковый корпус», у меня даже есть перевод, но «В круге первом» расходуется плохо и все это стоит огромных денег»^[53]. Тем не менее издание «Ракового корпуса» Гедройцу удалось осуществить в следующем году (1971) — книга разошлась настолько хорошо, что спустя два года он смог позволить себе второе издание. Бухгалтерские книги Мезон-Лаффита свидетельствуют также о высоких продажах «В круге первом», переизданного в 1972 году.

Тем временем вышло очередное произведение Солженицына — «Август Четырнадцатого» («УМСА-Press», 1971), посвященное российскому наступлению в Восточной Пруссии. Книга Гедройцу решительно не понравилась. В июле 1971 года он писал Скальмовскому: «Что касается Солженицына, я на днях получу экземпляр и сразу же Вам вышлю. Сам я только просмотрел книгу, у меня ощущение, что вещь гораздо более слабая, чем предыдущие. На днях должен получить известие от Грудзиньского — напишет ли он для нас рецензию. [...] Во всяком случае, если захотите написать об этой книге, мне представляется, что ее необходимо сравнить с «Тихим Доном» Шолохова и даже — не смейтесь — с книгой Краснова «От Двуглавого Орла до красного знамени». С литературной точки зрения, книга никакая, но в основе — прекрасный фактографический материал. Солженицын — человек советский, который, в сущности, ничего о дореволюционной России не знает, и это слабое место его романа» (3 июля 1971 года).

В августе, в письме к Михайло Михайлову^[54], автору изданной Институтом в 1966 году книги «Русские темы», Гедройц высказывал подобное мнение: «Я считаю, что «Август Четырнадцатого» — книга на удивление слабая, в которой можно обнаружить лишь отдельные блестящие страницы»^[55]. Однако в летнем номере «Культуры» за этот год появляется фрагмент текста Солженицына, озаглавленный «Бог» — фрагмент авторского послесловия к парижскому изданию. Иначе обстояло дело с «Архипелагом ГУЛАГ», который Гедройц считал важной книгой, хотя во главу угла ставил факторы не только литературные. В этом смысле, как уже говорилось, он выше ценил талант Шаламова. Однако Солженицын, а не автор «Колымских рассказов», стал в семидесятые годы, пожалуй, наиболее известным на свете современным русским писателем. Гедройц не мог этого не сознавать, и даже очередные сетования Милоша, который не видел в романе Солженицына никакой познавательной ценности, не удержали его от издания огромной книги в трех томах, которую он считал «действительно великой»^[56] — об авторе Редактор

говорил с нескрываемым восхищением: «Борьба этого одинокого человека с тоталитарной суперимперией — поистине феномен»^[57]. Вскоре ему представился шанс убедиться в правильности своего ощущения — во время личной встречи с писателем на его пресс-конференции.

Впечатлениями Гедройц поделился, в частности, с Милошем: «Только что вернулся из Цюриха, куда был приглашен Солженицыным. Этот человек меня поразил»^[58].

Творчество писателя было для Редактора неотделимо от его биографии и гражданской позиции. Гедройц следил за бурной жизнью Солженицына и его публикациями, отношение его к политическим решениям и декларациям автора «Архипелага», а также к его позднейшим произведениям не оставалось неизменным.

Одну из последних (быть может, последнюю) оценку Гедройцем творчества Солженицына, запечатленную в переписке, мы находим в письме к Михаилу Геллеру в 1995 году, сразу после прочтения рассказа «Все равно»: «Прилагаю рассказ Солженицына, напечатанный в последнем номере „Литературной газеты“ (которая делается все более интересной). Быть может, я ошибаюсь и не прав, но такой рассказ мог бы написать Константин Симонов»^[59].

Прозу Симонова Гедройц относил к среднему классу советской литературы. Синонимом литературной посредственности был для Редактора другой русский писатель, Николай Брешко-Брешковский, автор, как утверждал Гедройц, «безвкусицы», «романчиков далеких двадцатых годов»^[60], в Польше безумно популярный в межвоенное двадцатилетие, когда огромными тиражами было издано более тридцати его книг.

Значительно богаче отраженный в переписке Редактора каталог русских писателей, которых он любил или ценил, хотя упоминал лишь спорадически, зачастую лишь однажды. Здесь следует упомянуть Марка Алданова, прозаика и публициста, первого главного редактора «Нового журнала». Славу Алданову принесла историческая тетралогия о Французской революции, которая, по мнению автора, предвосхитила большевистскую.

Скептическое отношение к социальной революции как таковой он выразил в трилогии, вышедшей в Польше в тридцатые годы: «Ключ» (1931), «Бегство» (1932), «Пещера» (1934). В 1975 году Редактор просил Войцеха Скальмовского перевести одну из статей Алданова для «Культуры». Он убеждал адресата: «Об Алданове стоит написать — я очень ценил этого писателя.

Осенью в Германии должно выйти несколько его переизданий, я Вам перешлю» (1 августа 1975 года). Однако статья Алданова в «Культуре» так и не появилась, поскольку, как выяснилось, до войны она уже печаталась по-польски. Следует добавить, что об

Алданове помнил не только Ежи Гедройц — о нем писал также Михал К.Павликовский в лондонской газете «Вядомости»^[61]. По инициативе Скальмовского «Культура» представила творчество русского дадаиста Владимира Казакова: «Прилагаю несколько небольших его текстов, которые я наскоро перевел из книги „Мои встречи с Владимиром Казаковым“, — писал он Гедройцу. — Молодой (относительно) человек, родился в 1938 году, живет в Москве, пишет эти фрагменты с 1967/68 годов — это „футуристическая“ линия (Хлебников, Введенский); увидите, напоминает „Зеленого гуся“ Галчинского и отчасти Гомбровича. Думаю, стоило бы напечатать несколько его вещиц, это забавно, и потом, следует обратить внимание — в том числе и в Польше — на это самиздатовское движение — не являющееся чисто политическим, но совершенно не соцреалистическое, стихийное» (24 февраля 1973 года). Казаков Редактору понравился: «Действительно очень забавно, я охотно напечатаю. Но тексты нуждаются хотя бы в кратком вступлении, потому что подавляющее большинство читателей о Казакове понятия не имеет» (27 февраля 1973). «Мои встречи с Владимиром Казаковым» были напечатаны в летнем номере «Культуры» 1973 года.

-
1. В письме к Скальмовскому от 18 октября 1976 он писал: «Вашей любимице повезло, потому что у меня как раз имеются дубликаты двух сборников Игоря Северянина. Существует еще третий — «Victoria regia» — быть может, мне удастся его раздобыть [...]». «Любимица» — бельгийская славистка Лени Ловерс. Войцех Скальмовский опубликовал в «Культуре» рецензию на ее монографию о Северянине. В этом тексте он воздает должное формальному новаторству русского поэта, отмечает его сильное влияние на других художников (в том числе польских), хотя в заключение называет его стихи «цветными карамельками». См. М. Broński [W.Skalmowski], *Ślad poety*, „Kultura” 1994, nr 10.
 2. E. Berberyusz, *Książę z Maisons-Laffitte*, Gdańsk 1995, s. 160.
 3. Ibidem. В «Автобиографии в четыре руки» Гедройц также признается, что был поклонником Вертинского.
 4. Ср.: E. Berberyusz, op. cit., s. 159.
 5. J. Giedroyc, C. Miłosz, *Listy 1964–1972*. Opracował M. Kornat. Warszawa 2011, s. 6; письмо от 14 января 1964 года.
 6. Ibidem, s. 19; письмо от 26 января 1964 года.
 7. Ibidem, s. 227; письмо от 7 февраля 1964 года.

8. Ibidem, s. 33; письмо от февраля / марта 1964 года.
9. J. Giedroyc, C. Miłosz, Listy 1973–2000. Opracował M. Kornat. Warszawa 2012, s. 158; письмо от 5 февраля 1976 года.
10. Ibidem, s. 169; письмо от 17 марта 1976 года.
11. Ibidem, s. 227; письмо от 7 февраля 1964 года.
12. I.Szenfeld, Poetka rosyjska Polską urzeczona, „Wiadomości” 1976, nr 31.
13. Cp.: „AJR (Association of Jewish Refugees in Great Britain) Information” (marzec) 1968, nr 3, t. 23, s. 4.
14. Cp.: M. Milczarek, Z martwych was wskrzesimy. Filozofia Nikołaja Fiodorowa, Kraków 2013, s. 10.
15. J. Giedroyc, C. Miłosz, Listy 1964–1972..., s. 305; письмо от 29 декабря 1969 года.
16. В Польше к философии русского мыслителя и ее влиянию на литературу первым обратился Рышард Лужный, см.: idem, Myśl filozoficzna Mikołaja Fiodorowa w kręgu pisarzy rosyjskich XIX i XX wieku, „Przegląd Humanistyczny” 1982, nr 1–2.
17. N. Arżak [J. Daniel], Ręce, tłum. J. Łobodowski, „Kultura” 1961, nr 9.
18. Idem, Mówi Moskwa, tłum. J. Łobodowski, „Kultura” 1962, nr 1–2.
19. J. Giedroyc, A. Janta-Połczyński, Korespondencja 1947–1974, opracował i wstępem opatrzył P. Kądziała, Warszawa 2009, s. 427; письмо от 15 декабря 1961 года.
20. J. Giedroyc, Emigracja ukraińska, Listy 1950–1982. Opracowała B. Berdychowska. Warszawa 2004, s. 294. Письмо от 7 января 1962 года.
21. N. Arżak [J. Daniel], Człowiek от MINAP-u, tłum. L. Furatyk [J. Stempowski], „Kultura” 1962, nr 9.
22. J. Giedroyc, K.A. Jeleński, Listy 1950–1987. Opracował W. Karpiński. Warszawa 1995, s. 341; письмо от 19 июня 1962 года.
23. J. Giedroyc, Emigracja ukraińska, Listy z 1950–1982..., s. 305; письмо от 10 августа 1962 года.
24. N. Arżak [J. Daniel], Odkupienie, tłum. J. Łobodowski, „Kultura” 1964, nr 4.
25. J. Giedroyc, Emigracja ukraińska, Listy 1950–1982..., s. 328; письмо от 2 апреля 1964 года.
26. Анджей Ставар (1900–1961), марксистский публицист, литературный критик, сборник его эссе «Последние труды» вышел посмертно в Литературном институте.

27. J. Giedroyc, A. Janta-Połczyński, op. cit., s. 425; письмо от 29 сентября 1961 года.
28. Zob. G. Herling-Grudziński, „Opowieści fantastyczne” Abrama Terca, [w:] idem, Upiory rewolucji, Lublin 1999, s. 189.
29. В предисловии к пьесе «Суд идет» Герлинг утверждал, что текст обнаруживает «ряд признаков безусловного литературного таланта», цит. по: idem, Upiory..., s. 186.
30. J. Giedroyc, C. Miłosz, Listy 1952–1963. Opracował M. Kornat. Warszawa 2008, s. 502; письмо от 12 июня 1961 года. Высоко оценил художественный уровень книги также Герлинг-Грудзинский: «В своем предисловии [к пьесе „Суд идет” — П.Б.] я лишь мимоходом упомянул о „безусловном литературном таланте автора”, все внимание сосредоточив на феномене — который сам по себе очень показателен — советского писателя, решившегося печататься за границей. Теперь, когда редактор „Культуры” получил и издал вторую книгу Терца — пять «фантастических повестей» — дело принимает более серьезный оборот. За эти два года „безусловный литературный талант” молодого советского автора — поскольку многое позволяет говорить о его относительно молодом возрасте — окреп и поразительно созрел. Перед нами уже не начинающий, „обещающий” и „многообещающий” писатель, но прозаик, имеющий свое лицо, новеллист оригинальный и изобретательный, даже если рассматривать его в контексте официальной советской литературы», цит. по: G. Herling-Grudziński, Upiory rewolucji, s. 189.
31. A. Terc [A. Siniawski], Opowieści fantastyczne, tłum. J. Łobodowski, S. Bergholz [A. Wat], przedmowa S. Bergholz, Paryż 1961; idem, Fantastyczskie powieści, Paryż 1961.
32. J. Giedroyc, C. Miłosz, Listy 1952–1963..., s. 542; письмо от 9 ноября 1961 года.
33. Андрей Ремизов (р. 1926) — библиограф, близкий знакомый Андрея Синявского. Свидетель обвинения во время процесса над Синявским и Даниэлем. В дальнейшем литературой не занимался.
34. J. Giedroyc, Emigracja ukraińska, Listy 1950–1982..., s. 281; письмо от 18 сентября 1961 года.
35. J. Giedroyc, C. Miłosz, Listy 1952–1963..., s. 523; письмо от 5 октября 1961 года.
36. J. Giedroyc, A. Janta-Połczyński, op. cit., s. 430–431; письмо от 9 января 1962 года.
37. Андрей Амальрик (1938–1980), писатель, публицист, диссидент, в 1976 году был вынужден эмигрировать.

38. J. Giedroyc, C. Miłosz, Письмо у 1964–1972..., s. 374; письмо после 10 июня 1970 года.
39. Ibidem, s. 376; письмо от 7 июля 1970 года.
40. Ibidem, s. 393; письмо от 16 сентября 1970 года.
41. Ibidem, s. 379; письмо от 29 июля 1970 года.
42. J. Giedroyc, C. Miłosz, Listy 1964–1972..., s. 401; письмо от 13 октября 1970 года.
43. Ibidem, s. 432; письмо от 27 декабря 1970 года.
44. Валерий Тарсис (1906–1983), русский прозаик, переводчик, который после публикации за рубежом был насильно помещен в психиатрическую больницу. Эмигрировал в 1966 году.
45. J. Giedroyc, C. Miłosz, Listy 1964–1972..., s. 214; письмо от 21 марта 1969 года.
46. Ibidem, s. 218; письмо от 2 апреля 1969 года.
47. Ibidem, s. 224; письмо от 5 апреля 1969 года.
48. Ibidem, s. 228; письмо от 14 апреля 1969 года. Подобным образом Гедройц свой интерес объяснял в письме в мае 1970 года: «Я также не страдаю манией величия, но давно уже чувствую то же самое, что и ты: сегодня есть китайцы и мы, то есть Польша и Россия. Такого шанса у нас в истории еще не было. Но нам не впервой его упустить. Подумай: не только здесь ждут озарения с Востока, но и в Киеве, Каунасе, Риге, Москве, Тбилиси и черт знает где смотрят на Варшаву. Практически дня нет, чтобы у меня не появлялись тому доказательства, и я просто болен от ощущения бессилия, видя, насколько это никого из соотечественников не волнует, ни старых, ни молодых, ни коммунистов, ни католиков. Это народ Гомбровича. То, что делает „Культура“ — обычное надувательство или имитация не существующего, но это необходимо. Может, теперь ты поймешь, почему я из кожи вон лезу с Солженицыными, русскими ном[е]рами, etc.”, ibidem, s. 352.
49. Ibidem, s. 280; письмо от 18 ноября 1969 года.
50. Ibidem, s. 302–303; письмо от 17 декабря 1969 года.
51. Ibidem, s. 305; письмо от 29 декабря 1969 года.
52. Ibidem, s. 374; письмо от 10 июня 1970 года.
53. Письмо от 9 октября 1970 года. О проблемах с изданием «Ракового корпуса» Гедройц неоднократно писал Милошу: «Уже давно есть готовый перевод „Ракового корпуса“ Солженицына, но один Бог знает, когда я сумею его издать»

(17 сентября 1970 года); «Я пошел на *double whisky* после присуждения премии Солженицыну. Я так хотел издать его „Раковый корпус”, перевод лежит готовый, но пока это лишь мечты» (13 октября 1970 года), J. Giedroyc, C. Miłosz, *Listy 1964–1972...*, s. 394, 401.

54. Михайло Михайлов (1934–2010), сербский (югославский) писатель, русист и диссидент русского происхождения, в шестидесятые и семидесятые годы находился под арестом, затем эмигрировал в США.
55. Письмо от 20 августа 1971 года; оригинал на английском языке (пер. П.Б.). Следует добавить, что на Западе «Август Четырнадцатого» был принят очень хорошо. Профессор кафедры славянских языков Калифорнийского университета в Беркли, Саймон Карлински после издания английского перевода романа в 1972 году напечатал рецензию, в которой подчеркивал «энциклопедическую эрудицию» писателя; что же касается двух фигур: исторической — генерала Самсонова, и вымышленной — главного героя, полковника Воротынцева, заметил, что они «написаны с таким мастерством и глубиной, что, вероятно, войдут в галерею самых блестящих русских литературных портретов всех времен», S. Karlinsky, *A New Departure for a Master*, „The New York Times”, 10 września 1972.
56. J. Giedroyc, C. Miłosz, *Listy 1973–2000...*, s. 59; письмо от 21 января 1974 года.
57. *Ibidem*, s. 60.
58. *Ibidem*, s. 102; письмо от 19 ноября 1974 года.
59. Письмо от 21 августа 1995 года. Первое книжное издание на польском языке см.: A. Sołżenicyn, *Przełomy. Opowiadania zebrane 1959–1998*, Warszawa 2001.
60. Ср., например, письмо Гедройца Юлиушу Меровскому от 1 июня 1956 года. J. Giedroyc, J. Mieroszewski, *Listy 1949–1956*, cz. 2, wybrał i wstępem poprzedził K. Pomian, przypisami i indeksami opatrzyli J. Krawczyk i K. Pomian, Warszawa 1999, s. 296–297.
61. M. K. Pawlikowski, Mark Ałdanow, „Wiadomości” 1957, nr 16/17.

Святой Иоанн Кассиан и «старая еврейка»: Юзеф Чапский и Людвик Херинг

В самом начале мне бы хотелось заявить о своем смирении перед прочитанным. Первый том переписки Юзефа Чапского с Людвиком Херингом, охватывающий период почти в двадцать лет, с 4 декабря 1939 года^[1] по 16 января 1959 года, — это одна из самых глубоких и содержательных книг, какие мне только довелось прочитать. Оба критерия — глубины и содержательности — в гуманитарных науках, где их трудно применить для безошибочного измерения или хотя бы строгого сравнения, в отличие от точных наук, в немалой степени зависят от субъективного восприятия. Поэтому к повествованию о действующих лицах этого эпистолярного диалога я приступаю с большим уважением и некоторой интеллектуальной робостью, стоя на земле, которая обжигает подошвы.

Каждая переписка, пусть даже между людьми, находящимися в разных комнатах, предполагает отдаление. В случае данной книги — это отдаление возведено в квадрат. В конце 1939 года Людвик Херинг, художник и мыслитель, которому исполнился тридцать один год, живет в оккупированной немцами Варшаве, а Юзеф Чапский, сорокатрехлетний художник, автор двух книг по живописи, находится в советской неволе, в Старобельске. Хотя Третий Рейх и Советский Союз считались тогда союзниками, тем не менее, статусы корреспондентов, с одной стороны, жителя оккупированного города, а с другой — узника лагеря для военнопленных, безусловно обостряют чувство отдаления и подталкивают к признаниям, которые должны нивелировать это отдаление. «Ты всегда для нас самый близкий» (I 15), пишет Херинг в первом сохранившемся письме того периода. Позднее, после войны, которую им обоим удастся пережить, это будет отдаление между свободной Францией, где сперва в столице, а потом в Мезон-Лаффите под Парижем, в резиденции польского «Литературного института» и журнала «Культура», на самой «верхотуре», Чапский вместе с сестрой найдут себе пристанище, и остающейся в большей или меньшей зависимости от Москвы Варшавой (а какое-то время и Лодзью), где со своей племянницей будет обитать Херинг. В

одном из последних писем первого тома Чапский делает признание и одновременно задает риторический вопрос: «... как всегда, когда я пишу тебе, мне хочется начать с самого главного. Но надо ли тебя убеждать, что ты для меня всегда один-единственный? Неужели ты можешь в этом сомневаться?» (I 336). Думается, что физическое и географическое отдаление друзей, различие в государственных системах стран, где им пришлось жить, со временем усиливает чувство необычайной близости, основанной на убеждении в своеобразной исключительности их связи.

Их разделяет не только пространство. Чапский, на двенадцать лет старше Херинга, происходил из помещичьей семьи, выводящейся из старого немецкого рода графов Гуттен-Чапских и австрийского дворянского рода Тун-Гогенштейнов, о чем довольно подробно рассказывается хотя бы в книге его сестры Марии «Европа в семье». Он много работает и востребован и как художник, и как писатель: при казавшейся жизненной беспомощности умеет весьма успешно устраивать выставки своих картин и рисунков, а кроме того, в послевоенные годы активно публикует статьи, в основном художественной и литературной направленности, в книжных изданиях и журналах, прежде всего — в парижской «Культуре». Как известно, в течение всей своей жизни он ведет удивительный, иллюстрированный собственными рисунками и акварелями, дневник.

Херинг же — наоборот, публиковал очень мало, а рисовал и того меньше. При его жизни появилось, по-моему, только три рассказа: «Следы», «Восстание на площади Зеленьяк» и «Граница», напечатанные в 1945 году в отечественных журналах, правда, через два года первый из них был перепечатан в эмиграционной антологии «Глазами писателей. Выбор военных рассказов 1939–1945» (Рим, 1947). Спустя годы все, что было им опубликовано, вышло в тоненькой книжице «Следы» (Варшава, 2011). Неслучайно в первых послевоенных письмах оба корреспондента часто и одобрительно ссылаются на образ Обломова и обломовщины, олицетворением которой станет позднее молодой друг Херинга Мирон Бялошевский. Тем не менее в качестве инспиратора и акушера (в сократовском смысле) Херинг сыграл удивительную роль в творчестве других людей. Первый том переписки подтверждает это: во-первых, Херинг формирует художественную личность своей племянницы, Людмилы Муравской, во-вторых, уговаривает Адольфа Рудницкого написать рассказы о еврейском гетто (Рудницкий пережил оккупацию благодаря документам, выставленным на имя убитого в Освенциме брата Людвига —

Леонарда Херинга), в-третьих, участвует в разработке скульптурных концепций Ханны Налковской-Биковой и, наконец, в-четвертых, участвует в создании ранней поэзии и драматургии Мирона Бялошевского. Отдельно стоит подчеркнуть последнее — в театре «Особны» литературная часть проектов поначалу публиковалась только под фамилией Бялошевского, хотя многое, начиная от идей, инсценировки и кончая исключительно важным там ритмом, генерирующим смыслы и ассоциации, было делом Херинга. Возможно, лучше всего эту роль Херинга иллюстрирует его комментарий к известной (сохранились фото- и фонографии) инсценировке «Песни для голоса и стула»^[2]. Со свойственной ему скромностью Херинг пишет: «Ты ведь знаешь, какой я ни о чем не ведающий неэрудит, но — голову на отсечение — инструменты древних сказителей, арфистов, трубадуров были, собственно, такими вот „стульями“. И существовали для того, чтобы втиснуть в русло ритма импровизированный речитатив — именно такое отношение они имели к „музыке“» (I 333). Вот те две фразы, которые перебрасывают мостик между Бялошевским и традицией мелодекламации, традицией, идущей от Гомера, через прованских трубадуров вплоть до украинских лирников. Изумляет также широта художественных интересов Людвига Херинга, круг деятельности, где он проявляет себя творчески, самостоятельно и животворно для окружения: живопись, проза, скульптура, поэзия, театр. Только музыки не хватает.

Чапский и Херинг познакомились в 1934 году на выставке капистов^[3] в Варшавском Институте пропаганды искусства (Чапский выставил там 21 свою картину), откуда вышли уже вдвоем, а спустя два года вместе поселились в домике в подваршавском Юзефове. Разлучила их война.

Письма, курсирующие между оккупированной Варшавой и лагерем для военнопленных в Старобельске, проходили через две военные цензуры — немецкую и советскую. Более поздние, что шли из Варшавы в Париж или в обратную сторону, читались, по крайней мере, в министерстве общественной безопасности. Постоянное присутствие чужих глаз заставляло друзей прятаться под маской и выступать в иных ролях. Как Словацкий в письмах к матери в Кшеменец, посылаемых из Женевы или Парижа, называл себя Зосей и озабоченно спрашивал о здоровье Кузины, т.е. Польши, так и Херинг, пишущий Чапскому, идентифицирует себя с некой Р. (он пишет: «Р. всегда мыслью и сердцем с тобой и верит, что будет с тобой навеки — тем она и живет. Будь за нее спокоен», I 358), а Чапский, высылая Херингу и его племяннице привезенную из

России книгу по живописи, надевает маску старой тетки и пишет (вскоре после смерти Сталина): «Эту книгу тетя держала у себя несколько лет, привезла она ее из далекого путешествия, так что теперь у вас будет книжка, страницы которой тетя просматривала по сто раз, а заглядывала в нее тысячу раз — и пусть эта книга передаст тебе и твоей дочурке всю нежность тети, а самому тебе — преданную любовь» (I 185).

Среди многочисленных масок и ролей, которые оба друга примеряют на себя, мне бы хотелось остановиться на двух — святого Иоанна Кассиана^[4] и старой еврейки. В письме от 28 X 1948 года — а это был ответ на письмо, в котором Херинг делился своими сомнениями относительно сотрудничества с Ханной Налковской, когда та ваяла такие скульптуры, как «Текстильщица», или отливала памятник довоенной лодзинской коммунистке Владе Бытомской, то есть речь шла о политически ангажированных произведениях — Чапский пишет: «Ты всегда хотел быть Кассианом (помнишь легенду) в чистых одеждах, кот. не касается скверна братоубийственной драк — политики^[5]. Но суть твоей позиции, твоего бунта всегда, как мне кажется, остается антирелигиозной, метафизической, ты на этом делаешь главный акцент, хотя он, хочешь ты этого или нет, именно религиозный (только навыворот). Если говорить о нынешнем господствующем направлении в Польше и л и о религии, то мне всегда казалось, что ты был ближе к коммунизму, нежели к католицизму — и при всем твоём осуждении всяческого насилия и всяческой жестокости — во имя Бога ли или во имя Маркса — тебе не могла быть чуждой борьба за людей, изгнанных из общества, голодных и униженных. Твой памятник — это как раз знак уважения для этих мучеников и преклонения перед ними, как же я могу видеть в этом что-то предосудительное» (I 111).

Определяя позицию своего друга, Чапский ставит в одном ряду слова «антирелигиозная» и «метафизическая» так, будто они синонимичны. Тем не менее, можно защитить подобный, на первый взгляд парадоксальный, подход, если уточнить смысл обоих прилагательных в двух цепочках понятий: с одной стороны, это (институциональная) религия — коммунизм (как государственное устройство) — система (как принуждение и насилие), с другой — метафизика (как духовность) — коммунизм (как идея) — сочувствие (для жертв системы).

Сравнение Херинга со святым Иоанном Кассианом возникло у Чапского в связи с одним из важнейших событий в его жизни — с визитом у Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гиппиус в их петербургской квартире в 1918 году. Воспоминания Чапского

об этой встрече были записаны на магнитофон, а расшифровка текста вошла в мемуары Марии Чапской «Иное время». В воспоминаниях читаем: когда Чапский признался, что будучи толстовцем, он не может убивать, но, с другой стороны, не может не реагировать на то, что происходит вокруг, и не знает, как примирить евангелие с насилием войны, Мережковский рассказал ему легенду о Кассиане и Николае: «Оба хотели попасть в рай в белых одеждах, а шли они по грязной дороге и встретили мужика, который вместе с телегой завяз в этой грязи и просил помочь. Кассиан прошел мимо, а Николай не выдержал, подошел к мужику, вытянул телегу и порядком перемазался. Вот в таком виде оба и дошли до неба. Святой Петр впустил их на Суд Божий, а Бог и говорит Кассиану: у тебя безукоризненно чистые одежды, и будет твой праздник раз в году, зато через каждые четыре года, в високос, 29 февраля, а ты, Николай, позабыл о своих одеждах, ты спасал ближнего, а потому твой праздник будут праздновать четыре раза^[6] в году.

— Это одна из прекраснейших золотых русских легенд, — комментирует Чапский. — Она побудила меня следовать примеру Николая, а не Кассиана^[7].

«Мережковские. Золотая легенда» — так называется эта глава воспоминаний, записанных на кассету. Сказание о Кассиане стало у Чапского одним из его «золотых гвоздей»^[8]. До войны он, наверно, пересказал его Херингу, коль скоро теперь пишет: «помнишь легенду». В 1946 году он использовал сказание в письме к Ежи Стемповскому (другому великому инспиратору из того же круга, с которым иногда сравнивают Херинга): «А помнишь легенду о святом Кассиане и святом Николае? Один шел по обочине дороги и, желая сохранить чистоту одежд, не помог мужику вытащить телегу из грязи, а святой Николай забыл о своих одеждах и помог. Ясно, что изгваздался. В память о святом Кассиане Господь Бог отвел 29 февраля, а в память о святом Николае — два или четыре дня в течение года. Пишу тебе от имени Ежи Гедройца и своего собственного, мы тут как раз те самые мужики, которые стараются вытащить телегу из грязи и которые просят тебя помочь нам»^[9].

В письме к Стемповскому присутствует большая доза юмора (мужиками здесь названы граф Чапский и князь Гедройц). Письмо Херингу точнее передает впечатление от встречи с Мережковским, который, рассказав золотую легенду, рекомендовал Чапскому чтение Розанова и Достоевского. О первом он говорил так: «Это большой противник христианства, он с ним постоянно борется, но поверьте, Христос примет его во стократ лучше, чем каждого из нас, он

отступает к кресту и видит только тень креста на земле, но все время к кресту приближается»^[10]. Влияние второго, Достоевского, чувствуется, когда Чапский в письме к Херингу говорит о людях «изгнанных из общества, голодных и униженных».

В 1889 году Владимир Соловьев издал в Париже, по-французски, книгу «La Russie et l'Église universelle» (Россия и вселенская церковь). Ее открывает глава «Русское сказание о святом Николае и святом Кассиане и его приложение к двум церквам, состоящим в разделении». Здесь русский мыслитель рассказывает эту самую золотую легенду, после чего говорит, что Западная (католическая) церковь, верная своему апостольскому призванию, действует, как святой Николай, не боясь погрузиться в грязь исторической жизни, в то время как Восточная (православная) церковь «со своим пустынно-аскетическим созерцательным мистицизмом, со своим удалением от политики и всех общественных задач, затрагивающих человечество в целом, желала, прежде всего, как и святой Кассиан, достигнутьрая без единого пятнышка грязи на своей хламиде»^[11]. Тем временем Церковь должна не только молиться, но и действовать, только таким образом православная церковь может стать соборной и универсальной. Вывод в конце главы звучит так: «Святому Кассиану нет надобности становиться другим человеком и осквернять чистоту своего незапятнанного одеяния. Ему надо только признать, что его собрат обладает некоторыми важными качествами, отсутствующими в нем самом, и вместо того, чтобы дуться на этого неутомимого труженика, следует искренне признать его своим товарищем и руководителем на том земном пути, который им обоим еще остается пройти»^[12].

Книга Соловьева была переведена на русский язык в 1911 году, то есть за несколько лет до встречи Мережковского с Чапским, и, по всей видимости, это она напомнила Мережковскому легенду, которую тот, разумеется, мог знать и раньше. Версия Соловьева проливает свет на то, как Чапский видел Херинга: ведь, отойдя от активной жизни, уйдя с первого плана, его друг вел себя, как Кассиан, но, с другой стороны, если вспомнить об униженных и оскорбленных, память которых, невзирая на последствия, Херинг защищал, он им не был.

Похоже, что фигура незапятнанного святого Кассиана стала своеобразным символом у некоторых польских писателей двадцатого века. Хорошим примером здесь будет Ярослав Ивашкевич, который упоминает этого святого, рассуждая о Чеславе Милоше (в стихотворении 1954 года «K NN»)^[13], в

дневнике от 11 апреля 1956 года (где пишет о самом себе), в письме к Константы Еленскому от 11 сентября 1963 года (безотносительно) и в дневнике от 10 февраля 1980 года, за три недели до смерти (о Юзефе Чапском).

Все эти высказывания Ивашкевича — пустяк по сравнению с другим заявлением, сделанным в конце марта 1956 года в Венеции на встрече интеллектуалов Востока и Запада, в которой участвовали французские философы Карл Барт, Морис Мерло-Понти, Жан-Поль Сартр, французский писатель Веркор, итальянский писатель и политический деятель Иньяцио Силоне, итальянский поэт Джузеппе Унгаретти, британский поэт Стивен Спендлер. В ходе одного из заседаний Ивашкевич, ссылаясь на Соловьева, пересказал легенду о святом Кассиане, используя ее в дискуссии... о советской литературе: «Обратите внимание: Господь Бог не сказал святому Кассиану, что, мол, тот перестал быть святым. Он оставил его в статусе святого, и святой Кассиан сохранил свои белые одежды, хотя и не помог мужику. Я думаю, что роль писателя состоит в том, чтобы также помогать бедному, грязному мужику. И это поняла одна лишь советская литература»^[14]. После такой путанной аргументации Ивашкевич назвал имена писателей, которые «стали святыми в советской литературе»^[15], а в качестве единственного поэта, «сохранившего чистоту одежд и пользующегося всеобщим уважением русского народа» упомянул... Бориса Пастернака. «Это, честно говоря, поэт, которого не издают уже лет 20, но когда он выходит на сцену, русская молодежь встает». К писателям, использовавшим подобные сомнительные аргументы, подключился Жан-Поль Сартр: судя по статье в польском журнале, он защищался от обвинений, что, дескать, «противопоставлял Восток Западу по тому же принципу, по которому принято противопоставлять йогов святым»^[16]. Таким образом, вывод, который делает Соловьев в конце первой главы своей книги, неожиданно получил расширение и на область культурного и политического раздела мира.

А Чапский? О себе он пишет в первых числах декабря 1952 года так: «Все еще не прочитал „Мертвого моря“, эта тема и тут тоже — тема моря. Я здесь, как старая еврейка, которая не хочет и не может забыть, и смотрит, как дети радостно всасываются в другую жизнь, но одновременно, как поверхностно они это делают. [...] Не удивляйся, если пришлю тебе один маленький романчик, „веховатый“ такой, он тут выходит в одном коммунистическом ежемесячнике — мне кажется, ты сможешь оценить его по достоинству» (I 176). Расшифруем присутствующий тут эзопов язык. Вначале

Чапский говорит о «Живом и мертвом море» — титульном рассказе изданного в 1952 году сборника старых и новых рассказов Адольфа Рудницкого. Говорит, что сборника еще не читал, поэтому не может отнестись к мнению Херинга, изложенному в письме от 14 IX 1952 года. Согласно этому мнению, «мать ассимилирующегося сына» олицетворяет такое «мертвое море», тогда как молодой архитектор, женившись на польке и участвуя в восстановлении страны, олицетворяет «живое море», хотя их диалоги, особенно «красноречивые минуты молчания» свидетельствуют «о глубоко спрятанной солидарности положительного героя с трагизмом не согласной на забвение, памятующей еврейской матери». Зато «веховатый роман» из якобы «коммунистического ежемесячника» — это, несомненно, опубликованный в октябрьском номере парижской «Культуры» микророман Чеслава Страшевича «Кафедрал бутербродов»^[17], рассказывающий о причудливых судьбах польских моряков в преступном мире ибероамериканского порта, книга, которая написана таким сочным языком, что вспоминается не только Вех, но и Пасек^[18]. В этом контексте декларация Чапского: «я здесь, как старая еврейка» подразумевает приверженность традиции, верности, постоянству. Можно распространить эту декларацию также и на эссе «Голоса молчания» о Мальро, написанное приблизительно в то же самое время и опубликованное в ноябрьской «Культуре». Сжимаясь от использования религиозных слов агностиком Мальро, Чапский противопоставляет ему других авторов и в нескольких кристально чистых фразах говорит: «Сквозь прозрачные, словно стекла, слова Святого Яна неустанно просвечивает другое Присутствие, как постоянное осознание этого Присутствия. В сухих записях Симоны Вайль мы натываемся на фразы-щелочки, через которые пробивается свет переживаемого ею Присутствия. В каждом обрывке стиха Норвида есть то же самое»^[19]. В этом перечислении чувствуется некое сужение, ограничение до обрывка или щелочки, через которые сквозит свет Присутствия.

Встречающееся в переписке Чапского и Херинга выражение «старая еврейка» имеет и другой смысл. В одном из самых странных писем Херинга, написанном в марте 1958 года, где он рассуждает на тему собственной смерти и смерти адресата, которая, возможно, наступит раньше, появляется детское воспоминание о старой сумасшедшей акушерке: та, словно император Карл V, инсценировала собственные похороны: «...заказала к себе на квартиру гроб, легла в него, велела зажечь

свечи и позвать уличных друзей, чтоб убедиться, будут ли о ней горевать. После этой проверки распорядилась отнести себя к корчме Глашмидки на углу Дикой и Повонзковской, там вышла из гроба и устроила шумные поминки» (I 326).

Рассказ об акушерке встречается только один раз. А вот две другие старые еврейки, одна — с картины Чапского, другая — из довоенного рассказа Херинга — упоминаются неоднократно.

С картиной дело довольно странное: в письме от 2/3 VII 1947 года Чапский пишет: «Чтоб нарисовать старую еврейку, я умел ее видеть уже в третьем классе. Вся моя роль сводилась к перенесению на холст осязаемых ощущений, а не к разметке с расстояния» (I 51). Но в декабре того же года, после того, как Херинг упомянул об этой картине в своем письме, он сокрушается: «Напомни мне „Мою еврейку“, я что-то не припомню такого холста!» (I 74). Херинг удивлен («Это невозможно, чтоб ты не помнил „Еврейки“» I 82), но просьбу друга исполняет: в письме, высланном 5 II 1948 года, он дает прекрасное, полное технических подробностей, описание: «Был большой серый блокнот, и ты в нем зарисовывал детали картины (разный наклон головы, в глубине мужская голова, которая была сначала головой бородатого еврея, но, в конце концов, стала головой паренька в кепке). Картина в желто-коричневатых тонах — от желтых, через золотые вплоть до рыжих и нескольких мелких сероватых пятен: руки в перчатках, оковки. Зеленоватые штрихи на шафрановом лице. Написана широкими мазками, почти плоско. [...] Ты даже пошутил, что это, мол, «Благовещение» (I 82–83).

Настолько же прелестна и история рассказа, написанного Херингом. 8 X 1947 года Чапский спрашивает: «Есть ли у тебя еще история о твоём еврее, том, который повесился и который был со старой матерью на курорте» (I 61). В декабре того же года он задает еще и такой вопрос: «Малыш, пишешь ли ты, говорят есть такие китайские художники, которые написали в своей жизни всего один холст, а потом уже ничего. Не будь таким китайским художником!»^[20] (I 75). О рассказе тут ни слова, но несомненно разговор идет о нем. 1 III 1949 года: «У меня к тебе большая просьба. Есть ли у тебя рассказик о старой еврейке и ее чокнутом сыне? Пришли мне его тогда...» (I 120). Херинг на эти просьбы отвечает скептически: «Ясно, что рассказика о чокнутом еврее у меня нет — откуда! Я перечитывал его в годы оккупации — из-за сантиментов к Блотам, но это не первоклассная литература» (I 132). Усадьба *Mon Plaisir* в подваршавских Блотах — это тоже часть совместной биографии друзей. В письме от 13 II 1952 года Херинг

вспоминает, что проходил мимо нее осенью предыдущего года, когда шел из Юзефува, где посетил дом, в котором они когда-то жили вместе, в Фаленицу — в «Фаленицу без евреев, а потому лишенную смысла» (I 169). Но он не вспоминает о примечательной истории этой усадьбы, построенной для примы-балерины Ольги Славской. В ней в ночь с 1 на 2 сентября 1939 года находился президент Польши Игнаций Мосцицкий^[21]. Во времена оккупации в усадьбе располагалась резиденция генерал-губернатора Людвиг Фишера, а после войны — министерство общественной безопасности. Херинг, пожалуй, знал всю эту историю, если написал: «Уже впотьмах пробирался вдоль ограды усадьбы в Блотах — без особого желания когда-либо войти туда и докапаться до своего дела, обросшего за многие годы чужими» (I 169).

Однако Чапский с упорством возвращается к теме. 10 IV 1952 года он пишет: «Есть ли у тебя твой рассказ о матери-еврейке с сумасшедшим сыном, помнишь, этот твой рассказ — изумительнейший из изумительных» (I 172). Спустя пять лет, 27 VII 1957 года: «[...] (есть ли у тебя еще твой рассказик о матери-еврейке с сумасшедшим сыном, об этой Пиете, который мы носили к глупому Брезе. Нашли кому показывать!!!). Знаю-знаю, твое гениальное внимание, посвященное мне, Мирону и Людке — это и есть твое творчество, но я не перестану ожидать от тебя дальнейших произведений» (I 288). А еще в письме, написанном в 1958 году: «[...]... сегодня я уже достаточно стар, чтобы знать, что тогда прав был я, а не глупый архи-архикультурный Бреза, я это увидел в твоём маленьком рассказике о матери со слабоумным сыном, который повесился — это гениальный рассказ» (I 320). Оба упоминания о Брезе свидетельствуют о том, что напрасно друзья пытались опубликовать рассказ в газете «Курьер поранный», где в 1933–1937 гг. Тадеуш Бреза возглавлял отдел культуры.

Вот, собственно, и все, что содержится в первом томе переписки Чапский — Херинг на тему старой еврейки и ее невменяемого сына, того, что повесился, рассказа, который, возможно, назывался «Пиета». Ненапечатанный, отвергнутый Брезой, текст, скорее всего, сгорел в Варшавском восстании. Однако так и хочется сопоставить эти обрывки информации с воспоминанием, помещенным в длинном письме о Мироне Бялошевском от 16 I 1959 года. Херинг пишет: «С ранних лет помню из Наленчува молоденького еврея, которого тесть силой водил на купания. Молодой талмудист не хотел спать со своей женой. Его привезли на лечение в Наленчув, и врач прописал ему купания. Купаться он тоже не хотел. Ходил в халатах,

тюбетейке, маленький, худенький, пейсатый, бородатый, хорошенький, надутый, очень гордый и очень грустный — а в кулачке сжимал камушки, которые насобирает. Водил его энергичный высокий бородач, тесть, а он в каждую минуту готов был исчезнуть в боковой дорожке или спрятаться в цветочной клумбе. А потом было слышно, как он страшно, как он отчаянно кричал в купальной кабине. А после выходил, с тестем, в этих своих полураспахнутых халатах, со свисающими тесемками и тесемочками — с прекрасными глазами, в которых еще стояли слезы — но уже счастливый и гордый, снова сжимающий в кулачке свои камушки» (I 355). Как и в рассказе «Пиета», есть в этом воспоминании курортная местность, есть молодой душевнобольной еврей. Не герой ли это той самой истории, что кончается самоубийством юноши и отчаянием матери? Кажется, этому вопросу суждено остаться без ответа. Херинг лишь только комментирует: «Таков и Мирон, разве что не хорошенький».

Рассмотренные здесь аспекты переписки — это всего лишь скромный образец глубины и содержательности, подчеркивающие отдаление и близость, неприятие и одобрение, невнимание и уважение. В переписке, пронизанной взаимной любовью.

Перевод Ольги Лободзинской

Ян Зелинский (р. 1952) — польский историк литературы, критик, переводчик и дипломат.

-
1. Józef Czapski, Ludwik Hering, Listy 1939–1982. Tom I: 4 września 1939 – 16 stycznia 1959. Posłowie [w tomie II] Adam Zagajewski. Gdańsk 2016. Изд-во «Фундация терырорья ксёнжки». «Библиотека Мнемозины» под редакцией Петра Ключовского. В дальнейшем цитаты будут сопровождаться номерами тома и страницы. Дата первого письма, представленная на титульных страницах и в издательской заметке «От издателей» (I 9) не соответствует дате, напечатанной на первой странице письма Херинга Чапскому «4 XII — 39 г.» (I 15), которая, кажется, более правдоподобной, поскольку 4 сентября Херингу не было бы куда послать письмо своему другу и брату Чапскому, кроме того, из содержания следует, что это — очередное письмо,

высланное им и Марией Чапской из оккупированной Варшавы — Примеч. автора.

2. «Песни для голоса и стула» — поэтическая мелодекламация в исполнении Мирона Бялошевского и Людмилы Муравской. Ритм поэт выстукивал на стуле, повешенном, как барабан, на шее — Примеч. пер.
3. Капизм, или колоризм — направление в живописи, расцвет которого в Польше приходился на междувоенное двадцатилетие. Для капистов самым важным в картине был цвет (а не конструкция), именно он определял настроение полотна — Примеч. пер.
4. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (ок. 360 – ок. 435 гг.) — христианский монах и богослов, видный теоретик монашеской жизни — Примеч. пер.
5. Издатели не развернули многозначного сокращения «кот.», так как в польском тексте оно могло относиться так к «одеждам», как и к «святому», благодаря чему сохранялся эффект барабанной дроби:
чисТыходеждахКоТнеКасаеТсясКвернабраТоубийственныхдр
аКполиТиКи — Примеч. авт.
6. Неточность: Николая (Николая Чудотворца) российская церковь отмечает два раза в году — Примеч. пер.
7. Maria Czapka, Czas odnaleziony, Paryż 1978, s. 101.
8. «Золотые гвозди» — это цитаты из классиков Востока и Запада Европы, которые Чапский записывал в своих дневниках и которые, как сам признавался, помогали ему выжить — Примеч. пер.
9. Неопубликованное письмо Юзефа Чапского Ежи Стемповскому от 20 IX 1946, Польский музей в Рапперсвиле (Швейцария), архив Ежи Стемповского. Благодарю Петра Мицнера за то, что обратил мое внимание на этот фрагмент — Примеч. авт.
10. Там же.
11. Vladimir Soloviev, La Russie et l'Église universelle, Paris 1889, Albert Savine, s. 3.
12. Владимир Соловьев. Россия и вселенская церковь / пер. Г. Рачинского. - М., 1911 — Примеч. пер.
13. Ярослав Ивашкевич, в сборнике «Завтра жатва»: Завидую тебе, что ты, движеньем смелым / с себя стряхнувши прах родимых берегов, / точь в точь святой Касьян, стоишь в одеждах белых, / и спорят о тебе семь рейнских городов. Перевод Игоря Белова. Jarosław Iwaszkiewicz, Jutro żniwa, Warszawa 1963 s. 7. Ср. Чеслав Милош: Czesław Miłosz, Nie

mając do nikogo szczególnej pretensji... „Apokryf” nr 9, dodatek do „Tygodnika Powszechnego” 1996, nr 26.

14. Dialog między Wschodem a Zachodem. „Dialog” 1957 nr 2, s. 143. Автором этой анонимной статьи, видимо, не был Ивашкевич, поскольку фамилия русского мыслителя написана с ошибкой: «Владимира Соловеда». — Примеч. авт.
15. Там же.
16. Там же, с. 146.
17. Чеслав Страшевич (1904–1963) назвал свою книгу «Кафедралом бутербродов», поскольку по-испански закусочная, в которой, в частности, происходит действие микроромана, называется Catedral de los sandwiches. Микророман написан на волапюке прибывших сюда польских моряков, десятикратно усиленном остроумием автора — Примеч. пер.
18. Вех — псевдоним прозаика, сатирика, публициста Стефана Вехецкого (1896–1979). «Гомер варшавской улицы». Ян Хризостом Пасек (1636–1701 или 1705) — польский шляхтич и писатель-мемуарист. Его записи полны юмора, анекдотов, крепких слов и макаронизмов (смесью польских и латинских слов). Недаром «Мемуары» Пасека считаются «эпопеей польской сармации» — Примеч. пер.
19. Józef Czapski, Głosy Milczenia. „Kultura” 1952 nr 11, s. 146. Далее представлены примеры из Рембрандта и Станислава Винценца (1888–1971), польского писателя, которому и посвящено это эссе — Примеч. авт.
20. Этот сюжет возвращается в письме с 1948 г.: «Есть такие гениальные китайцы, художники, они за всю свою жизнь написали одну, две, ну, три картины — не больше. Может, и ты такой же китаец?», I 99 — Примеч. авт.
21. Cp. Józef K. Wroniszewski, Barykada Września: Obrona Warszawy w 1939 roku, Warszawa 1984 s. 65.

Культурная хроника

Юбилей в четверть века отметила престижная премия «Паспорт „Политики”». На тожественной церемонии 9 января в Большом театре в Варшаве, транслировавшейся частным телеканалом TVN, главный редактор еженедельника «Политика» Ежи Бачинский сказал: «В течение 25 лет мы вручили нашу премию 187 деятелям искусства. «Паспорт» мог иметь разное значение, но никогда не был стимулом к эмиграции».

Обладателем «Паспорта „Политики”» за 2017 год в категории «литература» стал Марцин Виха за книгу «Вещи, которые я не выбросил», очень личное эссе о смерти матери, о ее вещах, книгах и связанных с ними воспоминаниях. «Паспорта» были присуждены в семи категориях. Наряду с Вихой, лауреатами стали: Ягода Шельц (кино) за дебютную художественную ленту «Башня. Светлый день»; Михал Борчух (театр) за два спектакля — «Все о моей матери» и «Зов Ктулху»; Норманн Лето (визуальные искусства) за фильм «Фотон»; сопрано Йоанна Фрешель (академическая музыка) за многогранность, креативность и талант; группа «Ханьба!» («Позор!») в категории «популярная музыка» за альбом «Бить буду!»; группа разработки видеоигр «Bloober Team» в категории «цифровая культура» за видеоигру «Observer», действие которой разворачивается в антиутопическом Кракове 2084 года.

В итоговом юбилейном тексте от редакции, озаглавленном «Паспорта для свободы» журналисты «Политики» написали: «Мы отмечаем сейчас 25-летие „Паспортов”, радуясь тому, чему удалось за эти годы отдать должное, мы также вспоминаем уход многолетнего руководителя отдела культуры „Политики” Здзислава Петрасика, которому принадлежит идея премии и который к процессу выявления победителей активно привлекал самые разные польские СМИ. Он полагал, что процесс отбора лауреатов заменит уходящего «центрального критика», охватывавшего всю польскую культурную жизнь. А поскольку он сам, по сути, был таким критиком, после его смерти „Паспорта” тем более необходимы. Это и доказательство таланта, и помощь на трудном художественном рынке, и наконец, символ успеха. Ведь „Паспорт” всегда означает преодоление каких-то границ,

особенно во времена, когда власть все охотнее такие границы устанавливает».

По случаю приходящейся на нынешний год сотой годовщины обретения Польшей независимости, Национальный музей в Варшаве (который возник вместе с независимым государством) подготовил специальную серию выставок. Мероприятие под названием «Трижды Независимая» включает три выставки: «Падеревский» (17 февраля — 20 мая), «Юзеф Брандт» (22 июня — 30 сентября), «Независимая 1918» (с 26 октября по 27 января 2019 года). О первой части этого своеобразного триптиха рассказала Польскому агентству печати ПАП директор музея Агнешка Моравинская:

— Первая из выставок, «Падеревский», посвящена одному из отцов независимости Игнацию Яну Падеревскому, о котором не без основания говорили, что «он выиграл независимость на фортепиано». [Этот мировой славы виртуоз-пианист в качестве премьера и министра иностранных дел польского правительства в 1919 году подписал от имени Польши Версальский договор. — Э.С.]

В 1930 году Падеревский, чья фигура стала символом независимой Польши, завещал свою коллекцию искусства, документов, мемориальных материалов — всё, имеющее художественную ценность, Национальному музею в Варшаве. Выставка показывает Игнация Яна Падеревского как пользующегося мировым признанием артиста, государственного мужа, знаменитость, коллекционера, филантропа и как частное лицо, но прежде всего — как патриота, которому Польша благодарна за независимость. Среди представленных объектов находятся, в частности, концертный рояль Падеревского, его портрет кисти одного из крупнейших мастеров академической живописи XIX века Лоуренса Альма-Тадемы, фотография королевы Виктории с автографом, триптих «Музыка» Яцека Мальчевского, папка графических листов Леона Вычулковского с автографом.

Дворец Любомирских в Люблине, находившийся в собственности Университета Марии Кюри-Складовской, был выкуплен для резиденции будущего Музея Восточных земель Давней Речи Посполитой. Об этом сообщил в конце декабря министр культуры проф. Петр Глинский. Ведомство культуры выделил дотацию на выкуп дворца (в нем сейчас размещается

факультет политологии Университета Марии Кюри-Склодовской) в размере почти 11 млн злотых. Дворец — одно из наиболее примечательных зданий в городе — расположен в самом сердце Люблина, на Литовской площади. Музей должен сохранить и популяризовать наследие поляков, проживавших среди других народов восточных земель Речи Посполитой. Это должен быть современный культурный центр — мультимедийный, интерактивный, рассказывающий об истории так, чтобы заинтересовать молодежь.

Первоначально планировалось другое название — Музей Кресов. Однако, по мнению некоторых специалистов, такое название могло испортить отношения Польши с восточными соседями. Проф. Анджей Гиль из Католического люблинского университета считает, что название «Музей Восточных земель Давней Речи Посполитой» лучше:

— Мне кажется, что это, во-первых, очень емкое, а во-вторых, безопасное название, которое нормально будет восприниматься. Такое название соответствует сути вещей, а одновременно никого не провоцирует выяснять отношения.

— Кресы — это великое наследие польской культуры, наше великое национальное достояние, и оно должно быть показано, представлено, должно стать соответствующей темой просвещения, и музей будет выполнять такие функции, — заявил министр Петр Глинский.

Музей откроется, самое позднее, через два года: с 2019 года начнется интенсивный ремонт дворца, а затем — подготовка экспозиции.

12 января, в 25-ю годовщину смерти Юзефа Чапского в Институте национальной памяти в Варшаве состоялся вечер, посвященный этой выдающейся личности — художнику, писателю, солдату, узнику Старобельска и Грязовца, а после войны — одному из создателей парижской «Культуры» Ежи Гедройца, автору книг «Старобельские воспоминания» и «На бесчеловечной земле». Во встрече приняли участие знатоки и поклонники творчества художника. Среди них проф. Рафал Хабельский, доктор Малгожата Птасинская, доктор Петр Ключовский и др. Главной темой выступлений было отношение Чапского к Польше и России. Журналист и переводчик Анджей Метковский представил фрагмент записи начала 80-х годов, где Чапский, в частности, сказал: «Когда я говорю „на бесчеловечной земле“, я всегда хочу добавить, эта

„бесчеловечная земля” — советская Россия. Что на „бесчеловечной земле” я не утратил полностью моих связей и моей дружбы с настоящими русскими, которые сегодня вместе с нами против той самой советской России». На вечере были показаны рисунки Юзефа Чапского из частных коллекций.

— Эти работы никогда не экспонировались, поскольку прямо из блокнота, из-под руки или с полки Юзефа Чапского попали к их сегодняшним владельцам и сегодня висят на стенах домов частных лиц, — объяснил А. Метковский.

Юзеф Чапский, один из виднейших польских интеллектуалов XX века, умер в Мезон-Лаффите под Парижем 12 января 1993 года.

13 января в театре им. Сефана Жеромского в Кельце прошла премьера спектакля «Тьма» по пьесе Павла Демирского, в постановке Моники Стшемпки. Спектакль, инспирированный новеллой Джозефа Конрада «Сердце тьмы», был подготовлен в сотрудничестве с варшавским Театром ІМКА. Демирский и Стшемпка, которых считают крупнейшими деятелями польского театра, — это писательно-режиссерский дуэт, известный своей неприязнью к элитам Третьей Речи Посполитой и резкими оценками Польши после трансформации общественного строя.

Новелла Конрада, мрачная история о колонизаторе XIX века, послужила канвой культового фильма «Время Апокалипсиса» Френсиса Форда Копполы. В Кельце в постановке сосуществуют два временных плана — XIX век и современный мир.

— В определенном смысле герой спектакля — это «напряженность» между XIX веком и современностью, — объяснял Демирский.

Рецензент «Газеты выборчей» Мацей Вадовский, которому спектакль, «рассказывающий о нас и окружающем нас современном мире», очень понравился, подчеркивает: «Мы здесь не увидим инсценировки „Сердца тьмы”. Мы смотрим спектакль, герой которого — мы сами, серые обыватели и винтики огромной машины западного корпоративного мира. Мы — это Марлоу, который ежедневно по утрам пробуждается, завтракает, отправляется на работу в городке Куртц. Нас подгоняют сроки, неотложные задачи или шеф — тиран и перфекционист, который приказывает сделать что-то быстро и

зачастую любой ценой. Мы становимся безымянными винтиками в машине».

На вопрос, удастся ли это изменить, спектакль дает скорее отрицательный ответ.

В варшавском кинотеатре «Иллюзион» в январе прошел «Смотр „Орлов”», то есть польских фильмов, которые шли в 2017 году на экранах и сейчас претендуют на премию Польской киноакадемии «Орлы». В программе просмотра 59 лент, среди них такие как «Искусство любви», «След зверя», «Твой Винсент», «Птицы поют в Кигали», «Самый лучший», «Тихая ночь». После сеансов проводились встречи с творческими группами. С киноманами общались, в частности, Агнешка Холланд, Мария Садовская, Агата Кулеша, Анджей Якимовский, Лукаш Пальковский, Ян Кидава-Блонский, Кася Адамик.

Как сообщает портал «Artinfo. pl», 2017 год оказался рекордным на польском рынке искусства. Было организовано 284 аукциона, то есть на 21 больше, чем в 2016 году. Оборот аукционных домов достиг 214 млн злотых, а продажа произведений искусства на аукционных торгах возросла на 28% по сравнению с предшествующим годом.

— Коллекционеры покупают всё смелее и не боятся платить больше, — говорит Рафал Камецкий, председатель правления «Artinfo. pl».

Лидером польского рынка искусства в течение многих лет остается аукционный дом «Desa Unicum», второе место занимает «Polswiss Art», на третьем месте «Agra-Art». Две самые крупные, рекордные продажи состоялись в «Desa Unicum», третья — в «Polswiss Art». Список продаж 2017 года возглавило «Материнство» Станислава Выспанского, пастель 1904 года, которая установила новый польский рекорд — 4 млн 366 тыс. злотых (вместе с комиссией). На втором месте картина «Убийством Ваповского во время коронации Генрика Вalezы» Яна Матейко 1861 года, проданная за 3 млн 683 тыс. злотых (с комиссией). На третьем месте оказалась «Ингрид» Моисея Кислинга 1932 года, которая на аукционе «Polswiss Art» была продана за 3 млн 481 тыс. злотых.

Сенсация в Кракове! Нашлась разыскиваемая в течение многих лет картина Максимилиана Герымского «Зима в маленьком городке» (1872), которая фигурировала как военная потеря в списке утраченных объектов Министерства культуры и национального наследия. Картина, обнаруженная благодаря сотрудничеству полиции Малопольского региона и ведомства культуры, была показана 8 января в галерее Национального музея в краковских Сукенницах. «Мы очень рады, что можем сегодня показать эту репрезентативную для творчества Максимилиана Герымского картину, — сказал директор музея Анджей Бетлей. — Возвращение этого произведения в Национальный музей — исполнение мечты музейщиков и кураторов прошедшей несколько лет назад большой выставки, посвященной Герымским. Исполнение мечты тех, кто неуклонно верит, что и другие произведения, все еще не обнаруженные, к нам вернутся».

Вопреки названию, на полотне изображена... Варшава, а точнее, варшавский пригород — находившаяся тогда за городской чертой улица Черняковская, где располагалась застава. Художник писал это место неоднократно: с несколькими ветхими домиками, грязью и чахлыми деревьями, сельскими повозками и группками прохожих — крестьян, евреев, солдат, деревенских женщин.

Осенью прошлого года полиция получила сигнал, что пропавшая картина находится в Кракове, в частных руках. Работа была обнаружена на территории одного из торговых рядов. Вероятнее всего, более чем 70 лет полотно было свернуто в плотный рулон, из-за чего слой краски растрескался и частично осыпался. Реставрация предстоит трудоемкая, продлится несколько месяцев, после чего «Зима в маленьком городке» займет место в залах Сукенниц.

Вавель, старинная резиденция польских королей, — это неременный объект экскурсий всех приезжающих в Краков, одна из главных достопримечательностей города. В прошлом году Королевский замок на Вавеле посетило свыше 1,4 млн туристов, на 50 тыс. больше, чем годом ранее. Рост числа посетителей связан прежде всего с иностранными туристами. Больше, чем в предыдущие годы, было, например, туристов из Италии, Испании, Франции, а также России и Украины, приезжающих в Краков в осенне-зимний период. Музеи Малопольского региона входят в число самых посещаемых в стране. В Месте Памяти и Музее Аушвиц-Биркенау побывали в

прошлом году 2,1 млн посетителей, на Соляных шахтах в Величке — 1,7 млн.

В центре Радома в январе установлен памятник Витольду Гомбровичу. Он расположен на улице Жеромского напротив скульптурной композиции в честь философа Лешека Колаковского. Памятник Гомбровичу — это фигура писателя, сидящего за шахматным столиком, а родившийся в Радоме философ сидит за столиком в кафе. Автор «Фердидурки» бывал в Радоме в 1924–1939 годах, когда навещал брата Ежи в расположенной поблизости Всоле. Сейчас в бывшей усадьбе находится музей Гомбровича.

Прощания

17 декабря 2017 года в Кракове умер поэт Лешек Александр Мочульский, известный прежде всего как автор текстов песен, исполнявшихся группой «Скальды», Мареком Грехутой, Чеславом Неменом, Гжегожем Турнау. Среди его песен — настоящие шедевры популярной культуры, такие как всем известные «Ты вся в жаворонках», «Мне всё говорит, что кто-то меня полюбил», «Хоровод», «Магия облаков». Поэтический дебют Мочульского состоялся в 1959 году в газете «Дзенник польски», позже он печатался также в «Тыгоднике повшехном». Был автором нескольких поэтических сборников, таких, например, как «Возвращение пугала», «70 видов по дороге в Венецию», «Благодарения после Святого Причастия», а также более десятка книг для детей. Ему принадлежат тексты ораторий Яна Канты Павлюскевича «Людьмерские вечерни» и «Путь, Жизнь, Любовь — Оратория о Муках и Воскресении Господа». Лешеку Александру Мочульскому было 79 лет.

1 января 2018 года в Варшаве умер проф. Збигнев Осиньский, выдающийся театровед, историк театра, исследователь творчества Ежи Гротовского, создатель и директор Института им. Ежи Гротовского во Вроцлаве. Вместе с проф. Янушем Деглером он подготовил первое в Польше собрание текстов Ежи Гротовского «Тексты 1965–1969 годов». В течение многих лет вел семинары и спецкурс по творчеству Гротовского для студентов Варшавского университета. Был также автором ряда книг и научных работ, таких как «Театр Диониса. Романтизм в современном польском театре» (1972), «„Лаборатория”

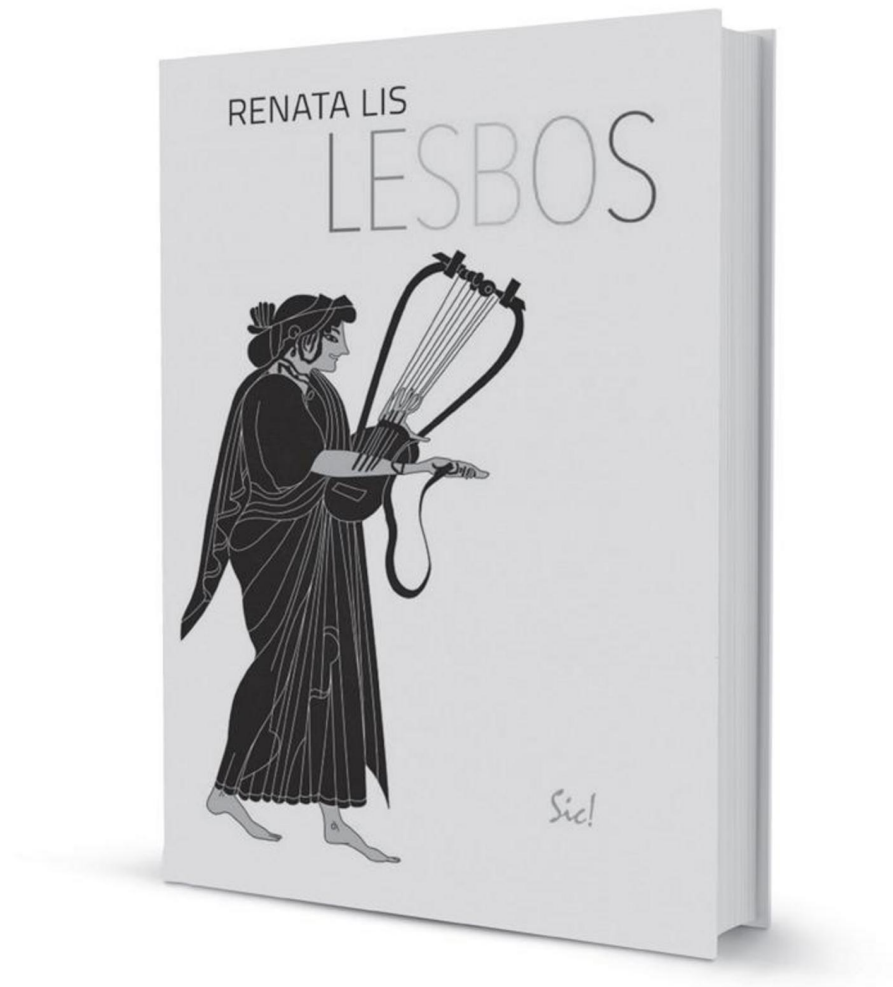
Гротовского» (1978), «Гротовский и его „Лаборатория”» (1980), «Гротовский прокладывает маршруты» (1993), «Театр „13 рядов” и театр „Лаборатория 13 рядов”» (1997); последняя из изданных им работ — монументальный труд «Польские театральные контакты с Востоком. Часть первая: Хроника. Часть вторая: Исследования» (2008). Профессор Варшавского университета, профессор Театральной академии им. Александра Зельверовича, профессор Польско-японской высшей школы компьютерных технологий в Варшаве на факультете культуры Японии, Збигнев Осиньский прожил 79 лет.

2 января в Варшаве в возрасте 51 года умер график Томаш Сарнецкий, выпускник графического факультета Варшавской академии изящных искусств, автор незабываемого плаката «Солидарности» к выборам 4 июня 1989 года «Ровно в полдень». Плакат Сарнецкого стал символом падения коммунизма в Польше. На нем изображен шериф из вестерна — Гэри Купер со значком «Солидарности», решительно движущийся навстречу зрителю, с избирательным бюллетенем в руке. В 1999 году плакат «Ровно в полдень» был представлен на выставке ста наиболее значительных плакатов XX века в лондонском Музее Виктории и Альберта.

Рената Лис

Лесбос

Главы из книги

Рената Лис, Лесбос, Wydawnictwo Sic!, Warszawa 2017.

Печенье «Huntley & Palmers»

В январе 1897 года Оскар Уайльд писал из тюрьмы Ее Величества в Рединге лорду Альфреду Дугласу:

Дорогой Бози!

После долгого и бесплодного ожидания я решил написать тебе сам, и ради тебя, и ради меня: не хочу вспоминать, что за два долгих года, проведенных в заключении, я не получил от тебя ни одной строчки, до меня не доходили ни послания, ни вести о тебе, кроме тех, что причиняли мне боль. Наша злополучная и несчастная дружба кончилась для меня гибелью и позором, но все же во мне часто пробуждается память о нашей прежней привязанности, и мне грустно даже подумать, что когда-нибудь ненависть, горечь и презрение займут в моем сердце место, принадлежавшее некогда любви^[1].

За это чувство он заплатил по преискуранту Ее Высочества Королевы двумя годами каторжных работ. Многостраничное письмо-исповедь, адресованное Бозе, суррогат Виткацевских «разговоров первостепенной важности»^[2], он писал три месяца, но где уверенность, что оно, как та стрела Зенона Элейского^[3], когда-либо дошло до адресата — начальник тюрьмы запретил его отправлять. Известно, что когда Уайльд вышел на свободу, он передал рукопись своему бывшему любовнику и журналисту Роберту Россу, а тот в 1905 году — пять лет после смерти автора — напечатал ее. Исповедь вышла тиражом в 200 экземпляров в изящной голубой обложке, но, к сожалению, в сильно искаженном виде. Росс удалил все, что касалось Бози, придав тексту не столь опасный характер философского эссе, и изменив название на *De profundis* (Из глубины) — именно так начинается 129-й Псалом. Полный текст «Тюремной исповеди» еще нескоро увидит свет: каждая новая публикация будет удлиняться за счет очередного, удаленного Россом фрагмента, и лишь в 1962 году мир уже будет готов принять целостность оригинальной версии.

Городок Рединг, где Уайльд отбывал наказание, стоит на реке Кеннет, притоке Темзы, в церемониальном графстве Беркшир в южной Англии. Известен он не только тюрьмой, но и фабрикой, выпускающей сдобное печенье. Уайльд приехал в Рединг в 1892 году — еще свободный, но уже влюбленный в молоденького лорда с необычайно грустным лицом. Приехал и посетил знаменитую местную достопримечательность — известную на весь мир кондитерскую фабрику «*Huntley & Palmers*». В то время на фабрике работало несколько тысяч человек, у нее была своя железка, соединяющаяся с Great West Railway, и она уже не имела ничего общего с открытой семидесятью годами раньше на Лондон-стрит семейной кондитерской Хантли, которая и дала начало фабрике.

А кондитерская эта началась с того, что квакеру и банкроту Джозефу Хантли пришлось ухватиться за бритву: все, что

осталось от жениного состояния, он вложил в выпечку печенья. То ли качество выпечки, то ли отличная локализация — не зря ведь кондитерская располагалась на главной улице, напротив постоянного двора, в котором останавливались проезжие — но печенье с Лондон-стрит быстро приобрело широкую известность. Клиенты объедались им на месте, сокрушаясь, что не могут взять с собой в дорогу: было очень ломким. И тогда у Хантли возникла мысль: упаковывать выпечку в специальные жестяные коробки. Их производством занялся его сын Джозеф Хантли II. Собственно, вот эти вот коробки с логотипом фирмы и росписью в викторианском духе в скором времени стали опознавательным знаком кондитерской из Рединга. Производство из центра города перенесли в расположенную неподалеку, на канале «Kennet & Avon», старую шелковую фабрику. Со временем к бизнесу подключился Джордж Палмер.

Тюрьма в Рединге исполняла свою мрачную функцию пенитенциарного учреждения вплоть до 2012 года, после чего четыре года стояла пустой — вселяя страх, как и все те жуткие места, где когда-то мучили людей или животных — пока осенью 2016 года в этот неэксплуатируемый викторианский острог не вошли на три месяца артисты. Здесь они устроили международную выставку-перформанс «Инсайд — Художники и писатели в Редингской тюрьме», выставку, которая, словно духовная дезинфекция, дезинсекция и дератизация, должна была очистить ауру этого места.

Представители визуальных искусств, писатели и перформеры из разных уголков мира с энтузиазмом объединили свои силы в память об Оскаре Уайльде, создав — каждый в своей технике и поэтике — произведения, говорящие об изоляции и лишении свободы. Их работы были свободно размещены в коридорах и открытых камерах, создавая подобие лабиринтной галереи в лофте. В постпенитенциарном пространстве нашлось место как для граффити, так и для написанных Марленой Дюма портретов Уайльда и Бози, Пьера Паоло Пазолини и его матери, а также для Жана Жёне. Другие работы приняли форму писем, которые посетители могли в тишине прочитать сами, или же, если хотели, услышать их в наушниках в интерпретации автора. Китаец Ай Вейвей обращался в письме к находящемуся под домашним арестом сыну, а Джанет Уинтерсон воплотилась в шекспировскую Гермину, пишущую своей, родившейся в тюрьме дочери Пердите, с которой ее разлучили. (Имя Пердита дала своей дочери также Хильда Дулитл^[4]).

Многие из участников выставки обратились непосредственно к письму Уайльда «De profundis». Так сделала фотограф Нана

Голдин в коротком документальном фильме об одном британце, который вел прилагал все усилия для того, чтобы его еще перед смертью официально очистили от обвинений в «тягчайшем нарушении нравственности» (за это как раз был осужден и Уайльд). Девяносто трехлетний герой на экране иронично представляется, как самый старый гей в деревне, делая намек на популярное британское сатирическое скетч-шоу «Ваша Бриташа», в котором один из персонажей называет себя «the only gay in the village»^[5]. Когда создавался документ, этот мужчина был самым старым среди жертв закона об уголовном преследовании гомосексуалов, однако, таких, как он, нереабилитированных лиц с приговорами, жило тогда в Англии еще около двадцати тысяч. Лишь в феврале 2017 года, когда вошел в жизнь закон Тьюринга о посмертном помиловании мужчин, которые когда-либо были осуждены за гомосексуальные отношения, их ситуация стала меняться. Алан Тьюринг — гениальный математик и криптолог, один из отцов информатики, человек, который при содействии польских и британских спецслужб осуществил взлом немецкой шифровальной машины «Энигма», то есть ускорил победу союзников во Второй мировой войне — в послевоенной Англии он был замучен в свете существующего права: под угрозой очутиться в тюрьме он выбрал чудовищные пытки (каким было лечение гомосексуализма) и в 1954 году — когда ему было всего лишь сорок два года — покончил жизнь самоубийством.

Пока продолжалась выставка, письмо к Бози читали каждое воскресенье громко, на весь застенки, в тюремной часовенке, разные чтецы, а среди них — Патти Смит. Пожалуй, это она, знаменитая американская «крестная мама панк-рока», в большей степени, чем остальные, ассоциируется со свободой. Она вошла в пенитенциарный дом Рединга через главный вход, с высоко поднятой головой и развевающимися волосами. (А волосы у нее были седые, словно размягченные временем лепестки белой розы). Вошла и из глубины читала письмо, а голос ее нес слова Уайльда, иплыли они в мир, точно Слово Божие. На сей раз без преград доходили не только до Бози, но также до меня и до тебя (стрела Зенона сдвинулась с места и с каждой минутой приближалась к цели):

Нет сомнения, что мое письмо, где мне придется писать о твоей и моей жизни, о прошлом и будущем, о радостях, принесших горе, и о горестях, которые, быть может, принесут отраду, — глубоко уязвит твое тщеславие. Если так, то читай и перечитывай это письмо до тех пор, пока оно окончательно не убьет в тебе это тщеславие. Если же ты найдешь в нем какие-нибудь упреки, на твой взгляд незаслуженные, то вспомни, что

надо быть благодарным за то, что есть еще провинности, в которых обвинить человека несправедливо. И если хоть одна строка вызовет у тебя слезы, плачь, как плачем мы в тюрьме, где день предназначен для слез не меньше, чем ночь.

Уложенные ровнехонько в расписные коробки, печенья «Huntley & Palmers» пускались в странствия, о которых их производителям даже не снилось — это почти как путешествующий садовый гном в Амели Жан-Пьера Жёне. К примеру, известно, что в 1910 году они вместе с капитаном Робертом Скоттом на корабле «Терра Нова» отправились покорять Антарктику. Характерную разноцветную коробку, в качестве приветственного подарка, к своему величайшему изумлению получил также сэр Френсис Янгхазбенд, когда в 1903 году, он, первый европеец, возглавлявший военную экспедицию с тремя тысячами британских солдат, вошел в Запретное королевство Тибета. В свою очередь в 1896 году (в это время Уайльд уже находился в тюрьме) два исследователя античного мира из Куинз-колледж в Оксфордском университете — Бернард Пайн Гренфелл и Артур Сёрредж Хант — взяли с собой печенье из Рединга на раскопки в Египет, где чуть раньше какой-то крестьянин во время пахоты обнаружил обрывки папируса.

Финансируемые фондом «Egypt Exploration Fund», Гренфелл и Хант начали земляные работы в ста шестидесяти километрах к юго-западу от Каира, неподалеку от городка Эль-Бахнасы на берегу древнего канала Юсуф, соединяющего Нил с оазисом Фаюм. В эллинскую эпоху городок этот назывался Оксирих, то есть «город остроносой рыбы» (одна из таких рыб якобы проглотила пенис Озириса).

«Британские исследователи, — рассказывает Маргарет Рейнольдс в книге „Путеводитель по Сафо“ (*The Sappho Companion*), — разбили лагерь на краю исхлестанной ветрами и горячим песком арабской деревни, посреди которой торчала облупленная греческая колонна. Древний город уже давно разобрали на стройматериал, от папирусов тоже не осталось следа. Но чуть дальше англичане заметили несколько невысоких холмиков, а когда присмотрелись внимательней, убедились, что холмики эти — свалка мусора еще греческих времен. Она возникла где-то в пятом веке нашей эры, но существенная часть наслоившегося в ней мусора была значительно старше — некоторые отбросы относились даже ко второму-третьему тысячелетию до Рождества Христова».

Гренфелл и Хант месяцами вгрызались в облепленный землей античный мусор, используя, разумеется, рабочую силу сотен

местных, которым за тяжелую и грязную работу платили по тридцать фунтов в неделю на всех. Благодаря невероятным усилиям через какое-то время удалось извлечь обрывки и обрывочки папируса, зачастую даже самые мельчайшие. «Они лежали там столетиями, — пишет Алиция Шастынская-Семион в книге „Муза из Митилены^[6]”, — их грызли насекомые, они распадались от времени и частично разлагались».

Британцы аккуратно складывали драгоценный мусор в плетеные корзины и после предварительной сортировки большими партиями высылали его в Оксфорд. Папирус в основном паковали в ящики, но пригодилась и жестяная банка из-под бисквитов «Huntley & Palmers», которые уже давно были съедены. Место раскрошенных старых бисквитов теперь заняли куда более старые кусочки папируса, жестяное убежище хорошо предохраняло их от дальнейшего распада и влаги. Семейка Хантли и Палмер в далеком Рединге понятия не имели, что часть археологической выработки из имеющих довольно важное значение раскопок в городе Остроносой рыбы поехала в Англию в одной из их фирменных коробок. Эта коробка сохранилась в Оксфорде, поэтому мы знаем, как выглядела — была она выпущена по случаю признания викторианской выпечке главной награды на всемирной выставке в Париже в 1878 году, красно-синий орнамент окаймлял изображение фабрики в Рединге.

Вот таким вот образом до 1907 года Гренфелл и Хант выслали в Оксфорд семьдесят ящиков и одну расписную коробку из-под бисквитов — гигантский груз с полумиллионом папирусных обрывков внутри. Это были обрывки писем, завещаний и договоров на аренду, а еще обрывки апокрифической Библии от святого Фомы, работ Фукидида и Платона и — песен Сафо. Процесс обработки археологических находок протекает очень медленно, продолжается он и сейчас.

СЕДАЯ РОЗА

*Чудится деве — она домечтает мечты твои, Сафо,
Недозвучавшие к нам песни твои допоет.*

София Парнок, «Розы Пиерии»

Или кто-то

Знаменитая квартира профессора Рышарда Пшибыльского на Варшавских Стегнах: панельный дом, пятый этаж, из лифта направо. Человек паломничал на эту Аккерманскую, как в келью Зосимы (Рысь всегда был старым) — за мудрым словом и благословением — и редко когда выходил вознагражденным: без наставления и света, без духовной поддержки. Квартира эта, ныне уже не существующая, начиналась в паре шагов от порога: не в прихожей (где Спас Нерукотворный и подвешена лампадка), а в коридоре, неряшливо выкрашенном масляной краской.

Это был самый обычный коридор в панельном доме — длинная узкая кишка, отделенная от остальной части лестничной клетки застекленными дверями на щеколду. Такую кишку встретишь во всех застроенных панельными домами микрорайонах Польши, куда бы ни поехал. В этом коридоре Рысь держал книги, которые не поместились в квартире, то есть практически бóльшую часть своей библиотеки — полки с уставленными на них вплотную книгами занимали всю стену по правой стороне кишки. И вдоль этой стены, как по нитке до клубка, человек шел в Рысину квартиру, отчасти уже находясь в ней.

Понятно, что и в квартире было полно книг, книжечек и книжонок, как оно бывает в профессорской квартире, но без преувеличений — Рысь держал печатные издания в одной из двух своих комнаток и не допускал, чтоб они расползались по другим помещениям: правил ими рукою любящей, но твердой. Он во всем придерживался умеренности, ценил стоиков — романтические страсти, не исключая либромании, сбрасывающие душу в бездну, неизменно вызывали в нем чувство жалости (по той же причине — истеричности и преувеличения — он не выносил Густава-Конрада^[7] и называл его «властителем дум поляков»). И так себе жил многие годы с книгами за порогом, пока в один прекрасный день не пришла на них смерть: домоуправление приказало жильцам освободить коридоры. Рысь принял это, как приговор судьбы — не взбунтовался, не написал обжалования: молча проглотил горечь утраты и запустил процедуру передачи книжного собрания Университетской библиотеке.

В космосе коридора неожиданно воцарился хаос, ведь все вдруг было потревожено — стеллажи покинули свои места в ровном ряду, книги в твердых и мягких переплетах попадали с полок, а над всем этим вздымались клубы пыли. Получилась — чего уж

тут скрывать — свалка. Постмодернизм. И только небольшая часть старого порядка не приняла в этом участия, только малую частицу сохранил Рысь — небольшое собрание россики, которое он решил подарить мне. «Займись Россией, и у тебя будет чудесная жизнь», — услышала я от него, когда уже выпустила книгу о Бунине в эмиграции, и мне подумалось, что этот неожиданный подарок задуман им, как практическое развитие той идеи. Свои российские сокровища он покупал в московских антиквариатах, некоторые касались белой эмиграции — вот и все, что я о них знала. Возбужденная я ожидала бог знает чего, пока, наконец, не увидела и... почувствовала разочарование.

Тридцать томов Достоевского?! Нет, ну конечно, замечательно, но сегодня это уже не те вещи, которые невозможно достать, правда... Кроме зеленых кирпичей Федора Михайловича, коллекция содержала: несколько номеров научного журнала «Russian Literature», издаваемого руссификами в Гааге; пару номеров «Oxford Slavonic Papers»; два номера «Нового журнала» — эмиграционного ежеквартального издания, выпускаемого русскими в Нью-Йорке; воспоминания Владислава Ходасевича, озаглавленные «Некрополь» (они меня больше всего заинтересовали); оттиск статьи Андрея Белого о поэзии, вышедший в Чикаго; томик стихотворений Михаила Кузьмина, еще с дореволюционной орфографией, напечатанный в 1918 году в Петербурге; подборка *серьезных* эссе разных авторов о предназначении России, опубликованная масонским ИМКА-пресс в Париже; известное эссе Розанова о Гоголе, выпущенное в Англии; оттиск эссе Сергея Соловьева о войне с Германией, а также сборники стихов: Георгия Адамовича, Георгия Иванова и нескольких других, не известных мне поэтов, все 1922 года, вышедшие в свет сразу после окончания Гражданской войны, когда некоторые в России думали, что жизнь вернется на круги своя. Ну что ж, может, когда-нибудь пригодятся, — подумала я, и положила книги на стеллаж: Достоевский занял целую полку, остальные публикации уместились этажом ниже, возле жестяной коробки из-под английского печенья.

И стояли они так год за годом — за это время Рысь успел уйти от нас — пока совсем недавно я не подошла к стеллажу, не передвинула коробку и не вынула тонюсенькую книжечку в забавной обложке. Одну из тех, которые когда-то мне ни о чем не говорили. Почему именно эту? Почему сейчас? Не знаю — наверняка в этом не было ничего осознанного. В таких случаях говорят: *что-то меня кольнуло*. Пусть так: *что-то меня кольнуло*. Или кто-то кольнул. Я с трудом прочла имя, фамилию и название: Софія Парнок, «Розы Піеріи». На обложке

еще в дореформенной орфографии три буквы «і» смущали глаз и пахивали контрреволюцией. А на титульной странице — место и дата издания: Москва–Петроград, МСМХХІІ. Внутри я нашла поэтические вариации на тему Сафо. Так я познакомилась с Софией Парнок.

СЛЕПОК ДУШИ

Июнь 1917 года. Максимилиан Волошин — сын Елены и *подруга* Марины, но прежде всего автор крымских пейзажей и поэт — пишет о стихотворных дебютах Парнок и Мандельштама в контексте их сборников «Стихотворения» и «Камень». Текст Волошина носит название «Голоса поэтов».

Голос — это самое пленительное и самое неуловимое в человеке. Голос — это внутренний слепок души.

У каждой души есть свой основной тон, а у голоса — основная интонация. Неуловимость этой интонации, невозможность ее ухватить, закрепить, описать составляют обаяние голоса.

Об этом думал умирающий Теофиль Готье, говоря, что когда человек уходит, то безвозвратнее всего погибает его голос. Недаром сам Готье так тщетно, несмотря на всю точность определений, старался пластически выявить обаяние голоса в своей поэме «Контральто».

Но Теофиль Готье все же был неправ, потому что в стихе голос поэта продолжает жить со всеми своими интонациями.

Лирика — это и есть голос. Лирика — это и есть внутренняя статуя души, возникающая в то же мгновение, когда она создается.

И мы знаем голос Теофиля Готье отнюдь не по описаниям его, а по стихам.

Смысл лирики — это голос поэта, а не то, что он говорит. Как верно для лирика имя юношеской книги Верлена — «Романсы без слов».

Это слияние стиха и голоса зазвучало непринужденно и свободно в поэзии Ахматовой, Марины Цветаевой, О. Мандельштама, Софии Парнок. В их стихах все стало голосом. Все их обаяние только в голосе. Почти все равно, какие слова будут они произносить, так хочется прислушиваться к самым звукам их голосов, настолько свежих и новых в своей

интимности. „Значенье — суета, и слово — только шум, когда фонетика — служанка Серафима”, — как говорит Мандельштам.

Рядом с этим гибким и разработанным женским контральто Софии Парнок, хорошо знающим свою силу и умеющим ею пользоваться, юношеский бас О. Мандельштама может показаться неуклюжим и отрочески ломающимся. Это и есть отчасти.

Стихи Софии Парнок дошли до меня во всей полноте, лишь когда я услышала их в исполнении Елены Фроловой — российской певицы, композитора и поэтессы, моей ровесницы. Дошли и — неизвестно когда — срослись с пением Фроловой настолько изумительно, будто иначе никогда и не существовали. Бесповоротно трансформировались в голос. Певица так идеально попала в *тон и интонацию*, что чудится, будто через нее поет сама София, а может, в этом и есть то *самое пленительное и самое неуловимое в человеке*, что уцелело из ее поэзии.

Вышедший в России в 2002 году вместе со стихами и фотографиями Парнок диск Елены Фроловой позднее не переиздавался, и купить его сейчас трудно. Называется он так же, как и стихотворение из цикла «Большая медведица» — «Ветер из Виоголосы», в котором героиня уговаривает свою седоволосую любовницу открыться любви так, как уставший от долгой зимы человек, открыв окно, подставляет лицо дуновению теплого ветерка. Таинственное слово «Виоголоса», в котором отзываются и голоса, и ветер, и трепещущие на ветру волосы, это название страны счастливой любви (наверняка разделенной с Ниной Веденеевой^[8]) из интимного словаря поэта, страны очень похожей на древнюю Грецию в представлениях модернистов — жаркой, стихийной и радостной, где не *сторонятся эроса, жители ходят босы и без чопорных одежд*, а целоваться можно там без спроса, не боясь быть отвергнутым. *Щедрая Виоголоса...* София не трактует ее со смертельной серьезностью — это скорее мечта, которой она развлекает себя и свою любовницу.

Не говоря о том, как мне дорога похвала из уст такого мастера стиха, как Вы, я бесконечно обрадована тем неподдельным человеческим дружелюбием, которое Вы проявили ко мне и которое я ценю превыше всего, — быть может потому, что мало им избалована, — написала Парнок Волошину в ответ на его статью о голосах поэтов. — Я не только польщена, но и тронута душевно Вашим поэтическим и человеческим вниманием к моей книге.

Поезда

Поскольку во время революции и гражданской войны Парнок не была ангажирована на стороне красных (на противоположной стороне — тоже нет, но разве это аргумент?!), то весной 1921 года, когда большевики окончательно захватили Судак (она вместе с Людмилой Эрарской — новой после Цветаевой влюбленности — жила там у друзей), ее, как человека неблагонадежного, упекли в тюрьму, точнее в сырой подвал. Выйдет она оттуда через несколько недель, наверняка пройдя через допросы, с туберкулезом легких.

Четыре года гражданской войны (исключительно тяжелые зимы, хронический голод, бои на улицах, частая смена самозванной власти и неуверенность в завтрашнем дне) несомненно стали причиной ее ранней смерти, так же, как и послевоенные реалии Советской России. Правда, кроме невозможности публиковаться и найти работу, непосредственных репрессий Парнок не испытала: она была жертвой «только лишь» общей атмосферы и условий жизни, в которых оказались все. Однако кровожадный зверь был рядом, и Парнок наверняка слышала его урчание: достаточно сказать, что сын Нины Веденеевой, Женя Сиротинский, прошел Лубянку, Бутырку, провел полгода на Соловках и ссылку в Удмуртию, чтобы в результате всего этого получить, наконец, разрешение поселиться вдали от Москвы — и все это случилось чуть раньше, чем Нина и Софья потеряли голову друг от друга.

Похоже, что той же весной, когда Парнок вышла из подвала ЧК в Судаче, она попала в железнодорожное крушение — дело неясное и вызывающее беспокойство. Позднее она не любила о нем рассказывать. Перед отходом поезда Парнок попросила незнакомого мужчину поменяться с ней местами. В дороге поезд сошел с рельс, мужчина погиб, а она осталась жива. Это заставило ее задуматься о своей судьбе, о которой у нее и без того сложилось нелестное мнение — но тогда она с огромной силой осознала, что, кроме ее самой, существует также и ее предназначение, и оно имеет большое влияние на ее жизнь, хотя сама она об этом ничего не знает. Что нечто, весьма важное, касающееся ее, возможно, уже давным-давно было предрешено без ее участия и вне ее сознания. В тот момент в ней отозвалась древняя гречанка.

«Как многие интеллигенты того времени, — пишет Диана Бургин^[9], — особенно склонные к славянофильству, Парнок, отрицательно относилась к железной дороге, что отразилось в

ее творчестве. Таково, к примеру стихотворение, где поезда приобретают характер апокалиптических образов, и поэт связывает железную скороговорку поездов с мучительным биением сердца, хорошо известным ей по собственным страданиям».

1922

В Москву Парнок вернулась с Эрарской в январе 1922 года на специальном санитарном поезде — единственном, на котором можно было в России без опаски путешествовать женщинам без сопровождения мужчин. Благодаря поручительству Маяковского ее приняли в Союз писателей и дали комнату в Москве, в доме на Четвертой Тверской-Ямской, то есть в самом центре района красных фонарей, что, по-видимому, было специфическим проявлением большевицкой общественной педагогики.

Сразу после приезда София стала искать помощи для оставшихся в Крыму голодающих друзей, организуя для них сбор денег, она даже единственный раз в жизни написала стихи на заказ. Эти усилия прервала болезнь, которая «съела» ей весь февраль, но как только Парнок немного выздоровела, она с удвоенной энергией продолжила дело и вскоре добилась своего: для многих находящихся в Крыму выхлопотала разрешение приехать в Москву таким же санитарным поездом, каким когда-то приехала сама, а многим оставшимся организовала продовольственные посылки вместо необеспеченных товарами карточек. Одним словом, сделала все возможное и невозможное и лишь потом — весной и летом — занялась подготовкой к печати двух своих сборников, одним из них был — «Розы Пиерии». В это же время она пишет статью «Дни российской лирики», посвященную стихам Ахматовой, Ходасевича, Сологуба и Брюсова, которая была напечатана во втором выпуске альманаха «Шиповник». Статья в основном касалась отношений человека с Богом и религиозного значения революции. В том же духе были выдержаны и отдельные опубликованные в журналах в этот период стихотворения Парнок — некоторые из них имели отношение к эротикорелигиозной поэтике, которая часто встречалась у мистиков.

В это же время — ранней весной 1922 года — в другой части света другая молодая поэтесса путешествовала по Греции, медленно плывя на паруснике вдоль берега от одного острова к другому в обществе двух женщин — своей матери, Хеллен Уолл,

и своей любовницы, английской писательницы Брайер. 19 марта Хильда Дулитл — разговор идет о ней — вместе со своими подругами приблизилась к юго-восточному побережью Лесбоса. Парусник причалил в порту Митилена, по плану они собирались провести на острове целую неделю, но этому не суждено было сбыться — от самой мысли, что ее нога коснется земли, по которой некогда ступала Сафо, Хильда пережила настолько сильное потрясение, что еще в тот же день вечером женщины вынуждены были продолжить плавание.

Пятилетка в поцелуе

В коммуналку на Никитском бульваре в доме 12а, что на Арбате, Парнок вселилась в 1928 году вместе с тогдашней своей партнеркой Ольгой Цубербиллер. Фамилию Ольги сегодня в России знают все студенты математики, для которых она — автор учебного пособия по аналитической геометрии, оно уже имело более тридцати переизданий. Цубербиллер переживет Софию на сорок лет, а Нину на двадцать. Она, профессор Московского университета, уйдет из жизни в 1975 году в возрасте девяноста лет.

В коммунальной квартире они занимали одну комнату — узкую, длинную и темную. В квартире общие кухня и ванная. За каждой стеной чужие глаза и уши. София все больше погружается в болезнь, а Ольга — ее *опора в самые страшные годы* — заботливо ухаживает за ней. Комната эта — последний адрес Парнок в Москве. Это из ее окон она наблюдала, как из трамвая выходит седая Нина — *вся любимая*: стройная и хрупкая, как *газела*, необычайно утонченная и элегантная, с умным и серьезным взглядом и классической стрижкой до мочек ушей. Полная нежного очарования европейская интеллигентка. Было ей тогда пятьдесят. Сблизились они благодаря Ольге, которая в январе 1932-го работала вместе с Веденеевой. Нина будет заглядывать к Софии ежедневно, хотя о какой-либо интимности в коммуналке, естественно, речи быть не могло, к тому же, обе понимают, что с этим своим чувством, случившимся в позднем возрасте, они выглядят смешно (об этом говорит полное горечи стихотворение Софии «Самой себе»). Их пространство свободы — стихи Парнок, только там обе могут жить и дышать полной грудью. Как же это здорово, что в таких коммуналках могла проклюнуться спонтанная контрреволюция!

Нина в это время работает в нескольких институтах в Замоскворечьи — вся ее профессиональная жизнь умещалась в

квадрате трех переулков (Большого Толмачевского, Старомонетного и Пыжевского) и одной улицы — Большой Ордынки, которая замыкала фигуру с восточной стороны. Живет она (со своей многолетней подругой Евгенией Авраменко, с ней она очень сроднилась) в Кропоткинском переулке — почти на полпути между работой и комнатой Софии и Ольги.

Взаимное притяжение было настолько всесильно, что эти две уже немолодые женщины отказываются от каких-либо правил приличия, — рассказывает особа из их круга. — Это было так, будто встретились двое людей, у которых очень много общего. Отсюда и взаимное обожание, и восхищение, и эта обоюдная страсть. Они отходили в самый дальний угол, разговаривали о чем-то вполголоса, будто им всегда было что сказать друг другу, и забывали о присутствующих.

Кажется, Веденеева притягивала Софию также и иной экзистенциальной температурой — в стихах Парнок использует интригующие символы холода: называет Нину седой подругой с прядками мороза в волосах; орлицей с ледников Кавказа (Веденеева родилась в Тифлисе), — где и зной и зима, и несет она сладчайшую заразу, — не больна сама. Стихи Парнок, посвященные Веденеевой, это, по словам Дианы Бургин, — всепоглощающий симбиоз жизни, любви и поэзии, будто вся жизнь поэта в каком-то смысле была подготовкой к этому творческому акту, структура которого может быть приравнена к грандиозной симфонии Малера в четырех частях.

*Пускай спешит неопытный юнец, —
Люблю я пятилетку в поцелуе!*

Это не был единственный случай, когда Парнок — поэт, приговоренный к небытию, которая иногда чувствовала себя так, будто ее действительно сослали куда-то за Полярный Круг — выкрадывала у великого знатока русского языка слова из его филологической кладовой (ведь язык в Советском Союзе был собственностью государства, а, значит, партии, а, значит, — собственностью Сталина). Эти сметанные из обрывков раздерганных выражений слова-франкенштейны она иногда издевательски вплетала в свои любовные песенки, обнажая, таким образом, противочеловеческую пустоту новояза, бросая вызов системе.

Чашка

Как можно вычитать из писем и стихов, весной и летом 1932 года на даче у Веденеевой в подмосковном Кашине София и Нина преодолели в себе что-то, что их до сих пор сдерживало (особенно Нину), и произошло что-то, что на какое-то время поставит их в затруднительное положение (или, скорее всего, только в ощущении Нины). Будто зашли они слишком далеко (может, так считает только Нина), перешли некую черту, совершили недопустимое. В одном из стихов Парнок пишет, что Нина в Кашине *оттаяла*. Так что же произошло? Можно только догадываться, но скорее всего — так считает и Диана Бургин — они просто занимались любовью. Для наделенной необузданным темпераментом Софии это оказалось вселенским потрясением, которое в ее угасающей жизни открыло новую эпоху и помогло выдержать месяцы вынужденного воздержания: *Я пою и плачу,/ плачу и пою,/ Плачу, что утрачу/ Розу мою*, — напишет она в стихотворении о седой розе, и это не будут пустые слова. Как она вспоминает в одном из писем к Нине, в тот памятный день на даче она очнулась от любовного помрачения у стоп любимой.

Не столько на память, сколько на знак вечно живого соприсутствия в том, что между ними произошло, София позволяет себе взять нечто хрупкое, что принадлежало Нине, точнее самой хрупкость — ее и свою: *Чашечку голубую тоже не возвращаю — пусть погостит еще у меня: это единственная реальность, убеждающая меня в том, что поездка моя была не сон, и что я действительно была в Кашине*, — написала она в записочке, которую оставила для Нины у нее дома вскоре после возвращения в Москву. Чашка. Голубая. А ведь:

Если уж фарфор, то только такой,
[10]

А эту жаль. Кажется, она не пережила ни гусениц, ни ног.

Зато записочка сохранилась.

-

Тень

Записочка Софии, где она пишет о голубой чашке, ее письма Нине, а также посвященные ей стихотворные циклы *Большая медведица* и *Ненужное добро* сохранились только потому, что сначала их берегла сама Веденеева, а потом ее сын Женя — тот спустя годы отдал материнский архив специалисту по творчеству Парнок — Софье Поляковой и тем самым сохранил его на века. Какой впечатляющий и наводящий на

размышления жест! Спрошу напрямик: думала ли Парнок, что когда-нибудь может с Ниной создать семью? Думала ли в этом контексте о нинином сыне? Эти вопросы только на первый взгляд такие анахроничные — если отбросить предубеждения и иррациональную привязанность к идее линейного развития, то я не нахожу причин, чтобы не задавать этих вопросов и той эпохе. Понятно, что такая мысль вряд ли могла прийти в голову обычному человеку, и она наверняка не приходила, но Софии, с юных лет привыкшей жить не так, как другие, никому неизвестным способом, которому она училась походя, сама себе протаптывая тропинки?! Ей, такой храброй и верной себе и в жизни, и в поэзии?! Невозможно?! Если Цветаева хотела иметь с ней ребенка... Нет, не думаю, чтобы эти вопросы были не на месте, хотя сама на них ответить не могу. Вполне возможно, что она думала о семье, отчетливо или мглисто, наверняка могла об этом думать. Она — да! Но сохранилось слишком мало свидетельств, чтобы утверждать что-либо на сей счет со всей уверенностью.

О Жене — и о брате Веденеевой — София вспоминает в одном из августовских писем к Нине 1932 года. Оба мужчины жили тогда в Днепропетровске. Борис Веденеев — известный энергетик и гидротехник, член Академии Наук, который в начале XX века проектировал порты в Мурманске и на Дальнем Востоке, теперь был одним из руководителей Днепростроя, а Женя, после отсидки и вынужденного проживания в Твери, тоже работал в качестве инженера на строительстве Днепровской гидроэлектростанции, под протекцией дяди — чему невероятно радовалась Нина, она их там навещала. София вспоминает о них в письме так, будто через Нину пытается установить с ними хоть какую-то связь, хотя бы из вежливости. Невидимый поэт не собирался быть невидимой любовницей, даже если сама София о своем желании не все до конца понимала. В семейном контексте ее слова о выходе из тени, а также оговорка *если это не глупо*, приобретают более глубокий смысл:

Милая! Знаю, что тебе хорошо, и радуюсь этому, — писала она Нине. — Ты, пожалуйста, пойми, что это так. А если полная моя, бескорыстная радость иногда осложняется грустью, то этим нисколько не аннулируется. Ты всегда знай, что мне дорого то, что — твое и что дает тебе счастье. И если я в те минуты, когда ты со своими, не хочу и не могу выходить из тени, то это совсем не потому, что я эгоистична и себялюбива. Одним словом, несмотря на все мои кипения, я в глубине — таки прозрачна, и я твой друг Вильгельмина. Я не знаю, как ты относишься к слову поэта, но, очевидно, считаешь его легковесней, чем человеческое слово, если

ждешь от меня всяких непостоянств. Я знаю, какая ты, и знаю, что ты прекрасна, но я болею тобой и не всегда могу быть приятна и понятна тебе, как и ты мне, *п<отому> ч<то> ты* иногда для меня источник большой боли, как и я для тебя. Но все хорошо и все будет хорошо, *п<отому> ч<то> главное есть*.

Твоему Жене передай привет и помни, что я тебе о нем сказала. Твоему брату, если это не глупо, тоже.

Нежно тебя люблю, нежно тебя целую и жду.

Твоя С.

Пермь

Летом 1932 года Ольга Цубербиллер забирает ее в путешествие в Пермь. Она заботится о здоровье Парнок, но, одновременно, пытается удержать вдалеке от Нины. Та позднее упрекнет ее в том, что путешествие ускорило смерть подруги. Плывя по Волге и Каме, София испытывает страшные муки — почта в стране большевиков работает плохо, долгожданные письма от Веденеевой теряются по дороге, а ведь после того, что произошло в Кашине, у обеих есть что друг другу сказать. Лишь в Перми она получает два из них, и именно оттуда — из стоящих в пыльной дымке и палящей жаре предгорий Урала — она напишет Нине ответ:

Мой дорогой, мой обожаемый друг!

Есть вещи, за которые не благодарят, но именно благодарность переполняет меня, когда я вновь и вновь перечитываю эти письма. Они такие ласковые и такие твои. Так ты не знаешь, поняла ли я, или нет, что ты не «не добрая»^[11]. Если бы я не поняла этого, не было бы всего, что было. Я вообще думаю, что и ты, и я понимаем друг друга, — только нам надо побольше быть вместе. Я не люблю разлуку, а особенно тогда, когда она предшествует слишком кратким встречам и все новым и новым хотя бы маленьким разлукам.

Да, Вильгельмина, к тебе я как-то суеверно-жадна, и ты не должна ни сердиться на меня за это, ни тяготиться этим. Ты бы хотела видеть меня более спокойной? Не хоти. Успеем еще успокоиться! Теперь, когда я знаю, что ты здорова, что ты думаешь обо мне и как думаешь, все в мире в порядке. Даже Пермь, хуже которой я не знаю города, стала совсем милой.

Renata Lis, Lesbos, Wydawnictwo Sic!, Warszawa 2017.

1. Исповедь Оскара Уайльда цитируется по: Оскар Уайльд. Тюремная исповедь, пер. Р. Райт-Ковалева, М. Ковалева. // Оскар Уайльд. Избранное. – Свердловск, Изд-во Уральского ун-та, 1990 — Здесь и далее примеч. перев.
2. «Разговоры первостепенной важности» (о смысле жизни, об искусствах и потребностях человека, проникнутые сильным стремлением насытить душу метафизикой) пытается вести герой юношеского романа Виткация «622 падения Бунга» с оперной красавицей, в которую безумно влюблен. Но темы эти ее совсем не интересуют.
3. «Летящая стрела» — парадоксальный афоризм Зенона из Элея (V в. до н.э.) — звучит так: «Летящая стрела неподвижна, так как в каждый момент времени она покоится, а поскольку она покоится в каждый момент времени, то она покоится всегда».
4. Хильда Дулитл (1886 – 1961) — американская поэтесса, родоначальница имажизма.
5. Единственный гей на деревне (англ.).
6. Митилена (Митилини) — самый крупный город на острове Лесбос.
7. Романтический персонаж драмы Адама Мицкевича «Дзяды».
8. Нина Евгеньевна Веденеева (1882–1955) — крупный ученый-физик.
9. Диана Льюис Бургин (р. 1943) — американская переводчица, литературовед и поэт, автор монографии «София Парнок. Жизнь и творчество русской Сафо».
10. *Чтоб не жаль под носильщика ногой или гусеницей танка...
Из сборника Станислава Баранчака «Триптих из бетона,
усталости и снега».*
11. «Ведь ты не добрая, не злая,/ Ведь ты, как сухостой, суха, – /
Зачем несу тебе, не знаю, / Я семизвездие стиха». Из цикла
«Большая медведица».

Стихотворения

Вечерняя зарисовка

Музыка «Битлз» застынет между твоими бедрами.
Ты станешь вдруг холодна, как пустая молельня. Потом он
выйдет
на балкон. Продырявит сигаретой черную карту города.
Ты быстро проглотишь таблетку, которая раскроется в тебе,
словно зонт. За стеной на полную громкость будет прощаться с
жизнью сосед.
Темнота усядется на твоей груди и станет записывать.

Погрузив лицо в ее лоно, я вспомнил,
как телеведущий говорил вчера о «расколе
в лоне коалиции». Я кусал ее ягодицы, мял в губах
мятные конфеты, приклеенные к ее соскам.
Потом, ясное дело, был в ней — это как
«был нынче в магазине»
или «меня не было дома»,
был или не был, какая разница;
тянуть лямку, пока не случится чудо, не грянет
гром с ясного неба, кирпич не сорвется с карниза,
либо не выяснится, что схалтурил верховный архиархитектор:
запорол, как деталь, мое сердце, чего-то там не рассчитал,
не закрывается левый сердечный клапан,
я умру очень скоро. И, должно быть, этого не замечу.

Как если бы нас не было
Я проснулся, крепко проспав шесть часов,
на середине прервав надгробное слово ночи.
Снились мне дети, и проснулся я в том же примерно
состоянии, в котором однажды написал стихотворение
«Слишком пьяный, чтобы попрощаться с Элизой».
Я проснулся и полил апельсиновым соком выросший во мне за
ночь
сухой, колючий цветок похмелья.
Наконец-то один.
Память всё еще переливается знакомыми лицами и
незнакомыми

марками алкоголя. Как страшно быть одному. Слишком поздно, чтобы звонить кому-либо, можно уже только любить, любить. Терпеливо и осторожно, не нарушая хрупкого равновесия тоски и согласия на нее. Картонная упаковка, сделанная в Голландии, тревожно пахнет квартирой пани Малибу^[1]. То, что я без обиняков называю ЭТИМ, таинственно шевелится у меня внутри. На столе лежит письмо от Павки Марцинкевича^[2] с газетной вырезкой, фрагментом одного из тысячи писем, ежедневно отправляющихся в свое путешествие в редакции разных газет, словно пилигримы в святые места: «У меня есть брат, который, как и я, страдает атрофией мышц. Мы оба не можем ходить, у нас нет друзей, нас почти никто не навещает, нами почти никто не интересуется. Мы часто чувствуем себя изолированными от общества. Мы ни в чем не участвуем, как если бы нас не было...».

Глядя на это письмо, на листок с номерами телефонов восьми разновидностей «скорой помощи», от медицинской до аварийной, на ближайшую жизненную перспективу, я вижу сердце этого мира, шар, накачанный кровью, опускающийся всей своей тяжестью на острие ножа. Мы не знаем, куда ведет единственная Дорога, по которой можно сбежать отсюда. Мы умеем ходить, у нас есть Друзья, нас то и дело кто-то навещает, мы не знаем, какова наша роль. ЭТО ведет нас такими путями, о которых мы даже не слышали. Павка написал однажды, что единственное доказательство присутствия ЭТОГО — радость, которую мы испытываем, думая, что ЭТО существует. Хотел бы я рассказать ему сейчас о безумной скорости своей безнадежной погони за собственным существованием, которая, к счастью, окончилась неудачей. О женщинах, которые не оглядывались на меня на улицах. Как если бы меня не было. О пылающей фасоли. О кастрюле, полной прекрасных тугих зерен

фасоли, которую я спяну оставил на плите и уснул,
а через четыре часа четверо мужчин,
увидев дым, валивший из окон, пытались высадить дверь,
а я спал, как если бы меня не было, а когда наконец открыл
глаза,
кастрюля с фасолью пылала, словно олимпийский огонь, и еще
долго
мои волосы были полны дыма, как у пророка. О печали, такой
безмерной,
что иногда она убивала саму себя, и я ничего не чувствовал,
как если бы меня не было. О том, что я существую, существую,
что это можно проверить: если зазвонит телефон, я сниму
трубку,
если шагну навстречу мчащемуся автомобилю, водитель
начнет сигналить,
если бросить в меня камень, он не пролетит сквозь меня.
За окном — огни самолета, что идет на посадку,
набивая небо тяжелым дыханием реактивных двигателей.
Через три часа рассвет откроет незрячие глаза города.
Ласковый ветер гуляет по улицам, легко касаясь деревьев.
Время, вместо того, чтоб идти, р а з ы г р ы в а е т с я,
словно драма. Мы так беспомощны, нас забросали вопросами
с зажигательной смесью, нас постоянно сводит с ума Любовь,
после которой не остается даже следа того, как мы заметаем
следы.
Следа, ведущего через ландшафты, что немедленно
захлопываются
за нашими спинами,
как если бы нас вовсе не было.

Ополе^[3]. Июньская эклога

В пивных плавниках машут стаи людей счастливых.
У самых дверей сортира белый рассыпан рис.
Уже продают молодые бобы по изумительным ценам.
В общественных околоплодных водах плавают пешеходы.
И всё это так же сомнительно, как шепот в оранжерее.

Девушка в мини-юбке, хвост прищемив голубке,
мчится из светлой дали, лихо крутя педали,
смотрит на инвалида, который глядит ей в спину,
тот что-то мычит и вдруг захлебывается словами.
Над банком зависли призраки невыплаченных кредитов.

Тугие рулетки долларов пущены по рукам.
Щелкает выкидуха, и вмиг болтуны смолкают.

Дети играют в футбол черепами отцов.
Горизонт завален, лгут друг другу пейзажи.
Выщипывают девчонок автобусы с остановок.

Под сенью акаций в цвету, словно небритые дамы,
бродяги лежат, заливая глаза медом одеколона.
Кто-то пытается горевать, поскольку за это платят,
а в коридорах мэрии от взяток густеет воздух.
Уборщица подметает рассыпанный рис — готово.

Автостоп

Анне Мари

Шел дождь, и водитель маршрутки подбирал по дороге
всех желающих. Не помню, как называлась деревня, где он
забрал
ту старушку. На голове у нее был черный платок в цветочек,
на ногах — черные чулки и мужские полуботинки.
Перед тем, как мы тронулись, она дважды перекрестилась.
Уж и не знаю, что меня в ней зацепило. Возможно, улыбка.
Когда она улыбалась, легко было представить себе, как она
выглядела
в молодости. Наверняка была красивой.
Наверняка ее кто-то очень любил.
Может быть, они часто были в разлуке, и тогда он страшно по
ней тосковал.
Может, писал ей письма, экономя из-за них на еде.
Какой это мог быть год? 40-й, 43-й?
Ведь шла война. Возможно, как раз заканчивалась,
и он возвращался к любимой своей «танкостопом», боясь, что
она стала другой.
Что она это заметит. Он привык на войне
к массовому производству вдов. И всё теперь стало другим.
Только их Любовь не изменилась за все эти годы.
Только это.

А этого достаточно.
И еще нужна Сила, в которой заключено доверие.
Вот это вот «он вернется, обязательно вернется».
Старушка смотрела на часы и радовалась, что успевает
на мессу святыню в городке, к которому мы подъезжали.

Штиль на море

Дома пусто и холодно. Я обошел все комнаты.
Солнца считай, что нет, хотя кошки греются на подоконниках.
Я думаю о прошлом и о том, что еще может случиться.
Как хрупко всё это — стены с цветочными горшками, хлипкие
дверные проемы,
невесомые фрамуги. Достаточно одной авиабомбы, а потом
только ждать,
когда за дело возьмутся бурьян, стаи бездомных котов, убойная
мощь небытия

под названием «действие
времени».
Лишнюю ступеньку на выходе из подвала я соорудил, разведя
цемент с песком

почти один к
одному.

А тут как раз явился эмиссар муниципалитета по делам
канализации и водопровода.
Осмотрел место в подвале, где «будет сделана врезка». Я уже
хотел ему сказать,
мол, знаете, во мне сегодня столько нигилизма, наверное,
случится война,
а не война, так коррозия почвы, я передумал, и водопровод
нам теперь ни к
чему...

Но оказалось, что задаток нужно платить не сейчас, а через
неделю,
ладно, придумаем
что-нибудь.

За горами грязной посуды, за морями мелочных дрызг, за
лесами цифири
мы живем, словно в сказке. И я думаю о тысяче и одном
приключении,
что не обломятся нам
во веки веков.

Как же не хочется мне покидать этот тихий оазис рутины. «Но
вслушайся,
душа, в напевы
моряков!»^[4].

Словно американский актер

он стоит в подворотне пережидая дождь

равнодушно глядит на женщин под цветастыми зонтиками

украдкой вынимает что-то из кармана и подносит к губам
судя по тому как он деловито жуёт легко понять
что это кусок черствого хлеба

невывисавшийся и печальный он сплевывает на наш тротуар
убить его не грех да и труд невеликий
но если кто-то и кормит грязных городских голубей
необходимых нам на наших мирных демонстрациях
то как раз такие как он

Перевод Игоря Белова

1. Пани Малибу — персонаж, периодически встречающийся в текстах Подсядло и явно состоящий в близких отношениях с лирическим героем — Примеч. пер.
2. Павел Марцинкевич (р.1969) — польский поэт, переводчик, литературный критик, эссеист. Адресат нескольких стихотворений Подсядло. — Примеч. пер.
3. Город в Польше на реке Одре, столица Опольского воеводства. — Примеч. пер.
4. Заключительная строка стихотворения Стефана Малларме «Ветер с моря» (пер. с фр. Романа Дубровкина)

Польский битник

Яцек Подсядло (фото: East News)

Современную польскую поэзию невозможно представить без Яцека Подсядло, и дело даже не в том, что среди любителей словесности это имя стало культовым чуть ли не четверть века тому назад. И даже не в том, что поэт постоянно меняется, совершенствуя свой авторский голос, время от времени уходя «под радар», исчезая из поля зрения читателей и критиков, чтобы вернуться с абсолютно новой поэтикой. Просто Подсядло такой один — и его исключительность оплачена не только стихами, но и жизнью.

Родившийся в 1964 году, Яцек Подсядло по праву слывет одним из самых непредсказуемых персонажей польского литературного мира. Его независимость и эксцентричность многими ошибочно принимаются за литературную стратегию. Легче всего сказать, что Подсядло и в творчестве, и в жизни успешно эксплуатирует романтический образ поэта-бродяги, ориентируясь на американских битников и хиппи, а в польской культуре — на Эдварда Стахуру. По сути, так оно и есть, вот только этот привлекательный образ — отнюдь не литературная маска, а подлинное лицо поэта.

Дебютный сборник Подсядло «Идеальное несчастье» вышел в 1987 году, еще в ПНР, и был слегка обкромсан цензурой.

Возможно, стойкая антипатия к любому начальству зародилась у поэта еще тогда. Жизнь Подсядло можно с уверенностью назвать «повестью о настоящем человеке» — в юности поэт работал на заводе, потом на стройке, а когда ему все это надоело, бросил работу и целых пять лет бродяжничал. Литературный успех пришел к нему, когда у Подсядло даже не было постоянного адреса. Поработал поэт и в журналистике, вел передачу на «Польском радио» в Ополе, писал довольно едкие фельетоны для газеты «Тыгодник повшехны», с которой был вынужден в итоге расстаться из-за нежелания идти на компромиссы с редакцией. Его опыт и настроения тех лет очень точно отражены в его стихах:

Еще придет за нами ангел с воздушной трубой.
Сделает так, что в один прекрасный день нас попрут с работы.
Отберут наши квартиры.
Уйдут от нас жены.
Будут твориться страшные вещи.
И мы снова станем свободными.

За эти годы у Подсядло вышли книги «Аритмия» (1993), «Собрание стихотворений» (1998, 2003), «И я побежал в эту мглу» (2001), «Сквозь сон» (2014) и многие другие, поэт стал лауреатом престижнейших литературных премий, в частности, премии фонда Костельских (1998), премии Чеслава Милоша (2000), премии «Силезиус» (2015, 2017) и премии Виславы Шимборской (2015). Однако автору и его лирическому герою удалось не предать идеалы своей анархистской юности (еще в студенчестве Подсядло, которого невозможно не заметить в толпе из-за его шевелюры, заплетенной в растафарианские дреды, сотрудничал с пацифистским и экологическим движением «Свобода и мир») — государство и его институты, массовые спектакли и общественные ритуалы по-прежнему вызывают у поэта лютую ненависть. Оказавшись в прошлом году в финале литературной премии «Нике» со сборником «Волос Брегета» (отмеченным вроцлавской поэтической премией «Силезиус» за лучшую книгу года), Подсядло на церемонию вручения не явился, и диплом финалиста за него получал его близкий приятель, профессор Павел Прухняк. Да и в своих стихах поэт часто декларирует анархистские и пацифистские взгляды.

Стихи Подсядло — это жесткая и часто парадоксальная лирика о любви и свободе. Эмоции в них то бьют через край, то

утихают, погружая читателя в медитативное состояние, метафоры оригинальны и изобретательны, а благодаря характерному узнаваемому ритму большинство стихотворений читается на одном дыхании. Тематический диапазон бунтаря и нонконформиста Подсядло широк — от эротики до политики (и обратно). Важные мотивы его творчества — Любовь и Дорога (именно так — с прописной буквы), и это роднит его с поэзией американских битников, в первую очередь, Аллена Гинзберга (так же как образ жизни Подсядло вызывает прямые ассоциации с Нилом Кэссиди, героем культового битнического романа Джека Керуака «На дороге»). Некоторые критики отмечали в его стихах влияние и барочной поэзии, и польской Новой волны (особенно Станислава Баранчака), и поэтов нью-йоркской школы, в частности, Фрэнка О'Хары — последнее было довольно характерно для поколения нынешних живых классиков польской поэзии, объединившихся в начале 90-х годов прошлого века вокруг журнала «бруЛион» («чернОвик»), а Подсядло как раз был одним из них. Но уже к началу «нулевых» стало ясно, что все эти влияния поэт, как и положено крупному художнику, перерос.

Петр Сливиньский справедливо заметил, что поэзия для Подсядло — это разновидность партизанской борьбы против культуры, которая соблазняет писателя мгновенной славой, а затем унижает равнодушием. Противопоставление поэзии и культуры здесь очень важно, поскольку для таких поэтов, как Яцек Подсядло современная культура — это в значительной степени культура потребления, с которой они не хотят иметь ничего общего, в первую очередь из-за ее тотальной неискренности. Стихи же Подсядло составляют очень искренний лирический дневник, и тональность у этого дневника весьма исповедальная, сумеречная, почти ночная (как тут не вспомнить Герлинга-Грудзинского с его «Дневником, написанным ночью»?).

Но самое главное в поэзии Подсядло — это отвага предельно индивидуального высказывания. Иосиф Бродский не случайно замечал, что поэзия учит нас частности человеческого существования — иными словами, превращает человека из послушного винтика исторической необходимости в личность с «лица необщим выраженьем». Собственно, смысл человеческой жизни в том и состоит, чтобы стать самим собой, состояться как неповторимая индивидуальность — и поэзия нам в этом первая помощница. Так что не будет большой натяжкой сказать, что благодаря Яцеку Подсядло в Польше по-прежнему читают стихи, и читают захлеб. Ибо он

ненавязчиво, почти уже на невербальном уровне (как это удается, наверное, только старым джазменам) учит читателя быть свободным, быть собой. Подсядло смог вывести польскую поэзию из некоторого оцепенения, в которую ее погрузили талант и харизма Милоша и Шимборской. И хотя он действительно аутсайдер, каких мало, все-таки прав Петр Кемпинский, однажды заметивший: «Подсядло искал свое место на обочине польской литературы. И нашел его — но не на обочине, а в первых рядах».

Познань, путешествие в будущее

Познанцы сочетают в себе прагматизм с визионерством, которое последовательно воплощают в действие. У Познани, однако, нет великой легенды, что является невероятно раскрепощающим фактором и способствует направлению гражданской активности в сторону будущего, организации хорошей, удобной жизни.

Когда ты посещаешь родной город после многих лет отсутствия, то, скорее всего, отправляешься в знакомые тебе места. Улицы, связанные с детством, здания и площади, которые были всегда, притягивают подобно магниту. Некоторые почти не изменились, другие за это время исчезли с карты города, третьи подверглись преобразованиям и имеют совершенно иной вид и назначение. Сентиментальные путешествия, в ходе которых отыскиваешь следы собственной биографии, знакомы почти каждому, а в такие времена, когда мы довольно часто меняем место работы и жительства, они, кажется, в порядке вещей. Путешествие же в будущее своего города требует от путешественника смелости и решимости столкнуться с совершенно неизвестной ему реальностью, хоть она и возникла в уютной атмосфере тех мест, названия которых нам знакомы. Увиденную реальность нам приходится познавать заново, не позволяя старым шаблонам и выцветшим воспоминаниям обмануть себя. Я пишу о путешествии в будущее, сознательно используя это определение — прыжок из детства в современность напоминает путешествие на машине времени, потому что мы пропустили целые годы в развитии города, не участвуя в изменениях данного места, не имея общего опыта с его обитателями.

После отъезда из Познани в 1981 году, я, конечно, много раз бывала там, но это были, скорее, путешествия в прошлое. Визиты у родных и друзей, настойчивые поиски утраченного времени. Лишь вызов, связанный с написанием текста о современной Познани, вывел меня из летаргического состояния ностальгии, перенес в 2017 год, а может быть, и еще дальше, поскольку нынешнюю Познань объясняли мне ее жители, которые однозначно — в чем я убедилась — создают ее будущее.

Приглашаю вас стать моими попутчиками в этом необычном путешествии.

К сожалению, первое впечатление по прибытии в Познань не обязательно будет положительным, и не только у меня.

Познанская «хлебница»

Познанский вокзал, всегда разделявшийся на Главный и Западный, вводит в настоящий ступор приезжих, незнакомых с приемами передвижения по странноватому конгломерату недействующего здания бывшего вокзала и нового торгового центра, который жители Познани прозвали «хлебницей». После открытия галереи, вокзал стал чем-то вроде слепой кишки «хлебницы». Пассажиры, зачастую не находя перронов, опаздывают на поезда. Немало таких сетований я регулярно читаю на страницах социальных сетей. Петр Фёлькель, один из самых активных предпринимателей Познани, в разговоре жалуется мне, что у иностранных гостей бывают к нему претензии из-за этого «монстра», как будто он имел какое-то отношение к воздвижению глыбы нового вокзала. А он не имел, хотя — в широко понимаемом гражданском смысле — признает свою долю ответственности, так как ему не удалось приостановить несколько неразумных решений прежних властей города. Инвестиция же Петра Фёлькеля в недавно открытое высотное здание «Балтик» в самом центре города, это «попытка улучшить образ центра Познани» — подчеркивает он. Черная солидная высотка возвышается над центральной частью города, непривычной к такого рода небоскрегам. К «Балтику» я вернусь позже, вначале неплохо всё-таки выбраться из бестолкового здания вокзала. Эскалатором наверх, потом вниз, стараясь не заблудиться среди бутиков и косметических салонов.

Башня на территории ярмарки уже многие годы встречает приезжих: здесь, по крайней мере, без изменений. С чемоданом я направляюсь в сторону отеля «Меркурий» (теперь «Меркюр Познань Центр»), с незапамятных времен находящегося неподалеку от вокзала на рондо Капонера. В XIX веке на этом месте стоял прусский огневой бастион, который называли Капониром, соединенный рвом с Берлинскими воротами, охранявшими доступ в город, отсюда название этой главной городской транспортной развязки в Познани.

Пешеходы проходят под землей, автомобили, велосипедисты и трамваи оставляют следы на поверхности кругового

перекрестка. Познань развивает сбалансированный городской транспорт, то есть использование различных транспортных средств, включая велосипед. *«Пожалуйста, не ходите по велосипедным дорожкам, за это грозит большой штраф»* — предупреждает меня кто-то по пути, когда я с чемоданом оказываюсь на дорожке для велосипедистов. Их много, они широкие, хорошо обозначенные. Это новшество, как и общедоступные городские велосипеды.

Когда-то здесь был кинотеатр «Балтик», построенный в 1929 году в связи с Всеобщей отечественной выставкой. Мы все ходили в него на американские фильмы в оригинале с лаконичными польскими субтитрами. Перед кинотеатром стояли очереди, тянувшиеся на улицу, на фасаде мигала неоновая реклама. Другую сторону рондо охватывает уже упомянутый «Меркурий», характерное изогнутое здание посередине Капонеры. Я еще никогда не ночевала в этом отеле, поскольку в родном городе, как известно, всегда останавливаешься у кого-нибудь дома.

Символ роскоши 60-х

Этот отель — открытый в 1964 году — был в ПНР символом роскоши. Номера в нем снимали, прежде всего, западные гости ярмарки. Познанцы обожали тамошнее кафе, а также ресторан, в котором всегда можно было заказать изысканные мясные блюда, даже в 80-е годы, когда мясопродукты распределялись по карточкам. Тогда в кафе верховодила официантка по прозвищу Пепси, славившаяся необыкновенным чувством юмора. Всем хотелось сидеть за ее столиком.

У отеля есть собственная кондитерская — ее первый мастер-кондитер ушел на пенсию три года тому назад. В «Меркурии» он проработал 50 лет, от подмастерья до мастера. В рецепции меня встречает пани Стефания, работающая в отеле с незапамятных времен. Это она рассказывает мне о Пепси и других легендах «Меркурия». Мой номер украшен музыкальными мотивами: на шторах видны ноты, на стенах висят оперные плакаты. *«Это благодаря Международному скрипичному конкурсу им. Генрика Венявского»* — позже объясняет мне Павел Дроздовский, отвечающий в «Меркурии» за организацию конференций. *«У нас много номеров с музыкальным акцентом, поскольку именно у нас всегда собирается жюри конкурса»* — с гордостью сообщает он. А я вспоминаю, как девочкой-подростком тайно бродила по интерьерам отеля, вдыхая экзотический аромат Запада и упиваясь атмосферой

роскоши, как я тогда воспринимала «Меркурий». В номере меня встречает знаменитый познанский рогалик св. Мартина с белым маком.

Уже три года пост мэра города занимает Яцек Яськовяк, юрист и предприниматель. Он баллотировался от партии «Гражданская платформа», но свою общественную деятельность в 2010 году начал в объединении «Мы-познанцы». Тогда он впервые принял участие в выборах мэра, но выиграл их лишь со второго раза, в 2014 году. Мэр Яськовяк сменил Рышарда Гробельного, управлявшего городом 16 лет. Напомню: в Познани 540 тысяч жителей и уже пять лет самый низкий уровень безработицы в Польше — 1,9%. Крупные немецкие фирмы, такие как «Nivea» или «Фольксваген», выбрали для размещения польских филиалов окрестности Познани — этот факт, конечно, создает благоприятные условия для экономического развития.

Яцек Яськовяк был студентом GFPS^[1] в университете г. Билефельд. Особой чертой его биографии стало знакомство с бардом Яцеком Качмарским. С 1997 года Яськовяк был менеджером Качмарского и, кажется, даже повлиял на эволюцию репертуара поэта от политического к более философскому.

Нынешний мэр поддерживает велосипедистов, продвигает в ресторанах вегетарианство, борется за свободу слова в театре и приглашает на Марш равенства^[2]. Слоган «Вольный город Познань», который ассоциируется с Яськовяком и Познанью, «появился спонтанно и отражает метаморфозу, переживаемую Познанью», читаем мы в интерпретации этого лозунга. «Мы хотим подчеркнуть ценности, о которых нужно неустанно заботиться: открытость к другому человеку и иной культуре, толерантность, уважительность и понимание, уважение человеческого достоинства. (...) В местном контексте мы хотим подчеркнуть, что ценим разнообразие, что мы гостеприимны и любопытны к миру» (www.poznan.pl).

Несмотря на то, что времени у меня немного, я решаю проверить, насколько слова мэра узнаваемы в повседневной жизни города.

Познанские козлики

Отправляюсь в сторону Старой рыночной площади. Как всем иностранным туристам, мне хочется успеть посмотреть на знаменитых познанских козличков, которые в полдень

бодаются на башне ратуши. Идти удобно, через минуту я замечаю, что мне не приходится, как когда-то, постоянно смотреть под ноги, чтобы не споткнуться — все тротуары ровные, пешеходные переходы опущены пониже. По Познани еще никогда не ходилось так хорошо. Анна Ваховская-Кухарская, общественная активистка и бывший альтернативный кандидат в мэры, позже объясняет мне, что несколько лет тому назад в центре организовали демонстрацию мам с детскими колясками. Женщины стремились обратить внимание на трудности передвижения по городу. Очевидно, это помогло. Город невероятно ухожен, ренессансная ратуша тщательно отреставрирована. В полдень вокруг нее собираются экскурсии школьников и туристы из других городов. Уже несколько лет в Познани звучит хейнал^[3], исполняемый на трубе с ратушной башни, как в Кракове. Но сегодня он эксклюзивный, насыщенный синкопами, с джазовым уклоном. Оказывается, в Познань на музыкальный фестиваль пригласили инструменталистов из Чикаго, и одним из пунктов программы стало его джазовое исполнение. На углу Рынка, прямо напротив ратуши, располагается Дом Бретани. Читаю в программе о семинарах на тему свободы совести, о Фестивале культур регионов Европы. Еще можно научиться бретонским танцам. Я внимательнее присматриваюсь к циклу лекций о миграции «Странник и его рассказ». К сожалению, они уже закончились, а жаль, я бы охотно зашла.

Познанские революции

Зато мне порекомендовали заглянуть в заведение у городской галереи «Арсенал», сразу за ратушей. Оно называется «Мескалин» и в полуденную пору пустует. Но можно заказать что-нибудь выпить, хотя, на самом деле, клуб оживает лишь ночью. Большое пространство, современный дизайн, хорошо расположенная сцена. В «Мескалине» каждый уикенд проходят концерты групп, съезжающихся со всей Европы, клуб известен музыкальным агентствам, которые за годы его деятельности убедились в том, что музыканты получают оговоренную оплату, хороший номер в отеле и не будут играть перед пустым залом — клуб собирает толпы. Владельцу «Мескалина», Бенеку Эйгерду, культурологу и отцу троих детей, недавно пришлось вставать на защиту своих музыкантов, на которых в городе напали молодые люди, недовольные слоганом «открытый город». Им не понравился цвет кожи «загорелых», как в последнее время называют в Польше иностранцев южного происхождения. — *«Я стремлюсь создать в «Мескалине» место*

встреч познанских общественных деятелей, различных гражданских организаций», — Бенек Эйгерд не довольствуется музыкой и ночной жизнью. Кажется, именно в «МескаLINE» начинаются все познанские революции (так поясняют мне городские активисты), в этом клубе возникло Объединение «Мы-познанцы». Бенек Эйгерд, отвечая на вопрос, какие темы для него важны сегодня, говорит о просвещении. Понятно, трое детей обязывают. Он отвозит их в школу, остается с ними по вечерам, когда жена уходит на встречи — она развивает новый метод цифрового интерактивного образования. «Я сознательный мужчина, феминист» — говорит он, сожалея, что познанский фестиваль женского искусства «No Women No Art»^[4] был задушен политикой «усатых господ» из прежней городской администрации, урезавших дотации на инициативы такого рода. Бенеку нужны другие школы, где детей воспитывают сознательными и свободными гражданами. Одна из таких — расположенная в Цитадели^[5] школа «Лэйеры», в которой большое внимание уделяется театру и социальной активности. «Лэ йеры!» — познанское выражение, соответствующее немецкому «Auweia!»^[6]. В 90-е годы, когда все казалось возможным, в Польше началось сильное реформаторское движение в области образования. Появлялись новые вальдорфские детские сады, новые модели социальных школ, Петр Фёлькель основал свой престижный Коллегиум Да Винчи^[7], начинающийся, практически, с детского сада. «Здесь должны учиться молодые люди, которые будут способны пользоваться свободой» — разъясняет идею школы и университета познанский предприниматель.

Вернемся теперь на Старую Рыночную площадь, где белые зонты ресторанов и кафе вписываются в эстетику старинной части города. Размеры площади ровно 141 на 141 метр, от каждой стороны квадрата три улицы ведут в направлении бывших линий городских стен. Их, в свою очередь, пересекают поперечные улочки, создавая шахматную доску, характерную для средневековой городской застройки. Старый Город много раз перестраивался, во время военных действий в 1945 году он был разрушен и восстанавливался не всегда в соответствии с прежней застройкой. На Рынке находилось много типичных для XIX века зданий магазинов, считавшихся у марксистов «реакционной архитектурой». После войны было решено восстановить средневековый облик рыночной площади, снеся фасады прошлого века, устоявшие перед разрушениями, и заменив их особнячками в стиле ренессанса, которые мы и видим сегодня. Лишь внутренняя застройка Рынка осталась неизменной и сохранила свой исторический вид.

Во времена, когда я в Познани училась в лицее, то есть на рубеже 70-х и 80-х годов, Рынок бурлил. Здесь мы назначали свидания, ели мороженое после школы, ходили на чашку чаю в близлежащие кафе и, в поисках редких книг, в букинистический магазин на углу Рынка и Фарной. Сегодня Рынок расцветивают лотки с сувенирами для туристов и рестораны различного происхождения, но публика явно неместная. «В старом городе живет уже очень немного познанцев, может, 15 семей, многие дома превращены в студенческие общежития, которые в каникулы и праздники пустеют» — объясняет Марцин Петр Кубяк, историк искусства и владелец винного зала, живущий поблизости от Старого Рынка. Познанская молодежь по вечерам и уикендам собирается на берегах Варты. Город отреагировал на это спонтанное движение, поставив биотуалеты и мусорные контейнеры. В теплые вечера к Варте приходят сотни людей, приносят с собой напитки. *«Знаменитое познанское «но» — говорит Бенек Эйгерд, — если кто-то в Познани аргументирует против чего-то, то через секунду он слышит «но», а еще через секунду он согласен на «ДА».* Варта — это как раз пример такого согласия на спонтанное движение молодежи. Вольный город Познань? Здесь — без сомнения.

Прохожу мимо приходского костела и Балетного училища на Коллегиатскую площадь, где находится городская администрация Познани. Меня поражает двор учреждения с необычной, продуманной эстетикой. Вокруг посаженных во дворе деревьев сгруппированы довольно большие деревянные террасы, скамьи, лежаки, которые приглашают отдохнуть гуляющих либо посетителей. Скамьи передвижные, их можно перемещать на колесиках и сделать из них сцену, пригодную для концертов на открытом воздухе. Прекрасная идея и новаторский дизайн, восхитительный в своей простоте и утонченной эстетике. Современный дизайн — это еще один конек Петра Фёлькеля, владельца мебельных магазинов VOX и школы дизайна «Конкордия Дизайн»: *«Я хочу, чтобы будущие дизайнеры были обучены психологии и могли задуматься о подлинных потребностях человека, проектируя для него лампу или стол».* Кстати, проектировщица деревянных скамей-террас на Коллегиатской площади преподает в Коллегиум Да Винчи.

Из старого города я направляюсь на улицу Святого Мартина, когда-то главную артерию с универмагами, кафе и кинотеатром «Муза». С облегчением убеждаюсь, что бар «Котик» сохранился. Поколения познанцев посещали «Котик», чтобы поесть пирожных, мороженого и взбитых сливок с фруктами. Оформление по-прежнему напоминает о 70-х годах,

а в витрине искушают калорийные вкусности. В расположенном совсем рядом кинотеатре — изысканная программа некоммерческого кино. В кинотеатре действует Дискуссионный киноклуб, проект «Новые горизонты кинематографического образования», это невероятно активная площадка. Зато сама улица Святого Мартина опустела. Туда, где прежде располагались магазины, въехали банки, исчезли галереи и рестораны, улица сделалась малопривлекательной. При этом заметно ожила украшенная современным фонтаном площадь Свободы с Национальным музеем и Библиотекой Рачинских, одно из самых красивых мест в Познани. Прохожу мимо временно закрытой «Аркадии», где Познань многие годы проводила ночи на танцах, мимо Бюро туристической информации и Театра Восьмого дня, потом мимо внушительного здания Театра Польского, чтобы наконец добраться до «Кругляка» — покупательской Мекки 60-х годов. Оригинальное с архитектурной точки зрения здание когда-то пульсировало жизнью, которая теперь перенеслась в «Старую пивоварню», удачную галерею на Пулвейской улице. Двигаясь по улице Фредро, я миную оперный театр, чтобы дойти до Ежице, района, легенду которому создают книги познанской писательницы Малгожаты Мусерович. В те годы, когда я не могла часто приезжать в Познань, подруга привозила мне романы о добродушной семье Бореико, проживавшей на улице Рузвельта. Отец, рассеянный классический филолог, четыре дочери и терпеливая, добрая мама, а также, со временем, целая сеть потомков, друзей и дальних родственников семьи, так сильно вросли в пейзаж Ежице, что пани Стефании из отеля «Меркурий» случается направлять гостей, паломничающих с «Ежициадой» в руках, по адресам, упомянутым в книге.

Сецессион в Ежице

Познань состояла из Старого Города и окрестных деревень, включенных в городские пределы на рубеже веков. В том числе Ежице, Лазаж, Вильда. В каждом районе до сих пор сохраняется собственный, ежедневно работающий рынок. Для Ежице характерны красивые особняки периода сецессиона. Многие из них обретают прежнюю прелесть, в том числе дом, в котором я жила в детстве — Мицкевича, 7. Над входом два ангела встречают жителей и их гостей надписью «Salve»^[8]. Поблизости, на углу улиц Пруса и Словацкого, родился и жил до 1939 года известный социолог Зигмунт Бауман.

По Ежице я гуляю с Иоанной Станкевич, активисткой женских движений и культурологом. Она обращает мое внимание на огромное количество ресторанчиков и кафе. Действительно, Ежице постепенно становится Меккой для гурманов. Мы минуем кофейню с экологической выпечкой «Цукер Пудер», пивное заведение «Крафт» с местными мясными продуктами, преподнесенными в авангардном стиле. Веганский ресторанчик «Выпас» и множество других приглашают к наслаждению вкусом. Еще не так давно по Ежице не советовали ходить в вечернее время, можно было легко встретиться с так называемым «элементом». — *«Теперь в Ежице легче получить фалафель, чем кирпичом по голове»*, прокомментировал перемены в районе Бенек Эйгерд, тоже живущий на улице Мицкевича. Иоанна Станкевич показывает мне Центр «Амарант» в бывшем Доме железнодорожника на улице Словацкого. Для нее важны такие соседские инициативы, улучшающие отношения там, где ты живешь. Однако у нее самой есть на счету гораздо более крупные проекты: упоминавшийся уже фестиваль искусства «No Women No Art», а также недавняя акция по сбору средств для беженцев в греческом лагере Неа-Кавала — *«From Poznań with Love»*^[9]. Акция прошла очень успешно, собрали почти 30 тысяч злотых, на которые были закуплены продукты питания, отправленные потом в лагерь в Греции. *«И здесь Познань показала, что в силах действовать вместе. В Познани вообще разные круги в состоянии договориться между собой, найти консенсус. Познанцы действуют прагматично, особенно женщины. У Познани женское лицо»*, — добавляет Иоанна, уверенная в том, что будущее столицы Великопольши находится в руках женщин. Она упоминает, что в течение многих лет часто бывала в Театре Восьмого дня, который в народе называют «Восьмерками». Эва Вуйчак, многолетний художественный руководитель «Восьмерок» — одно из женских лиц Познани. Политически активная во времена ПНР, она много раз задерживалась милицией за распространение подпольной литературы. Этот театр — легенда и для меня. Он неоднократно гастролировал в Берлине по приглашению «UFA Fabrik»^[10] — без Эвы, которой неизменно отказывали в выдаче загранпаспорта с 1985 года. Памятной была постановка «Рапорта из осажденного города», спектакля по стихам Збигнева Херберта, у берлинской стены в 1988 году. После спектакля актеры раздавали польские сигареты «Спорт», «Популярные» — и собравшиеся у стены зрители вдыхали их резкий дым, как трубку мира в каком-то необычном ритуале. В 1989 году Театр Восьмого дня участвовал также в организации Караванов мира — поездке альтернативных театров со всей Европы от Москвы до

Португалии. В Берлине они задержались на две недели, образовав на улице 17 июня своеобразную театральную деревню.

Познань славится альтернативными театрами. Их много, часто они возникали в студенческой среде. «Похитители тел», «Зона тишины». С этим последним сотрудничал в студенческие годы Марцин Петр Кубяк, управляющий сейчас винным заведением «Под черным котом» в районе вилл под названием «Грюнвальд». К Кубяку я еду на велосипеде, минуя «Конкордию Дизайн», зоопарк и бывшие прусские казармы. «Под черным котом» находится на Марцелинской, еще одной улице, связанной с моей личной познанской историей. Мы жили на Марцелинской в маленькой однокомнатной квартирке, а там, где теперь находится заведение Кубяков (поскольку он руководит им вместе с женой Доротой), был кинотеатр «Грюнвальд», куда по воскресеньям мы ходили на утренние сеансы смотреть сказки про Болека и Лёлека. Марцин Петр Кубяк не только занимается гастрономией — на его кухне, говорят, делают лучшие вареники в Познани. Летом на парковке перед рестораном он устраивает временный кинотеатр «Грюнвальд», показывая редкие фильмы, например, цикл о прежней Познани из кинохроники 60-х и 70-х годов, либо циклы немецких фильмов. Местные жители не протестуют, несмотря на то, что бывает громко. Он приглашает на регулярные литературные вечера, участвует в организации фотовыставок на окрестных заборах, занимается историей района, а порой приглашает на концерты на крыше винного зала — 13 сентября на крыше «Черного кота» споют... знаменитые «Познанские соловьи». *«Я бы заскучал без этих тусовок»*, — говорит он. И рассказывает о своей публике, к которой причислен даже ксендз Радек Раковский, носящийся с идеей мессы для велосипедистов, в пути, прямо на велосипедах. Это он, одним из первых в Познани, готов нести помощь сирийским беженцам («усыновил» три сирийские семьи). Как и другие мои собеседники, с Петром Фёлькелем включительно, который в течение многих лет был техническим директором Польского Театра танца Конрада Джевецкого — Марцин Петр Кубяк включился в работу Театра «Зона тишины». Этот факт, объединяющий многих городских предпринимателей, активистов и политических деятелей (Анна Ваховская-Кухарская в семейном и эмоциональном смысле является частью Театра Восьмого дня), после очередной встречи заинтриговал меня настолько, что я начала усматривать влияние театра на активную модель жизни в городе. Кубяк подтвердил мою гипотезу: *«Да, в театре мы испытываем интенсивную общность переживания, а она, в свою*

очередь, несет за собой ценности, которые нам хочется перенести в жизнь города». Немецкий философ Петер Слотердаик в своих лекциях на тему нашего сосуществования в будущем подчеркивает значение атмосферы. Он постулирует высокую оценку создателей позитивной атмосферы, дающей возможность многомерного, хорошего развития сообществ. «Давайте помнить, что общества сами направляются и сами климатизируются через атмосферу», — сказал он в беседе с журналистом Райнхардом Калем. Именно театры были и остаются активными создателями познанской атмосферы, и не случайно Министерство культуры и национального наследия в этом году отказало в дотации для Фестиваля «Мальта», куратором которого на этот год стал Оливер Фрлич, режиссер знаменитого уже варшавского «Проклятия». Благодаря вмешательству театральных деятелей и аукциону в пользу «Мальты», недостающие средства всё же были собраны, и фестиваль состоялся в соответствии с планом.

«Дизайнеры городских будней»

Однозначно новым поколением создателей атмосферы являются мои познанские собеседники. Я назвала их «дизайнерами городских будней». Петр Фёлькель, быть может, самый напористый и вдохновенный из них всех, с гордостью рассказывает о своем последнем проекте, у подножия которого мы встретились. «Балтик» — об этом здании говорят, что оно меняется, как хамелеон, в зависимости от места, с которого на него смотришь. Архитекторов вдохновлял познанский модернизм, прежде всего, «Кругляк», несмотря на то, что их здание весьма угловатое. «У “Кругляка” мы почерпнули мотив окон, помещенных в структурные рамы, которые тянутся от самого низа и до вершины здания» — объясняли архитекторы на открытии «Балтика».

На последнем этаже «Балтика» запланирован джазовый клуб, у подножия высотки публичное пространство, названное «Пристанью» — площадь, доступная для каждого, со скамейками, зеленью, интегрирующая различные сообщества: туристов, местных жителей, людей, связанных с бизнесом, и креативщиков из «Конкордии Дизайн». На «Пристани» планируются показы фильмов, концерты, выставки и, конечно — театральные спектакли. Новое место для общих переживаний познанцев и приезжих? Об освоении этого пространства заботится дочь Петра, Эва Фёлькель-Крокович.

Мое путешествие в будущее Познани приближается к концу. С верхнего этажа «Балтика» открывается вид на город, в котором я родилась на улице Польной, недалеко отсюда, как и почти все мои собеседники. Я стою у окна, собирая воедино впечатления от прогулок и бесед. Познанцы сочетают в себе прагматизм с визионерством, которое последовательно воплощается в действие. У Познани, одного из древнейших польских городов, нет, однако, великой легенды, что является необыкновенно раскрепощающим фактором и способствует направлению гражданской активности в сторону будущего, организации хорошей, удобной жизни. «Познань, вольный город» — неужели из-за этого лозунга на мне оказались розовые очки? Надеюсь, что нет.

От «Пристани» всего несколько шагов до «Меркурия». Ага, я же должна обязательно передать привет от Петра Фёлькиеля пани Стефании в рецепции — ведь в Познани почти все знают друг друга...

Дорота Данелевич — литературовед, публицист, автор аудиогидов, живет в Берлине. Недавно опубликовала книгу «Берлин. Путеводитель по душе города» (издательство W.A.B.).

DIALOG

1. GFPS – научно-культурное объединение, приоритетом деятельности которого является студенческий обмен в странах Центральной и Восточной Европы. Программы GFPS-Польша реализуются совместно с партнерскими организациями из Германии и Чехии — Примеч. пер.
2. Марши равенства — публичные акции в защиту прав женщин и ЛГБТ, а также против всех видов дискриминации — Примеч. пер.
3. Хейнал — сигнал точного времени, раздающийся каждый час с башни Марицкого костёла в Кракове, исполняется трубачом. В последнее время и в других городах Польши, для привлечения туристов, появились свои хейналы — Примеч. пер.
4. «Без женщин нет искусства» (англ.) — Примеч. пер.
5. Парк «Цитадель» или Форт Виняры — исторический памятник, городской парк, центральный форт Познанской крепости — Примеч. пер.

6. Auweia! (нем.) – Ух ты! Вот это да! — Примеч. пер.
7. Коллегиум Да Винчи — частный университет, основанный в 1996 году в Познани – Примеч. пер.
8. Salve (лат.) — Здравствуй — Примеч. пер.
9. «Из Познани с любовью» (англ.) — Примеч. пер.
10. UFA Fabrik — культурный центр в Берлине — Примеч. пер.

Заявление Польского ПЕН-клуба

За последние два года нас поссорили с соседями, с содружеством наших союзников и стратегическими партнерами польского государства. Каждый очередной конфликт затевается во имя мнимой защиты Польши от мнимого нападения на ее интересы и репутацию. С маниакальным упорством нас возвращают к военным реалиям, актуальным четыре поколения тому назад. Из неприязни к собственному государству уничтожаются достижения последнего двадцатипятилетия, когда возрожденная Польша, участвуя в создании системы европейских коалиций, последовательно и успешно шла к историческому примирению с Германией, с еврейским и украинским народами. Дружеские отношения с независимой Украиной вышли тогда на небывалый уровень в нашей общей истории. Их разрушение сегодня означает стремление к балканизации Центральной Европы. Образ отталкивающе нерациональной Польши усугубляет ее зловещую изоляцию от мира.

Пресловутая "политика стыда" уступает место политике бесстыдства, все больше смахивающей на сознательную провокацию. Провокационный характер этой политики выражается в санкционировании обнаглевших от своей безнаказанности "патриотов в масках", которые все чаще выходят на все более массовые манифестации с крайне расистскими лозунгами и слишком хорошо знакомой всем неонацистской символикой.

Провокацией является приглашение депутатом Сейма РП на польский День Независимости пропутинского итальянского неонациста, осужденного в собственной стране за терроризм. С давних пор связанный с английскими националистами, отрицающими Холокост, в речи на открытии Марша Независимости 11 ноября в Варшаве он призывал "захватить улицы".

Провокационным был выбор даты Международного дня памяти жертв Холокоста (накануне 50-летия позорного польского марта 1968 года) для принятия Сеймом, а затем и Сенатом поправки закона об Институте национальной памяти, а также сопровождавшая этот факт антисемитская шумиха. В этом постыдном спектакле отличился директор Второго канала общественного телевидения, который позволил себе в

эфире насмешки над геноцидом. Отрицающее Холокост высмеивание газовых камер, известное в практике неонацистов, по-английски называется *Holohoax*. Упомянутая поправка к закону, вопреки пропаганде, не ставит целью искоренение неонацизма и лжи, отрицающей Холокост. Она вписывается в пагубную традицию преследования за "оскорбление достоинства" – в данном случае, польского народа и государства. Лишение свободы за "фальсификацию истории Польши" на основании арбитражного приговора – это идея из области законодательства путинской России. Сущностью закона, принятого обеими палатами, является введение цензурной проскрипции, причем с угрозой многолетнего тюремного заключения. Тюрьма грозит за приписывание полякам любых военных преступлений и преступлений против человечества во время войны или даже в 1925-1950 годах (как, например, по отношению к украинцам). Этот цензурный запрет не может не привести к конфликту с народами, сохранившими в памяти примеры таких преступлений. Цензурная "машина нарративной безопасности", как назвал ее советник президента РП, создает мифологический образ войны, сводящейся к батальным картинам и мартирологии собственного народа. Антигерманизм, антиукраинизм и антисемитизм способствуют антиевропеизму. Все сильнее разжигая внешние конфликты, пропагандистская "наррация" по образцу марта 1968 года представляет любое несогласие как государственную измену. Это придает расколу в стране необратимый характер. Согласно этой извращенной логике, призывы к совместной защите Польши от внешней критики рассчитаны на обострение внутреннего конфликта. Дай бог независимой Польше пережить этот самоубийственный припадок.

Варшава, 8 февраля 2018 г.

Заявление польских участников Группы польско-украинского диалога

Новая редакция закона об Институте национальной памяти окажет самое пагубное влияние на польско-украинские отношения и может привести к эскалации враждебности, углубить политический конфликт между нашими народами. Мы рискуем потерять достижения наших добрососедских отношений за последние четверть века, утратить симпатию украинского общества к Польше. Закон также грозит осложнить пребывание в Польше работников и студентов из Украины, столь полезное и важное для нашей страны.

Кроме того, новый закон ставит под удар гарантии соблюдения гражданских прав национальных и этнических меньшинств, в том числе польских украинцев. Наконец, перспектива утраты солидарности наших стран и народов перед лицом агрессивной политики России угрожает безопасности Польши.

Особую тревогу вызывают следующие положения закона:

1. Введение уголовной ответственности за высказывания и действия, которые «уменьшают степень ответственности реальных исполнителей преступлений» против польского народа, может спровоцировать полное прекращение диалога с Киевом относительно Волынской трагедии, а также привести к тому, что польское государство будет преследовать представителей украинских элит: политиков, историков, ученых и журналистов, без которых невозможно какое-либо сотрудничество между нашими странами. Более того, в опасности окажутся также те польские и заграничные исследователи, которые при обсуждении конфликта 1939–47 гг. обращают внимание не только на преступления ОУН–УПА против поляков, но также на преступления польских формирований в отношении украинцев.

2. Приравнивание деятельности украинских националистических организаций к деятельности СССР и Третьего Рейха (ст.1, пункт 1а) является неверным. Советские и немецкие преступления имели совершенно иной юридический и международный статус, как в смысле международного права, так и по своему размаху, поскольку осуществлялись государствами, являвшимися институциональным воплощением двух тоталитаризмов – нацизма и коммунизма. Серьезные сомнения вызывает также подчеркивание коллаборационизма именно украинских националистических организаций, акцент в польском законодательстве не на сути преступления, а на национальной принадлежности его исполнителей. Создается впечатление, что польское государство относится к преступлениям, совершенным украинцами, иначе, нежели к действиям (в некоторых случаях также имевшим признаки геноцида, этнических чисток и т.д.) аналогичных формирований, создававшихся другими народами Центральной Европы, а также к коллаборационизму части поляков.

3. Использование в статье 2а закона, касающейся преступлений украинских националистов в 1925–1950 гг., формулировки «Восточная Малопольша» является антиисторическим, а на уровне международных отношений может быть расценено как решение считать территорию, принадлежащую Украине, частью Польши. Введение этой формулировки в польское законодательство противоречит фундаментальным принципам польской восточной политики. А в Украине воспринимается как проявление антиукраинской риторики со стороны Польши.

Мы считаем, что дружественные, основанные на взаимоуважении отношения с украинским народом носят сегодня абсолютно ключевое значение для Польши и ее граждан. В этой связи мы призываем как можно скорее скорректировать взрывоопасные и угрожающие этим отношениям нормы закона об Институте национальной памяти.

*Адам Бальцер, Богумила Бердыховская, Анджей Бжезецкий, Павел
Коваль,*

*Иоанна Конечная–Саламатин, Катажина Пелчинская–Наленч,
Павел Пурский,*

Кшиштоф Становский, Томаш Стрыек, Пётр Тыма